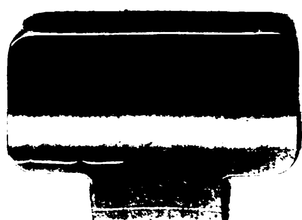
Kritisch-historische
Untersuchung
der
italiänischen
älteren
politisch-ökonomischen Literatur
bis zum Anfang des 19. Jahrh.
von dem Lehrer der polit. Ök. d. Univ.
Iwan Wernadsky.

GENERAL LIBRARY
UNIVERSITY OF MICHIGAN

A M.r le professeur
C. Rau
de la part de l'aut

КРИТИКО-ИСТОРИЧЕСКОЕ
ИЗСЛѢДОВАНІЕ

ОБЪ

ИТАЛІАНСКОЙ
ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ

ДО НАЧАЛА XIX ВѢКА.

МАГИСТРА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ И СТАТИСТИКИ

Ивана Вернадскаго.

(ДЛЯ ПОЛУЧЕНІЯ СТЕПЕНИ ДОКТОРА.)

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1849.

Heidelberg.

По опредѣленію Совѣта ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета печатать дозволяется. Февраля 14-го дня, 1849 года.

Секретарь Совѣта В. Спекторскій.

ИСТОЧНИКИ.

=

1. Большая часть италіанскихъ политико-экономическихъ писателей собрана *Кустоди* и издана подъ заглавіемъ: *Scrittori classici italiani di economia politica, Milano. 1803—4. 8* (посвящено Наполеону. Изъ 50 томовъ 7 первыхъ составляютъ *Parte antica*, 42 послѣдующихъ *Parte moderna*, 50-й т. заключаетъ каталогъ содержанія).

2. *Müller. Chronologische Darstellung der italienischen Klassiker über Nationalökonomie. Pesth, 1820. 8.* составляетъ библіографическій очеркъ сочиненій, заключенныхъ въ предъидущемъ собраніи. Выписки, дѣлаемыя имъ изъ нѣкоторыхъ писателей, касаются только предмета свободной торговли.

3. *C-te G. Pecchio. Storia della economia pubblica in Italia. Lugano. 1829. 8.* (Французскій переводъ *Gallois. P. 1830*) заключаетъ болѣе фразъ, чѣмъ дѣла,

проникнута узкимъ духомъ національности и болѣе обращаетъ вниманія на жизнь авторовъ, которыхъ онъ излагаетъ въ порядкѣ, принятомъ Кустоди, — нежели на ихъ сочиненія, которыхъ онъ касается слегка. Отзывы его, не смотря на это, цѣликомъ перешли (въ переводѣ Галлуа) въ Исторію Политической Экономіи *Альбана де Вильнева-Баржмона.*

Не многіе моменты въ исторіи науки имѣютъ такой интересъ для ученаго изслѣдователя, какъ моментъ ея первоначальной обработки, когда умъ человѣческій старается оріентироваться въ безконечномъ хаосѣ разнообразныхъ данныхъ, лишенныхъ всякой взаимной связи, часто по видимому противорѣчащихъ одно другому, и съ перваго взгляда не представляющихъ ничего общаго между собою. Провѣрить ихъ ученою критикой, привести въ систему и сдѣлать изъ нихъ выводы, которые бы могли войти въ составъ образующейся науки, — все это составляетъ трудную задачу; рѣшеніе ея безспорно дѣлаетъ честь вѣку, предпринявшему его, и творческой способности человѣческаго ума. Къ несчастію, человѣкъ приходитъ не скоро къ такому рѣшенію: прежде, нежели онъ попадетъ на вѣрную стезю, онъ дѣлаетъ много неудачныхъ попытокъ и долго блуждаетъ во тмѣ ошибокъ и предразсудковъ.

Исторія всѣхъ наукъ свидѣтельствуетъ истину этого положенія, но ни одна изъ нихъ — быть можетъ — не подверглась этой участи въ такой мѣрѣ, какъ Политическая Экономія. Прошли тысящелѣтія прежде, нежели начала ея сознаны были образованнымъ міромъ. До тѣхъ поръ законодательство въ дѣлахъ экономическихъ шло какъ бы ощупью: самыя вопіющія несправедливости совершались безъ всякаго сознанія ихъ значенія и ихъ послѣдствій. Личная безопасность, — эта основа всѣхъ экономическихъ дѣйствій, существовала только въ видѣ исключенія. Трудъ, главный и единственный источникъ богатства, не пользовался никакими правами гражданскими и часто бывалъ заклейменъ какимъ-то позоромъ. Общественная власть, эта высшая хранительница священныхъ интересовъ общества, постоянно приходила въ столкновеніе съ индивидуальной волей, не понимавшей ни своего отношенія къ ней, ни истинной своей выгоды. Вездѣ существовалъ какой-то хаосъ, какая-то неопредѣленность и неясность воззрѣній; вездѣ была борьба, не скажу — неразумная, потому что это было бы клеветою на Провидѣніе, но по крайней мѣрѣ странная и безсознательная. Казалось бы, что человѣкъ, наученный этимъ вѣковымъ горькимъ опытомъ, долженъ былъ постараться дать себѣ отчетъ въ явленіяхъ, составлявшихъ сущность его вседневной жизни и предметъ его постоянныхъ заботъ, — въ явленіяхъ

1

его вещественнаго владѣнія, богатства, цѣнностей; но къ несчастію наблюденіе законовъ развитія наукъ, обусловливаемыхъ законами развитія человѣческаго ума вообще, показываетъ намъ, что ожидать этаго было бы слишкомъ рано: наглядность и — такъ сказать - вседневность экономическихъ явленій мѣшала раннему появленію науки объ нихъ. Пытливый умъ человѣческій по своей природѣ всегда предпочитаетъ отдаленное — близкому, совершенно неизвѣстное тому, что у него находится постоянно передъ глазами. Онъ берется гораздо охотнѣе за рѣшеніе отвлеченныхъ началъ бытія, стремясь въ далекій, неясный міръ безъусловнаго и безконечнаго, нежели за наблюденіе простыхъ явленій земной жизни. По этому Философія предшествуетъ другимъ наукамъ, Астрономія — Физикѣ, Физика — Химіи и т. д. Въ этомъ явленіи, достаточно объясняющемъ причину поздняго появленія Политической Экономіи, мы видимъ признакъ силы человѣческаго ума и ручательство въ дальнѣйшихъ успѣхахъ нашихъ на поприщѣ знанія. Чѣмъ чаще обращается человѣкъ съ предметомъ, тѣмъ онъ для него кажется понятнѣе только потому, что онъ не вникнулъ въ глубину его свойства: приглядѣвшись къ нему, онъ не почиталъ его достойнымъ своего изученія; онъ не понималъ, что въ предметахъ, съ которыми онъ обращается ежедневно, и которые по этому опошлѣли въ его глазахъ, кроется также много чудеснаго, т. е. не находящагося въ волѣ отдѣльнаго человѣка, какъ и въ движеніи звѣздныхъ міровъ. Онъ не понималъ, что вещественное богатство составляетъ такое же проявленіе великихъ законовъ природы, какъ и лучшія созданія его фантазіи, что стройность и послѣдовательность явленій въ его области также удивительна, какъ стройность и послѣдовательность явленій живаго организма.

Но кромѣ этой первой — такъ сказать — психической причины поздняго развитія нашей науки — есть еще другая, лежащая въ самой природѣ предмета, которымъ она занимается. Дѣятельность, имѣющая цѣлію матеріальное производство, состоитъ въ посильномъ удовлетвореніи потребностей нашихъ, но наши потребности по природѣ своей находятся въ вѣчномъ броженіи: каждое мгновеніе въ жизни отдѣльнаго лица, какъ и въ жизни народа, измѣняетъ взаимное отношеніе ихъ, приводитъ ихъ къ различнымъ, безконечнымъ по числу соединеніямъ, порождающимъ новыя потребности и т. д, каждое мгновеніе по этому представляетъ большую противъ прежняго и по объему и по силѣ настоятельность потребностнаго удовлетворенія. Тѣснимый ею — человѣкъ рѣдко имѣетъ возможность обсудить и взвѣсить ихъ значеніе вѣрно и безусловно. Онъ видитъ только ихъ проявленіе въ себѣ, чувствуетъ требованіе ихъ и берется за первый бли-

жайшій къ нему способъ ихъ удовлетворенія: воровство, грабежъ, обманъ, такъ сильно вредящія общественному развитію, находятъ здѣсь прямое объясненіе свое. Близорукость ума не позволяетъ видѣть виновникамъ этихъ преступленій той органической связи, которая существуетъ между ними и общественнымъ тѣломъ, и скрываетъ отъ нихъ истинную природу ихъ личнаго благосостоянія, всегда не прочнаго, а потому только мнимаго, если оно не вытекаетъ изъ началъ благосостоянія общественнаго, долженствующаго быть основою для частнаго.

По этой же настоятельности потребностей и быстротѣ ихъ развитія — съ одной стороны, опредѣленной ограниченности средствъ—съ другой, человѣкъ пріучается руководиться въ выборѣ послѣднихъ рутиною, преданіемъ, предразсудками. И такъ стремленіе удовлетворять потребностямъ средствами противозаконными или рутиной — дѣлало труднымъ признаніе началъ науки, наиболѣе вооружавшейся противъ того и другаго.

Открыть эти начала предоставлено было только ближайшему намъ времени. Явленіе науки въ новой, болѣе совершенной формѣ составило блистательную эпоху. Сперва съ недовѣрчивостію, а послѣ съ увлеченіемъ слѣдилъ образованный міръ за ея развитіемъ, предвидя въ ней залогъ своего счастія и своего спокойствія. Наука учила истинѣ и миру, а истина и миръ — рано или поздно найдутъ отголосокъ въ умѣ и сердцѣ большинства людей, хотя они и способны на время увлекаться ложными мнѣніями.

Эта эпоха появленія науки Политической Экономіи въ достойномъ видѣ—съ полнотою содержанія и отчетливостію въ научныхъ выраженіяхъ — совпадаетъ съ концемъ прошлаго столѣтія; но при этомъ невольно раждается вопросъ, неужели она явилась вдругъ, не предшествуемая никакими отдѣльными предъидущими опытами, явилась во всеоружіи изъ головы одного мыслителя? Если бы это было такъ, то мы имѣли бы право сомнѣваться въ ея научномъ достоинствѣ: составляя результатъ вѣковой опытности, каждая наука необходимо должна имѣть корни въ прошедшемъ, и хотя она тогда не являлась въ формахъ, выдерживающихъ строгую ученую критику, однако отдѣльныя положенія ея существовали уже, выраженныя въ сужденіяхъ объ различныхъ явленіяхъ: эти сужденія, эти мысли составляютъ неотъемлемое достояніе науки, въ нихъ скрывается ея зародышъ. Изложеніе ихъ даетъ намъ возможность прослѣдить процессъ ея образованія.

Но здѣсь необходимо представляются намъ слѣдующіе вопросы: 1) объясненіе этого процесса образованія науки имѣетъ ли какое нибудь значеніе въ ея исторіи? и 2) систематическое изложеніе

ея первыхъ зачатковъ имѣетъ ли цѣну въ ней самой, для ея дальнѣйшаго развитія?

На оба эти вопроса мы отвѣчаемъ утвердительно на слѣдующихъ основаніяхъ:

1. На науку мы привыкли смотрѣть — и взглядъ нашъ совершенно правиленъ — какъ на нѣчто органическое, единое цѣлое. Ни одна часть ея не можетъ быть оторвана отъ нея безъ прямаго ущерба ея достоинства, безъ нарушенія ея цѣлости; такъ точно и ни одинъ моментъ ея предъидущаго развитія не долженъ быть оставленъ нами безъ вниманія, если мы хотимъ вполнѣ оцѣнить ея значеніе и узнать истинную ея природу. Исторія науки есть—ея физіологія. Въ ней должны быть представлены всѣ фазы ея развитія, какъ бы они по видимому ни были маловажны. Организмъ мы можемъ понять только, прослѣдивъ его въ тѣхъ различныхъ видахъ, которые онъ принималъ со времени своего зарожденія. Для насъ было бы непонятно ничто живое, если бы мы ограничились наблюденіемъ его въ одинъ моментъ его существованія. Изслѣдованіе puncti salientis также важно для правильнаго и полнаго уразумѣнія человѣческаго состава, какъ анатомическія изслѣдованія надъ тѣломъ взрослаго. Отдѣльныя сужденія о научныхъ предметахъ до появленія систематическаго изложенія началъ науки имѣютъ тоже значеніе въ ея исторіи, какъ punctum saliens въ физіологіи человѣка. Я не говорю уже объ интересѣ, присущемъ каждому вопросу изъ области науки, въ какой бы формѣ онъ ни проявлялся: это составляетъ предметъ ученаго любопытства, которое дорого для успѣховъ науки, но которое еще само по себѣ не приноситъ плодовъ въ ея области. Изслѣдованіе этихъ зачатковъ науки не есть только предметъ такого любопытства.

Въ отрывочныхъ сужденіяхъ, изъ которыхъ они состоятъ, мы можемъ отличить цѣлую систему, выходящую изъ одной господствующей идеи, хотя не сознанную вполнѣ и не выраженную отчетливо. Не смотря на ихъ кажущуюся разрозненность и противорѣчіе, при внимательномъ наблюденіи — мы всегда можемъ видѣть ихъ взаимную связь: они составляютъ какъ бы звенья одного невидимаго цѣлаго. Сочиненія меркантилистовъ—въ области нашей науки представляютъ намъ разительный тому примѣръ: всѣ они проникнуты однимъ духомъ, одною идеей, всѣ они предполагаютъ цѣлый рядъ понятій, не высказанныхъ, можетъ быть несознанныхъ самими сочинителями, — но которыхъ объясненіе мы находимъ въ современныхъ имъ учрежденіяхъ и въ современномъ имъ состояніи общественныхъ наукъ вообще. — Они по этому не могутъ быть выпущены изъ полнаго изложенія развитія науки (а такова должна быть ея исторія) безъ явнаго ущерба для самаго содержанія ея.

Но есть еще другое возраженіе, дѣлаемое нѣкоторыми, именно—что большая часть такихъ опытовъ, появлявшихся до принятія наукою достойной ея, своеобразной формы, представляютъ намъ только какія-то уродливости, наполнены большею частію положеніями, незаслуживающими вниманія серьезнаго человѣка въ наше время. — Противъ этого мы можемъ сказать, что чѣмъ глубже мы вникаемъ въ сущность науки и въ смыслъ высказанныхъ до ея окончательнаго образованія мнѣній, тѣмъ болѣе мы принуждены согласиться, что эти уродливости, эти ошибки— большею частію только кажущіяся, что многія изъ нихъ гораздо ближе къ истинѣ, нежели намъ представлялось это съ перваго взгляда: при внимательномъ наблюденіи часто мы видимъ только неточность выраженія тамъ, гдѣ мы думали встрѣтить ложь. Это — правило; есть — исключенія; но и самыя эти исключенія, самыя дѣйствительныя ошибки для насъ имѣютъ важное научное, а еще болѣе практическое значеніе.

Вслѣдствіе тѣсной органической связи, существующей между всѣми положеніями науки и всѣми моментами ея развитія, мы не можемъ отрицать вліянія предъидущихъ мнѣній на образованіе послѣдующихъ, напротивъ — такое вліяніе существуетъ въ высокой степени. Мнѣніе о какомъ-нибудь торговомъ балансѣ — носило въ себѣ цѣлую теорію между-народныхъ торговыхъ сношеній, до сихъ поръ еще неокончательно выработанную и въ сущности не слишкомъ далеко ушедшую отъ своего родника. Мнѣніе о значеніи денегъ, боготворимыхъ въ продолженіи цѣлыхъ вѣковъ,—дало поводъ къ образованію понятія о цѣнности вообще, и т. п. Какъ же можемъ мы оставить безъ вниманія эти пункты ученія, хотя и ложнаго, но богатаго вліяніемъ, только потому, что они не сомкнуты были въ строгую систему, не приняли научной формы?

Въ практикѣ — важность изложенія и критическаго разбора такихъ ошибокъ представляется намъ еще большею. Не смотря на высокое состояніе науки, мы и теперь еще можемъ встрѣтить всѣ эти ошибки живущими въ умахъ народа; мало того, не образованные — а они составляютъ большинство въ современномъ обществѣ — раздѣляютъ многіе изъ такихъ ошибокъ; а слѣдовательно можемъ ли мы оставить ихъ безъ вниманія?

2. Остается намъ еще высказать причину, почему мы полагаемъ систематическое изложеніе мнѣній о предметѣ науки, предшествовавшихъ ея окончательному образованію, важнымъ для самой науки, а потому далеко не безполезнымъ и не излишнимъ. Мнѣніе наше основано на самомъ понятіи объ органическомъ свойствѣ науки, на которое мы указали. Если зародыши ея имѣ-

ютъ неоспоримое значеніе для уразумѣнія ея свойства и ея значенія, если они находятся въ тѣсной живой связи съ современными мнѣніями изъ ея области, если наконецъ — они еще теперь присущи намъ, живя въ сочувствіи многихъ членовъ общества, то можно ли отрицать пользу ихъ изученія, а слѣдоват. ихъ изложенія? а изложеніе, достойное науки, можетъ быть разумѣется только систематическое. Притомъ только такое изложеніе ихъ и можетъ дать возможность вѣрно и вполнѣ оцѣнить успѣхи науки. Узнавая все путемъ сравненія, этого единственнаго мѣрила оцѣнки, мы не можемъ ясно уразумѣть важности современной науки и ея успѣха, не принявъ въ соображеніе этихъ первыхъ ея зародышей. Только сравнивая тогдашнія мнѣнія съ теперешними, мы можемъ опредѣлить, какъ далеко мы подвинулись на этомъ пути, и узнать — такъ сказать — удѣльную жизненную силу науки. Самымъ совершеннымъ изложеніемъ началъ современной науки мы еще не дадимъ полнаго понятія о ней: какъ бы логически ни были выведены частныя положенія изъ главныхъ началъ, какой бы строгой критикѣи полному развитію они ни были подвержены, мы всегда останемся въ невѣденіи о степени вѣрности ихъ, пока намъ не представитъ исторія однородныхъ предметовъ сравненія. Если мы возьмемъ сравненіе изъ области нашей науки, то выразимъ такъ: система представляетъ — годность вещи, исторія даетъ ей — цѣнность.

Въ Политической Экономіи такое исторически-сравнительное изученіе предмета имѣетъ еще болѣе важности, нежели въ какой-либо другой наукѣ: не смотря на увѣреніе многихъ современныхъ писателей, она представляетъ еще много пробѣловъ, много вопросовъ остается въ ней нерѣшенныхъ, или рѣшенныхъ только въ половину. Въ такихъ вопросахъ, остающихся до сихъ поръ спорными, единственный путь къ рѣшенію — собственное мышленіе, единственный критерій — исторія; но, чтобы не впасть въ старыя заблужденія, мы должны знать и обсудить ихъ, мы должны заглянуть въ прежнюю литературу, гдѣ иногда уже касались нѣкоторыхъ вопросовъ и теперь еще волнующихъ умы мыслителей. Достаточно указать для примѣра на вопросъ о степени участія, которое должна принимать общественная власть въ экономическихъ отношеніяхъ индивидуумовъ, живущихъ въ государствѣ, — на степень ограниченія частнаго соперничества и т. п. не говоря уже о множествѣ второстепенныхъ положеній изъ области науки, еще несовершенно опредѣленныхъ и необходимо предоставленныхъ произволу фантазіи.

Вотъ почему изученіе экономическихъ сочиненій Италіи не можетъ не интересовать занимающагося Политической Экономіей; —

въ новое время Италіанцы первые указали истинный путь къ научному изслѣдованію матеріальнаго производства, принявъ аналитическую методу для рѣшенія экономическихъ задачъ. Причина этому лежала въ самомъ состояніи Италіанскаго общества, или что то-же самое, въ отношеніи его потребностей къ существовавшимъ въ немъ средствамъ ихъ удовлетворенія; но прежде, нежели мы займемся объясненіемъ этого пункта, мы должны указать на самыя *средства*, которыя находились въ рукахъ тогдашнихъ ученыхъ для обсуживанія и рѣшенія общественныхъ вопросовъ, т. е. на то, что завѣщано было имъ предшествовавшею литературою и на ея вліяніе. Эта сторона вопроса въ исторіи науки имѣетъ такую же важность, какъ и самыя причины, вызвавшія появленіе извѣстныхъ ученыхъ сочиненій.

Все новое знаніе, какъ извѣстно, ведетъ начало изъ древняго міра. Плоды учености послѣдняго, на время заглохшіе, но не погибшіе въ развалинахъ павшей цивилизаціи, дали ростки, изъ которыхъ съ теченіемъ времени образовалась современная наука. Этого нельзя примѣнить вполнѣ къ Политической Экономіи, но и въ ея области преданія древней мудрости и внутренней римской политики были присущи умамъ двигателей государственнаго хозяйства. Самая наука о послѣднемъ въ новомъ мірѣ, правда, образовалась самобытно; но даже и въ ней нѣсколько времени авторитетъ древнихъ писателей не могъ не отразиться. Это мы видимъ ясно въ первыхъ политико-экономическихъ сочиненіяхъ Италіи; частыя указанія и ссылки ихъ на Аристотеля, Платона, Цицерона и на римскихъ юрисконсультовъ—ясно свидѣтельствуютъ объ этомъ; а если они сами такимъ образомъ видѣли связь своихъ ученій съ древними, если ихъ мнѣнія представляютъ въ главныхъ чертахъ много родственнаго съ греческими и римскими писателями, то мы—разумѣется—не имѣемъ никакого права отрицать эту связь.

Что же представляла имъ древняя литература въ области нашей науки?

Древній міръ въ эпоху полнаго своего развитія, не оставилъ совершенно безъ вниманія экономическихъ явленій, хотя его труды и на этомъ поприщѣ запечатлѣны были печатью той-же односторонности, которая проявляется и въ другихъ трудахъ его подобнаго рода. Особенное, національное у Грека и у Римлянина—закрывало человѣческое, и временное—не позволяло ему думать о существенномъ и неизмѣнномъ. Вотъ отчего труды Грековъ, касающіеся Политической Экономіи, представляются чрезвычайно типическими, съ характеромъ рѣзко очерченнымъ; но имѣвшими свою цѣну только для тогдашняго общества.—

и мало примѣнимыми къ положенію другаго общества, замѣнившаго древнее на историческомъ поприщѣ.

Имена трехъ знаменитостей древней учености мы встрѣчаемъ въ исторіи Политической Экономіи: *Ксенофонта* (*Οἰκονόμικα*), *Платона* (*περὶ πολιτείᾳ*) и *Аристотеля* (*πολιτεία*). Каждый изъ нихъ имѣетъ иное научное значеніе: Ксенофонтъ рисуетъ намъ *картину* древняго экономическаго общества; Платонъ возвышаетъ его до *идеала;* Аристотель извлекаетъ изъ него *теоретическія положенія*. Всѣ вмѣстѣ они составляютъ по этому какъ бы естественное дополненіе другъ къ другу и взаимно объясняютъ одинъ другаго. Одна общая основа, — древнее экономическое устройство — видно въ ихъ экономическихъ сочиненіяхъ, различающихся между собою по цѣли и формѣ, но гармонирующихъ по духу. Главныя черты сходства ихъ суть слѣдующія:

Интересъ государства является у нихъ преобладающимъ надъ частнымъ интересомъ лица, которое и существуетъ по ихъ понятіямъ какъ бы для государства: его развитіе и даже самое его существованіе важно только по пользѣ, которое оно приноситъ послѣднему. Эту пользу государственную они даже не могли понять въ ея высшемъ значеніи; они не возвышались до той мысли, до которой дошли современные мыслители, т. е. не понимали пользы государства въ его образованіи, его славѣ, его умственномъ и литературномъ вліяніи. Удаленные, отрѣзанные отъ другихъ народовъ, существовавшихъ совмѣстно съ ними, но всегда имъ враждебныхъ въ слѣдствіе различія и содержанія и формъ ихъ цивилизаціи, они — не видѣли другой цѣли для государства, кромѣ борьбы со врагомъ и собственной защиты, другой славы народной, кромѣ побѣды и власти. Этимъ духомъ узкой народности проникнута вся литература и вся жизнь древнихъ Грековъ. Человѣкъ, какъ человѣкъ, у древнихъ не имѣлъ значенія: онъ былъ важенъ, какъ одинъ изъ органовъ, необходимыхъ для извѣстныхъ функцій государственныхъ. Передъ идеею государства онъ имѣлъ также мало значенія, какъ рабъ передъ гражданиномъ: тѣже отношенія орудія и двигателя, отношенія чистой власти, исключающія всякую возможность привязанности и взаимной любви. Этотъ взглядъ общъ всѣмъ даже лучшимъ умамъ Греціи. И можно ли удивляться послѣ этого, что въ ихъ понятіяхъ преобладала идея государственно-физическаго утилитаризма? Ксенофонтъ ясно высказываетъ это (IV). Тоже самое руководствуетъ Платона въ выборѣ его образцовыхъ гражданъ.

Этимъ взглядомъ древнихъ намъ объясняются всѣ тѣ странные результаты государственной мудрости, до которыхъ они дош-

ли путемъ хотя односторонняго, но логически-правильнаго умозаключенія.— Эти результаты суть слѣдующіе:

1) Ремесла составляютъ занятіе, недостойное гражданина, потому что они безобразятъ тѣло и отнимаютъ свободное время; слѣд. гражданина дѣлаютъ неспособнымъ къ войнѣ и безполезнымъ для государства. *Ср. Ксен. 'Оік.* VI. 5.

2) Земледѣліе напротивъ, укрѣпляя тѣло и не безобразя его, есть занятіе почтенное. Ср. ibid. IV, V.

3) Военное искуство, доставляя возможность побѣды надъ врагами государства, — должно составлять существенный предметъ воспитанія, (на чемъ особенно настаиваетъ Платонъ въ *Політ.*) и — необходимое условіе образованія каждаго гражданина. *Ср. Ксен.* ibid. VI. 8., *Аристот.* I. iij, 8.

4) Торговля, разъединяя интересы частныхъ лицъ съ интересами государства, и творя для нихъ другую цѣль, кромѣ цѣли послѣдняго, была презираема и гонима ими. Противъ нея вооружается и Платонъ, и Аристотель (ibid. 25), который признаетъ ея настоящую форму неестественнымъ способомъ мѣны (ibid. 13). Идея эта, свидѣтельствующая о близорукости ума человѣческаго, пережила вѣка и еще живетъ въ постановленіяхъ и обычаяхъ современныхъ государствъ.

5) Но, клеймя такимъ позоромъ два источника народнаго богатства, нужно было замѣнить ихъ чѣмъ—нибудь для того, чтобы существовать по человѣчески: стремленіе къ высшему развитію было сильнѣе предразсудковъ, а потребности, порожденныя имъ, настоятельно требовали себѣ удовлетворенія. Замѣну эту представило *насиліе*, этотъ двигающій законъ стараго міра; въ экономической организаціи общества оно приняло форму *рабства*, признаваемаго Аристотелемъ нетолько естественнымъ, но и сообразнымъ съ истинной справедливостію, потому что рабы рождены повиноваться.

6) Извращая такимъ образомъ естественное воззрѣніе въ самыхъ священныхъ предметахъ, древніе также были далеки и отъ правильнаго пониманія основнаго начала общества: они придавали слишкомъ много значенія произволу человѣка. Такъ— они отрицали безъусловную цѣнность денегъ и признавали зависимость ихъ отъ воли человѣка, который по ихъ мнѣнію даетъ имъ значеніе только тѣмъ, что соглашается принимать ихъ извѣстнымъ образомъ. (*Ср. Плат. πολιτ. Арист. Πολ.* I. iij, 14, 16. *"Εθικ.* V. 7). Это соглашеніе проявляется въ государственныхъ опредѣленіяхъ и постановленіяхъ, во власти которыхъ и находится цѣнность денегъ, и право опредѣлять ихъ цѣну (Ср. *Ксен.* о средствахъ увеличить доходы Аттики IX).

Вся эта система мнѣній греческихъ писателей, цѣликомъ перешедшая потомъ въ убѣжденіе Римлянъ, свидѣтельствуетъ о поверхности ихъ взгляда на экономическія явленія: они не умѣли въ нихъ отличить дѣйствительнаго отъ необходимаго, и современное имъ принимали за раціональное. Основавшись такимъ образомъ на ложныхъ началахъ, они были послѣдовательны въ ихъ развитіи и примѣненіи. Не будучи глубоки, они были логичны.

Италіанскіе писатели, пользовавшіеся ими, усвоили себѣ главныя положенія ихъ ученія и—въ самомъ меркантилизмѣ можно замѣтить ихъ вліяніе. Большая часть мнѣній его составляетъ только отраженіе нѣсколько извращенное тѣхъ же идей, которыя господствовали въ древности. Измѣненіе произошло само собою въ слѣдствіе иныхъ требованій времени, но основа осталась таже: такъ презрѣніе къ ремесламъ принимаетъ форму цеховыхъ стѣсненій вмѣсто прежнихъ отношеній рабскихъ; земледѣліе, военное искусство, деньги занимали тоже мѣсто въ общественномъ мнѣніи, и одно только различіе въ системѣ экономическаго воззрѣнія этихъ двухъ эпохъ — представляетъ намъ—торговля. Презираемая и почти гонимая въ древности,—въ новомъ мірѣ она принимаетъ на себя роль повелительницы судебъ народныхъ, указываетъ путь государственной политикѣ, рѣшаетъ судьбу частныхъ учрежденій и обусловливаетъ собою коллективную дѣятельность страны; но замѣтимъ, что самое это различіе не такъ безусловно, какъ представляется съ перваго раза. Такимъ почетомъ пользовалась только торговля внѣшняя оптовая, только ея вліяніе было признано и уважаемо: мѣлкіе торговцы не пользовались ни тѣмъ, ни другимъ; они подвергались всему презрѣнію, всѣмъ непріятностямъ, которыми невѣжество всегда считаетъ вправѣ обременять этотъ классъ производителей; и въ древности было тоже самое касательно послѣднихъ: оптовая торговля и тамъ не считалась занятіемъ слишкомъ достойнымъ презрѣнія, напротивъ за нею признавалась коекакая заслуга (Cic. de off. I. 42). Но самое разительное сходство экономическаго воззрѣнія обѣихъ этихъ эпохъ, по крайней мѣрѣ, какъ оно проявляется въ литературѣ той и другой, это — духъ государственнаго утилитаризма. Въ первыхъ экономическихъ сочиненіяхъ новаго времени, какъ у Италіанцевъ, такъ и у Англичанъ и у Французовъ, мы встрѣчаемъ постоянно ту мысль, что человѣкъ существуетъ для государства, что всѣ мѣры послѣдняго должны быть предписываемы общею пользою, общею выгодою, опредѣляемою извѣстною государственною цѣлію и сознаніемъ ея въ умѣ общественной власти: частный интересъ, выгода отдѣльныхъ лицъ не могла быть принимаема во вниманіе; гражданинъ существуетъ вполнѣ для своего отечества, передъ которымъ онъ безпомощенъ и безотвѣтенъ. Здѣсь патріархальный способъ воз-

зрѣнія перенесенъ изъ сферы семейства въ сферу государственно-общественныхъ отношеній, имѣющихъ въ сущности свои особые законы и развивающихся по другимъ началамъ, нежели начала семейныя.

И такъ уже одно сходство ученій новыхъ съ древними указываетъ намъ на ту связь, которая необходимо существовала между ними; это и не могло быть иначе. Вызванный впервые къ дѣятельности въ извѣстной области знанія — обстоятельствами времени, умъ человѣческій рѣдко пытается рѣшать вопросы, задаваемые ему обществомъ, собственными своими силами; напротивъ — онъ прежде всего ищетъ рѣшенія этихъ вопросовъ въ твореніяхъ предъидущихъ писателей и только при сознанной имъ недостаточности ихъ отвѣтовъ, онъ начинаетъ предлагать свои доводы, отвѣчаетъ самъ. Истина эта подтвердилась и въ политической экономіи: авторитетъ и въ ней предшествуетъ самостоятельному теоретическому развитію.

Намъ представляется теперь рѣшить другой вопросъ, котораго ясное уразумѣніе необходимо для правильнаго взгляда на природу предмета и на значеніе самой науки. Вопросъ этотъ состоитъ въ томъ, какія именно обстоятельства вызвали появленіе первыхъ политико-экономическихъ сочиненій? Отвѣтъ на это представляетъ намъ отчасти сама первоначальная экономическая литература, именно предметъ, который въ ней былъ главнымъ, отчасти — общій законъ научнаго развитія началъ.

Наука не составляетъ творенія одного человѣка, ея начала — не составляютъ исключительнаго достоянія генія. Она образуется мало по малу и самые первые зародыши ея прежде, нежели выразятся въ сочиненіи мыслителя, способнаго усвоить и развить данную мысль, являются въ видѣ положенія, болѣе или менѣе ясно сознаваемаго общественнымъ мнѣніемъ. Но для такого образованія общественнаго мнѣнія опять необходима извѣстная степень развитія мышленія — съ одной стороны, и предметъ для обсужденія — съ другой; т. е. нуженъ интересъ къ вопросу, воспріемлемость и — самый вопросъ, идея въ опредѣленномъ конкретномъ выраженіи; какъ то, такъ и другое условіе — не составляетъ ничего отрывочнаго, ничего случайнаго въ общепринятомъ значеніи этого слова. И то и другое обусловливается предидущей исторіей, составляетъ необходимый, органическій продуктъ предшествовавшаго развитія. Это — золотая цѣпь Гердера, связывающая предковъ съ потомками, прибавимъ: — живая цѣпь. Такому закону слѣдуетъ зарожденіе всѣхъ идей и правильныхъ и ложныхъ, такому же закону необходимо подчинялась и наука Политической Экономіи. Ея зарожденіе было дѣломъ есте-

ственнымъ, даже неизбѣжнымъ, если примемъ во вниманіе современное ему состояніе тогдашняго общества; и близкое по времени — появленіе сочиненій въ одномъ направленіи, въ одномъ духѣ въ разныхъ странахъ Европы — сочиненій, неимѣвшихъ между собою никакой видимой связи, кромѣ единства понятій, присущихъ ихъ вѣку, — оправдываетъ вполнѣ наше положеніе.

Но какая же причина была тому, что самыя первыя сочиненія въ этомъ родѣ появились именно въ Италіи, а не въ какой либо другой странѣ?

Мы уже указали на отношеніе, существовавшее въ ней около половины XVI столѣтія между потребностями и средствами къ ихъ удовлетворенію, какъ на ближайшую причину этого явленія. Дѣйствительно: въ то время на цѣломъ пространствѣ тогдашняго образованнаго міра нигдѣ не представлялось такого разнообразія общественныхъ формъ, такого развитія народнаго богатства, такой силы народнаго чувства, такой игры разнообразныхъ интересовъ, и наконецъ такой возможности безбоязненно выражать свои мнѣнія, какъ въ ней; но въ то же время нигдѣ не встрѣчается относительно такой бѣдности средствъ пропитанія на родной почвѣ, такого наплыва разрушительнаго вліянія иноземцевъ, какъ въ ней. При богатомъ развитіи личныхъ и общественныхъ потребностей — страна, опустошенная иноземцами, насильственно замедляемая въ своемъ развитіи ихъ полуварварскою политикою, стенящая подъ бременемъ междоусобій, вызванныхъ борьбою разнообразныхъ интересовъ, — не могла представить достаточно средствъ для удовлетворенія ихъ. Источникъ, изъ котораго эти потребности черпали свою жизнь и силу, — міровая торговля — перешла далѣе на западъ, въ страны — по своему географическому положенію болѣе способныя вести ее по новооткрытому пути. Въ Италіи осталась только память о прежнемъ благосостояніи, да нужды, вкоренившіяся въ теченіи долгаго времени и достигшія высокой степени настоятельности. Сознаніе ихъ при невозможности достаточнаго потребленія, * и какъ слѣдствіе такого положенія — экономическое страданіе обхватило собою все тогдашнее италіанское общество: оно касалось не только частныхъ людей, а обнимало вмѣстѣ съ ними и общественныхъ представителей ихъ, именно — правительства, которыя не могли болѣе довольствоваться тѣми полуистощенными средствами, какія имъ завѣщало предъидущее время: явилось много общественныхъ потребностей, о которыхъ прежде и не гадали, и которыя теперь не могли не быть удовлетворены. — Нуж-

---

* Потребленіемъ я называю удовлетвореніе потребностей.

но было искать новыхъ источниковъ доходовъ — и этотъ источникъ нашли въ мистификаціи народа, хотя не всегда намѣренной, но всегда вредной. Предметомъ ея преимущественно было то, что тогда считали единственнымъ богатствомъ, именно — *деньги*. Безпрестанная порча ихъ, частое измѣненіе номинальной цѣнности, насильственныя мѣры, употребляемыя для ихъ собиранія, произволъ, стремившійся нарушить всѣ нормальныя отношенія между членами общества — все это болѣе и болѣе затрудняло торговые обороты и вообще всѣ экономическія сношенія между лицами, и угрожало странѣ полнымъ застоемъ и опасностію потерять послѣдніе остатки своего благосостоянія. Опасность всегда вызываетъ нашу дѣятельность и въ этомъ случаѣ — она также вызвала противодѣйствіе невѣжественнымъ мѣрамъ, сперва слабое — въ тиши кабинета ученаго, наконецъ достаточно сильное, чтобы провести свое убѣжденіе въ сферу государственнаго управленія.

Какъ сильны были предразсудки, и проистекшія изъ нихъ злоупотребленія, на это указываетъ намъ уже число италіанскихъ сочиненій о монетѣ, — число, превышающее все, что было писано объ этомъ предметѣ въ другихъ европейскихъ литературахъ того времени. Въ остальной Европѣ существовали почти тѣже недостатки въ финансовомъ управленіи, но они были не такъ обременительны для народа, во 1-хъ потому, что народъ, не слишкомъ занимаясь торговлей, менѣе нуждался въ обще-мѣновой цѣнности, во 2-хъ потому, что самая администрація была сосредоточена и не имѣла нужды часто прибѣгать къ такимъ мѣрамъ. Въ Италіи, напротивъ, каждое изъ мѣлкихъ государствъ ея заботилось объ обогащеніи и искало его въ упомянутыхъ нами непозволительныхъ средствахъ. Неудивительно, что народъ не могъ быть этимъ доволенъ, тѣмъ болѣе, что общественное развитіе тогда нигдѣ еще не достигло той высоты, на которой оно стояло въ Италіи, а слѣд. и самое чувство страданія — нигдѣ не могло проявиться такъ ясно и такъ отчетливо, какъ въ ней.

Дальнѣйшіе успѣхи Политической Экономіи въ Италіи обусловливались общимъ движеніемъ умовъ въ Европѣ и всѣ главныя экономическія направленія, какъ мы это увидимъ ниже, имѣютъ въ ней своихъ представителей; мало того — Италія во всѣхъ этихъ направленіяхъ является какъ бы предтечею. Это-то и составляетъ интересъ ея изученія. Въ Исторіи ея политико-экономическихъ понятій мы можемъ встрѣтить въ различной степени развитія всѣ мнѣнія о главныхъ началахъ богатства, даже самыя противоположныя — часто одновременно. Справедливость этого положенія намъ указываетъ хронологія. Изъ нея мы можемъ убѣдиться, что дѣйствительно первенство выраженія главныхъ

основныхъ началъ всѣхъ экономическихъ школъ — принадлежитъ имъ. Но здѣсь намъ представляется еще вопросъ не послѣдней важности въ наукѣ, именно: мнѣнія, выраженныя первыми экономическими писателями Италіи, дѣйствительно ли принадлежатъ имъ, или заимствованы ими изъ другихъ литературъ?

Выше уже мы указали то отношеніе, которое существовало между ними и древними писателями: отрицать всякое заимствованіе первыми у послѣднихъ было бы противно истинѣ; но—заимствованіе бываетъ двухъ родовъ: невольное — то, что мы называемъ вліяніемъ, когда мысль автора безъ его умысла отражаетъ въ себѣ мысли другаго потому, что онъ изучалъ его и проникся его духомъ; и — умышленное, когда авторъ принимаетъ въ свои сочиненія идеи или выраженія другаго, вполнѣ сознавая это. Не всегда предосудительное, такое заимствованіе — во всякомъ случаѣ свидѣтельствуетъ въ извѣстной степени о слабости и не самостоятельности мышленія заимствующаго автора. Его мы рѣдко встрѣчаемъ въ политико-экономической италіанской литературѣ: о современныхъ имъ однородныхъ писателяхъ Европы они большею частію даже не знали. Я не говорю этого о позднѣйшихъ италіанскихъ писателяхъ, именно съ половины прошлаго столѣтія, когда начинаетъ изсякать оригинальность италіанскаго творчества, и когда вліяніе иноземныхъ литературъ пріобрѣтаетъ въ Италіи полное господство.

Противъ самостоятельности италіанской экономической литературы въ предъидущее время по видимому можетъ говорить ихъ сходство съ современными имъ писателями сѣверозападной Европы, именно—англійскими; но это сходство есть только родовое, и оно произошло отъ общности интересовъ большей части тогдашнихъ европейскихъ народовъ. Самостоятельность же италіанскихъ писателей сравнительно съ англійскими открывается 1) въ томъ, что основныя начала господствовавшаго тогда ученія выразились у нихъ прежде, 2) что самое направленіе мыслей и выраженіе носятъ на себѣ совершенно иной характеръ. Такъ у Италіанцевъ — вѣроятно въ слѣдствіе вліянія древнихъ преданій — постоянно проявляется сочувствіе къ земледѣлію, чего мы не замѣчаемъ въ сочиненіяхъ тогдашнихъ англійскихъ писателей, вообще болѣе и строже преданныхъ меркантильной доктринѣ, нежели Италіанцы. Предъидущая исторія обоихъ народовъ и самый характеръ ихъ достаточно могутъ объяснить намъ это явленіе.

Въ оригинальности италіанской политико-экономической литературы убѣждаетъ насъ кромѣ того раціональная *послѣдовательность* направленій, выражавшихся въ ней. Она открываст-

ся во 1-хъ въ томъ, что направленія эти являются въ восходящемъ порядкѣ ихъ достоинства, и во 2-хъ что они не представляютъ намъ скачковъ, быстрыхъ переходовъ отъ несовершеннаго, ошибочнаго мнѣнія прямо къ наиболѣе совершенному. Даже и тѣ писатели, которые переносили на родную почву ученія иноземныя и принадлежатъ по этому къ числу послѣдователей ученія, зародившагося въ чужой литературѣ, какъ Беккарія, Филанджіери — не слѣдуютъ ученію этому безъусловно; напротивъ и по формѣ, и по стремленію, и по частнымъ мнѣніямъ — они являются самобытными.

И такъ политико-экономическая литература Италіи была *самостоятельна;* но — разумѣется — такая самостоятельность не была безъусловна: безусловной самостоятельности не бываетъ и не можетъ быть въ наукѣ. Извѣстная идея, составляя живое проявленіе живаго начала, принадлежитъ собственно вѣку, а не народу, выразившему ее; заслуга послѣдняго заключается только въ большей или меньшей ясности и стройности, съ которою онъ излагаетъ ее. Къ этому приводитъ насъ органическое пониманіе науки и ея свойствъ.

Въ исторіи Политической Экономіи, если мы обратимъ вниманіе на практическіе выводы, до которыхъ доходятъ различныя школы, мы можемъ отличить *два главныя направленія*, изъ которыхъ каждое представляется одностороннимъ въ своей отдѣльности, но которыя оба не должны быть упускаемы изъ виду при отчетливомъ изученіи науки, потому что каждое изъ нихъ основано на мысли вѣрной самой въ себѣ. Направленія эти различаются между собою тѣмъ, что одно требуетъ внѣшняго *устройства* (организаціи) *народнаго труда*, подчиненія его опредѣленнымъ правиламъ и законамъ, другое—напротивъ, ратуетъ за безъусловную *свободу промышленности*, требуетъ предоставленія возможно большей доли независимости частному соперничеству и желаетъ устраненія общественной власти отъ прямаго участія въ опредѣленіи и оборотѣ цѣнностей. Первое мы можемъ назвать — *положительнымъ*, второе — *отрицательнымъ*. Въ этихъ двухъ направленіяхъ вращаются всѣ различныя школы Политической Экономіи: только немногія изъ нихъ, старались избѣжать крайностей и избрать средній путь; но въ слѣдствіе неяснаго уразумѣнія научныхъ требованій эти попытки далеко не увѣнчались успѣхомъ. Такою попыткою въ предъидущей экономической литературѣ мы должны признать—*протекціонизмъ*. Къ положительному направленію мы имѣемъ право причислить

экономическое *ученіе древнихъ* и *меркантилизмъ*, къ отрицательному—*физіократію* и *школу Адама Смита*. Каждое изъ нихъ естественно вытекаетъ изъ потребностей времени, его породившаго,—и потому для правильнаго уразумѣнія значенія ихъ мы должны обратиться къ внутренней исторіи общества т. е. *къ исторіи человѣческаго труда.*

Прежде своего накопленія, капитализированія (такъ какъ капиталъ есть тотъ же трудъ въ накопленномъ видѣ), трудъ является необыкновенно слабымъ: успѣхъ достается ему только посредствомъ тяжкихъ усилій; неудивительно потому, что при такомъ положеніи дѣлъ — всякій стремится избѣгнуть этой непріятной обязанности: средство къ тому представляется ему въ исключительномъ владѣніи предмета, необходимаго для производства. Однажды достигнувъ его, онъ становится господиномъ труда, пріобрѣтаетъ на него неизбѣжное вліяніе. Отсюда произошли тѣ отношенія; которыя существовали въ древнемъ обществѣ между гражданами государства и прочими жителями страны. Первые представляли собою *интересы владѣнія*, вторые—*интересы труда*; съ самаго начала совмѣстнаго существованія они являются во взаимной борьбѣ; владѣніе силится поработить трудъ и мало по малу достигаетъ этого съ небольшими исключеніями; въ такомъ состояніи свободное движеніе послѣдняго дѣлается невозможнымъ; онъ необходимо подчиняется условіямъ и правиламъ, которыя владѣніе полагало необходимымъ назначить ему для успѣшнаго т. е. наиболѣе для себя выгоднаго производства. И такъ — первое внѣшнее, насильственное устройство труда, первую его организацію мы встрѣчаемъ у древнихъ: указанныя нами сочиненія изъ того времени — представляютъ его со всѣми характеристическими чертами. Вся задача тогдашняго экономическаго стремленія состояла въ томъ, чтобы съ возможно меньшими пожертвованіями получить возможно большую массу вещностей; слѣд. задача по видимому раціональная и близкая къ истинному экономическому закону; но при внимательномъ наблюденіи мы откроемъ отличіе первой отъ послѣдняго. Это возможно меньшее пожертвованіе имѣло въ виду только владѣніе, а не трудъ: усилія послѣдняго, почитаемыя неизбѣжными, не обращали на себя вниманія; ихъ не думали ни сократить, ни облегчить: человѣкъ трудящійся считался не болѣе, какъ машиной; притомъ окончательною цѣлію производства считалась не цѣнность вещи, какъ это представляется въ настоящее время, а только годность ея *. Отъ этого древнее хозяйничество представляется намъ въ

* Годность вещи дѣлается цѣнностію только при сравненіи съ годностями другихъ вещей.

какомъ-то дѣтскомъ видѣ, но отъ этого же и внѣшнее устройство труда было въ немъ возможно и чрезвычайно удобно. Его сообразность нуждамъ и потребностямъ тогдашняго общества представляется намъ уже въ томъ, что оно не возбуждало ни одного протеста противъ себя, напротивъ признаваемо было за необходимое и естественное лучшими умами тогдашняго времени (см. выше стр. 91); потому что было дѣйствительно единственнымъ возможнымъ при стремленіи къ общественному развитію и въ тоже время при недостаткѣ капиталовъ. Можетъ быть это бы измѣнилось въ послѣдствіи времени съ изобрѣтеніемъ машинъ, если бы смыслъ самаго явленія былъ понятъ древними правительствами. Древній міръ палъ, вѣрный старымъ началамъ; а вмѣстѣ съ его паденіемъ потерялъ цѣнность и тотъ вещественный и невещественный капиталъ, который успѣлъ накопиться вѣками. Новое общество поэтому вначалѣ является почти въ такомъ же экономическомъ положеніи, какъ и предшествовавшее ему. Нужно было снова накоплять трудъ, нужно было опять по прежнему употреблять для этого усилія тяжелыя. Экономическія явленія по этому въ началѣ исторіи новыхъ народовъ должны были быть сходны съ древними: сходство это открывается въ стремленіи къ *насильственной организаціи труда;* но такъ, какъ мало по малу прежній капиталъ, при развитіи труда, входилъ въ него, пріобрѣталъ снова цѣнность, и тѣмъ облегчалъ дѣйствующій трудъ, то послѣдній далеко не былъ такъ тяжелъ, какъ въ древнемъ мірѣ. Къ этому присоединилось еще то, что самыя потребности осѣдлыхъ варваровъ не были такъ развиты, какъ потребности древнихъ народовъ, а потому и стремленіе къ ихъ удовлетворенію не могло быть ни такъ настоятельно, ни такъ разнообразно. Естественнымъ слѣдствіемъ того — представляются иныя формы принужденія, стѣсненія производительной дѣятельности, неизвѣстныя древнему міру и представляющія въ отношеніи къ его экономической организаціи—безспорный успѣхъ. Трудъ былъ стѣсненъ не въ своемъ частномъ проявленіи, а въ проявленіи видовомъ и родовомъ; вмѣсто рабства является adscriptio glebae, цеховое устройство и т. п., гдѣ забота власти обращена была на производство, но не непосредственно на лице производящее, гдѣ имѣлся въ виду капиталъ, но не дѣятель труда. Напрасно многіе безъусловно отвергаютъ логичность и пользу такихъ учрежденій: въ основаніи ихъ лежитъ мысль, руководящая каждое общество, именно — желаніе уравновѣсить потребности съ потребленіемъ. При малой доли предметовъ послѣдняго, при малыхъ средствахъ удовлетворенія первыхъ такая мысль — не имѣетъ въ себѣ ничего страннаго; а признавать постоянное существованіе такого равновѣсія всегда и вездѣ — значитъ увлекаться игрою воображенія, отвергать самыя ясныя данныя: голодъ, торговые кризисы и т. п.

представляются живою уликою въ противномъ. На дѣлѣ существуетъ только *стремленіе къ равновѣсію*, но не самое равновѣсіе. И такъ мысль эта сама по себѣ не представляетъ ничего страннаго и нелѣпаго; частныя стремленія къ ея осуществленію могли имѣть эти недостатки, но ихъ ошибки не могутъ падать на самое ученіе. — Въ духѣ послѣдняго лежало только регулированіе видовыхъ проявленій труда: требовалось 1) чтобы произведенная масса цѣнностей была достаточна для удовлетворенія соотвѣтствующей имъ потребности въ той мѣрѣ, въ какой она проявилась, 2) чтобы качество ихъ соотвѣтствовало степени развитія, на которой потребность находится, и 3) чтобы сами производители были обезпечены въ своемъ существованіи. Нельзя не признать, что всѣ эти требованія чрезвычайно раціональны, и духъ общественный всегда искалъ ихъ осуществленія. Разумѣется, при современномъ умственномъ развитіи, при быстротѣ и вѣрности сообщенія необходимыхъ свѣдѣній, при огромномъ накопленіи производящихъ капиталовъ такое устройство было бы анахронизмомъ; но изъ временной безполезности мѣры мы не имѣемъ права заключать о ея безъусловномъ вредѣ.—Полунасильственной организаціи труда средневѣковаго и начала новыхъ вѣковъ, организаціи, составлявшей истинное зерно практическаго ученія меркантилизма и отчасти его внѣшній признакъ, мы обязаны тѣмъ увеличеніемъ и укрѣпленіемъ труда, при которыхъ сдѣлались возможными разнообразные успѣхи на поприщѣ наукъ и искусствъ, развитіе умственное и истинное благосостояніе. Замѣтимъ наконецъ отличительную черту новой организаціи труда отъ древней: первая выходила прямо отъ владѣнія и была въ его интересахъ, вторая столько же отъ владѣнія, сколько и отъ труда, который она никогда не упускала изъ виду; по этому первая думала только объ управленіи, вторая — также и о защитѣ.

Частное различіе въ положеніи древняго общества — произвело въ послѣднемъ научное явленіе, не существовавшее въ первомъ. Древнее отличалось единствомъ и такъ сказать компактностію: тѣсно заключаясь въ своихъ предѣлахъ, оно устранялось варваровъ; новое общество, составившееся изъ различныхъ родниковъ, безсознательно стремилось къ подобному единству (котораго впрочемъ оно не достигло до сихъ поръ), но въ началѣ представлялось тѣломъ многосложнымъ и какъ бы разрозненнымъ: общія нужды и общія стремленія невольно сталкивали между собою члены этого тѣла, но сталкивали ихъ иногда враждебно; отсюда явились многоразличныя международныя отношенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и такъ сказать — *международное хозяйство*. Въ немъ отразилась таже мысль, которая руководила и всю внѣшнюю полицику, именно: желаніе подчинить своему вліянію дру-

тія чуждыя народности, сдѣлать ихъ своими данницами (идея общая древнему обществу); въ замѣнъ невозможнаго тогда политическаго порабощенія—придумано было иное средство къ тому въ торговомъ балансѣ: мы можемъ улыбаться этой дѣтской идеѣ, этому незрѣлому сужденію предковъ, но и здѣсь есть сторона если не правильная въ научномъ отношеніи, то имѣвшая значеніе въ то время и при тогдашнихъ обстоятельствахъ. Въ послѣдствіи мы будемъ еще имѣть случай указать на это. Здѣсь ограничимся только тѣми результатами, которыя произошли отъ такихъ дѣйствій въ новыхъ вѣкахъ: трудъ окрѣпъ и является съ полнымъ сознаніемъ силъ своихъ въ прямомъ противоборствѣ съ интересами владѣнія; это отражается и въ политико-экономической литературѣ: являются ученія, стремившіяся дать ему свободу, сбросить съ него узы старыхъ стѣсненій. Эта эманципація труда въ теоріи представляется въ требованіи уничтоженія законовъ, имѣвшихъ предметомъ ограничить частное соперничество и подчинить производство опредѣленнымъ правиламъ. Такое стремленіе выражается первоначально въ *физіократіи*. Стремленіе узнать и изслѣдовать законы производства и на нихъ построить свое ученіе—составляетъ важнѣйшую заслугу физіократовъ для науки и въ тоже время главный источникъ недостатковъ ихъ ученія: принимая производство *въ* чисто *матеріальномъ его значеніи*, они ступили на почву, чуждую науки, которой посвящены ихъ труды: ихъ выводы и заключенія—по этому не представляютъ желанной отчетливости. Правильной обработкѣ науки —тогда мѣшали еще старыя преданія, отъ которыхъ и физіократы не могли вполнѣ освободиться: государственный интересъ, второстепенный въ чистой теоріи цѣнностей, у нихъ является на первомъ планѣ, цѣна смѣшивается съ цѣнностію,—и вообще элементъ научный приносится въ жертву практическимъ цѣлямъ, для которыхъ по ихъ мнѣнію и существуетъ наука: она у нихъ является скорѣе утопіей, нежели теоріей; и ея дѣлатели болѣе проповѣдниками, нежели учеными.

Въ кругъ настоящаго сочиненія не можетъ войти дальнѣйшая исторія развитія нашей науки: послѣдній фазисъ, котораго она достигла въ концѣ прошлаго столѣтія, есть усвоеніе ей Адамомъ Смитомъ аналитической, этой единственной истинно-научной-методы; изъ нея вытекли всѣ положенія, поражающія насъ въ знаменитомъ Inquiry into the nature and causes of the wealth of nations; что же касается до практическихъ положеній, заключающихся въ этомъ сочиненіи, то они, совпадая съ положеніями физіократіи, не были новыми и во время своего появленія.

Въ италіанской литературѣ мы будемъ имѣть возможность ближе ознакомиться съ этими ученіями. Въ ней большая часть

изъ нихъ является въ формѣ практическихъ наблюденій и частныхъ выводовъ, и немногіе возвышаются до теоретическаго взгляда на предметъ.

Въ этомъ мы легко убѣдимся, прошедши весь рядъ италіанскихъ экономистовъ и именно сперва экономистовъ положительнаго направленія, т. е. *меркантилистовъ* и *протекціонистовъ,* потомъ — направленія отрицательнаго *физіократовъ* и предшественниковъ *школы промышленной. Подробное* опроверженіе ошибокъ, съ которыми мы въ изложеніи нашемъ будемъ встрѣчаться очень часто, — при настоящемъ состояніи науки нашей было бы дѣломъ совершенно излишнимъ; а потому мы и будемъ останавливаться только предъ тѣми, которыя или еще и теперь неокончательно порѣшены, или которыя находятся въ противорѣчіи съ другими началами, высказанными индѣ самими авторами.

МЕРКАНТИЛИСТЫ.

Въ обоихъ направленіяхъ, о которыхъ мы упомянули; Политическая Экономія до самаго позднѣйшаго времени представляетъ намъ двойственность предмета, который она изслѣдуетъ, а въ слѣдствіе того и *двойственность содержанія:* — одинъ изъ этихъ предметовъ виденъ въ началахъ ея теоріи, а другой въ ея практикѣ. Казалось бы, что двойственность эта не должна мѣшать ея успѣхамъ и не составляетъ недостатка. Но на дѣлѣ выходитъ иначе. Причина этому та, что связь между предметомъ теоріи и предметомъ практики есть чисто случайная: предметъ теоріи Политической Экономіи постоянно составляла — *цѣнность*, предметъ практики — *народное благосостояніе*: тогда, какъ на самомъ дѣлѣ каждый изъ этихъ предметовъ можетъ и долженъ имѣть свою *отдѣльную теорію* и имѣетъ свою *отдѣльную практику*. Научное изслѣдованіе цѣнностей заключаетъ въ себѣ, какъ и всякое научное изслѣдованіе, тѣмъ болѣе достоинства, чѣмъ оно самобытнѣе, т. е. чѣмъ глубже вникаетъ въ свой предметъ, и чѣмъ рѣзче отдѣляетъ его отъ постороннихъ, случайныхъ вліяній, однимъ словомъ—чѣмъ *безъ-*

условные представляетъ его; поэтому совершенство теорiи цѣнностей заключается между прочимъ и въ томъ, чтобы мы поняли и представили ихъ природу отдѣльно отъ прямаго влiянiя человѣка; идея о благосостоянiи чужда ея; выводы ея *могутъ* сходиться съ выводами теорiи благосостоянiя, но могутъ и расходиться съ ними; какъ и на самомъ дѣлѣ — увеличенiе цѣнностей — не всегда совпадаетъ съ увеличенiемъ народнаго благосостоянiя *. Практика въ наукѣ о цѣнностяхъ заключается въ различныхъ фазисахъ производства: возвышенiе количества и качества есть единственная ея забота; распредѣленiе цѣнностей въ нее принимается только потолику, поколику оно содѣйствуетъ такому возвышенiю, а потребленiе ни въ какомъ случаѣ не можетъ войти въ кругъ ея содержанiя.

Совершенно другое представляетъ намъ наука о благосостоянiи. Предметъ ея изслѣдованiй есть удовлетворенiе потребностей: каждая вещь принимается въ ней, не какъ цѣнность, а какъ годность **; индивидуумъ, о которомъ не заботится наука цѣнностей, находится здѣсь на первомъ планѣ; здѣсь разсматриваются *его* интересы и въ виду имѣется *его* дѣятельность, *его* развитiе. Потребленiе и распредѣленiе цѣнностей получаютъ здѣсь огромное значенiе, но разсматриваются не въ отношенiи къ дальнѣйшему производству, а въ отношенiи къ непосредственному влiянiю на *бытъ* человѣка. Для объясненiя различiя воззрѣнiй той и другой науки, въ сущности различныхъ, мы приведемъ частный примѣръ, именно посмотримъ, какъ можетъ быть рѣшенъ вопросъ о централизацiи капиталовъ въ рукахъ одного промышленника тою и другою? — теорiя цѣнностей, имѣя въ виду дальнѣйшее матерiальное производство, признаетъ такое явленiе полезнымъ, такъ какъ - въ слѣдствiе законовъ, ею подмѣченныхъ, — производство большими капиталами, принадлежащими исключительно одному лицу, — бываетъ успѣшнѣе, — совершенно противное утверждаетъ теорiя благосостоянiя и это очень естественно, оттого что она имѣетъ въ виду преимущественно *дѣятелей производства*—работниковъ, а *не самое производство*. Въ такомъ же разногласiи находятся эти науки въ вопросѣ о благотворительныхъ заведенiяхъ и т. п. Примиренiе ихъ можетъ быть предпринято только на практикѣ, но не въ теорiи, въ которой требуется безусловная логичность выводовъ и строгое единство предмета.

---

* Равновѣсiе между потребностями и потребленiемъ народа называется его *благосостоянiемъ*.

** Свойство вещи удовлетворять нашимъ потребностямъ называется ея *годностiю*.

Въ этой двойственности предмета Политической Экономіи лежитъ причина несостоятельности, недостаточности всѣхъ ея ученій, старавшихся соединить въ предѣлы одной науки—собственно *двѣ науки*, рѣзко раздѣленныя между собою своимъ содержаніемъ. Это же было причиной паденія меркантилизма *, который представляетъ намъ такой же двойственный характеръ. Съ одной стороны онъ пытался проникнуть въ природу цѣнности, съ другой—силился устроить благосостояніе государственное. Связь, которою соединены обѣ эти стороны ученія, чрезвычайно слаба. Разсмотримъ каждую изъ нихъ отдѣльно.

Въ первой половинѣ, представляющей вообще гораздо меньше достоинствъ, нежели послѣдняя, мы открываемъ и зародыши экономической теоріи, и положенія практическія, составлявшія прямый выводъ изъ предъидущей. Фокусъ, въ которомъ соединяются всѣ лучи меркантильнаго ученія, составляютъ—*деньги*. Меркантилисты признавали ихъ за единственный источникъ, или лучше за единственный предметъ богатства. Мнѣніе это отчасти имѣетъ свое основаніе: деньги представляютъ лучшее богатство: ** по своей подвижности не представляя собою непосредственно высокой годности, они служатъ орудіемъ мѣны — а потому заключаютъ въ себѣ *возможность осуществленія* самыхъ многоразличныхъ *капиталовъ* ***; вотъ отчего для лица, живущаго въ обществѣ, они имѣютъ большое значеніе. Вотъ отчего также, если бы мы желали найти *конкретное выраженіе богатства*, наиболѣе приближающееся къ истинѣ, то необходимо должны бы были послѣдовать за грубою практикой и меркантилистами: изъ всѣхъ цѣнностей - деньги представляютъ собою наилучшее такое выраженіе, — и такъ какъ изъ всѣхъ родовъ денегъ—металлическія имѣютъ наибольшее распространеніе, то этотъ видъ и заслуживалъ бы наибольшаго вниманія нашего въ настоящій моментъ общественнаго развитія. — Меркантилисты впрочемъ не руководствовались такими отвлеченными указаніями; они поступили гораздо проще, возвысивъ только тогдашнія понятія частнаго хозяйства въ положенія - о хозяйствѣ народномъ. *Богатство народное*, государственное, состоитъ по ихъ мнѣнію преимущественно въ *деньгахъ*. Разумѣет-

---

* Здѣсь мы имѣемъ въ виду чистое ученіе его, а не какое либо частное выраженіе его; такъ какъ каждое изъ этихъ выраженій имѣетъ множество свойствъ, которыя мы не имѣемъ права приписывать основному ученію.

** Богатство есть капиталъ, *разсматриваемый по отношенію къ экономической особи* (т. е. лицу, семейству, общинѣ и т. п.).

*** Капиталъ есть аггрегатъ цѣнностей.

ся, здѣсь ошибка ихъ представляется наиразительнѣе, потому, что государство заключаетъ въ своей власти уже *готовыми* всѣ тѣ *цѣнности*, которыя только могутъ быть получены за деньги, и по теоріи оно нуждается въ нихъ менѣе всего. Готовность однако, съ которою тогдашнія государства приняли меркантильное ученіе, заставляетъ насъ подозрѣвать существованіе причины, дѣлавшей *полезнымъ* возможно большее *накопленіе драгоцѣнныхъ металловъ* въ странѣ. Причина эта скрывается *въ малой степени безопасности и неувѣренности* въ продолжительномъ *мирѣ*. Первая—дѣлала невозможнымъ существованіе правильнаго и обширнаго кредита; вторая—требовала, чтобъ народъ былъ всегда въ готовности вести войну, средства къ которой преимущественно заключаются въ деньгахъ, такъ какъ онѣ однѣ способны доставить въ критическое время разнообразныя цѣнности безъ насилія.

Способъ къ накопленію денегъ въ государствѣ меркантилизмъ представлялъ въ своей *теоріи баланса*. Эта теорія въ обоихъ видахъ ея (балансъ *мѣновой* и балансъ *торговой*) представляетъ стремленіе — привлечь въ страну наиболѣе золота и серебра отъ другихъ народовъ, пріобрѣтая ихъ путемъ вымѣна на произведенія туземныя, по мнѣнію меркантилистовъ *менѣе цѣнныя* (что несовершенно ложно съ точки зрѣнія частнаго современнаго хозяйства). Народное самолюбіе ласкало себя при этомъ несбыточною надеждой — сдѣлать другіе народы своими данниками. Разумѣется, самая возможность выполненія такого намѣренія даже при благопріятныхъ обстоятельствахъ должна была исчезнуть, какъ только другіе народы принимали такую же политику. Насильственныя средства не могли измѣнить естественныхъ законовъ, и золото и серебро постоянно текли туда, гдѣ цѣнность ихъ стояла ниже общаго уровня. Противодѣйствіе осуществленію этихъ законовъ, которыхъ не можетъ не замѣтить самая близорукая рутина, — является въ запрещеніи вывоза денегъ. Оно, не достигая *вполнѣ* своей цѣли, какъ это справедливо замѣчено было Сэемъ и другими, въ извѣстной мѣстности можетъ однако *уменьшить* на время истеченіе денегъ изъ страны. Подтвержденіе этому мы можемъ видѣть и въ наше время, а исторія торговаго кредита доказываетъ намъ это неоспоримо.

Меркантилизмъ впрочемъ понималъ, что одною этою мѣрою онъ не можетъ произвести желаннаго изобилія денегъ въ государствѣ, неимѣющемъ рудниковъ; для привлеченія ихъ онъ придумалъ, какъ мы сказали, другое средство — именно — торговлю; видя различіе между цѣною суровья и издѣлія—фабриката, и не понимая отношенія цѣны къ годности вещи, онъ старался о сбытѣ послѣднихъ, (фабрикатовъ), поощряя ввозъ грубаго матеріала

съ цѣлію содѣйствовать увеличенію фабричнаго производства въ странѣ. Это положеніе меркантилизма, вытекающее прямо, какъ мы видимъ, изъ его понятія о богатствѣ, въ послѣдствіи времени сдѣлалось однимъ изъ положеній *теоріи благосостоянія*, преимущественно въ школѣ *протекціонистовъ;* и разумѣется здѣсь — оно имѣетъ гораздо болѣе значенія. — Нельзя отрицать различія между земледѣльческимъ и промышленымъ развитіемъ страны въ отношеніи къ народному благосостоянію. Промышленность ремесленная и мануфактурная доставляетъ гораздо болѣе занятія для народа на данномъ пространствѣ, нежели земледѣльческая; скоро мы будемъ имѣть случай подробнѣе изслѣдовать этотъ вопросъ съ его научной стороны, то есть: какое значеніе имѣетъ такого рода искусственное увеличеніе труда? теперь достаточно сказать, что оно задерживало въ странѣ развитіе туземныхъ потребностей, и нарушило то равновѣсіе, въ которомъ онѣ находились къ туземнымъ предметамъ потребленія: стѣсненіе соперничества, а въ слѣдствіе того и уменьщеніе предложенія грубыхъ матеріаловъ съ одной стороны, увеличеніе запроса на нихъ (со стороны туземныхъ мануфактуристовъ) и на фабрикаты (со стороны иностранцевъ) — съ другой, — поддерживаемыя постоянно цѣлою системою экономическихъ мѣръ, — дѣлало *невозможнымъ правильное распредѣленіе цѣнностей* въ народѣ: явились анормальности въ этомъ родѣ и — первый зародышъ пролетаріата. Практическій меркантилизмъ не могъ не замѣтить этого, и не будучи въ состояніи отказаться отъ главной цѣли своей, искалъ средствъ помощи — въ искусственномъ устройствѣ труда, идеѣ, завѣщанной ему предъидущимъ временемъ. Въ этомъ и заключается его *теорія благосостоянія*. Изучать ее мы можемъ не столько изъ литературы, сколько изъ государственныхъ учрежденій того времени. Учрежденія эти едва понятны для насъ: такъ далеки они отъ нашихъ потребностей и нашихъ убѣжденій! Не смотря на это, мы не можемъ не признать временной необходимости ихъ, цѣлесообразности. Выше (стр. 18) мы имѣли случай указать на главныя стороны и достоинство этихъ учрежденій, надъ которыми по этому мы не будемъ болѣе останавливаться. Замѣтимъ только, что опредѣленіе способовъ производства свыше, замѣчаемое нами въ меркантилизмѣ, не находится въ прямой связи съ предлагаемой имъ организаціею. Послѣдняя имѣла въ виду только *мѣру* его. Причина же оффиціальнаго регулированія производства заключается въ низкомъ состояніи техническаго образованія страны въ то время, и не было тогда неумѣстнымъ: невыгода и вредъ такихъ распоряженій лежитъ не въ самомъ ихъ появленіи, а въ томъ, что ихъ хотѣли удержать въ силѣ *долѣе*, нежели это полезно было для успѣха промышленнсти.

Въ заключеніе изложенія меркантильныхъ мнѣній мы представимъ одну догадку, основанную на духѣ самаго ученія и могущую оправдать меркантилистовъ отъ упрека, часто дѣлаемаго имъ. Говорятъ, что они упускали изъ виду упадокъ цѣнности монеты, необходимо долженствовавшій произойти въ странѣ отъ накопленія дорогихъ металловъ. — Такого грубаго недосмотра трудно ожидать отъ цѣлаго времени, отличающагося своею практичностію, и дѣйствительно — по идеалу меркантильнаго общества это было невозможно: центромъ экономической дѣятельности въ странѣ меркантилизмъ принималъ — *правительство* ея, а потому, привлекая металлы, онъ — собственно говоря — передавалъ ихъ въ руки его для храненія: а *лежачій* - накопляющійся такимъ образомъ — денежный *капиталъ* не могъ имѣть прямаго дѣйствія на повышеніе или пониженіе цѣнности денегъ въ странѣ.

Таково было ученіе, господствовавшее надъ умами въ продолженіе долгаго времени: оно не имѣло ни единства въ построеніи, ни полной логичности въ выводахъ; но уже фактъ продолжительнаго вліянія его на образованный міръ и чрезвычайная жизненность, которую онъ проявилъ въ порожденныхъ имъ ученіяхъ, заставляютъ насъ предполагать, что онъ не былъ одною выдумкою невѣжества, а стоялъ на болѣе твердомъ основаніи. Это основаніе, какъ мы видѣли, было экономическое положеніе народовъ. Съ открытіемъ новаго свѣта, и постепеннымъ въ слѣдствіе того увеличеніемъ и потребностей и потребленія — рамы меркантильнаго ученія оказываются узкими; оно — падаетъ, увлекши въ своемъ паденіи и то, что заключалось терпимаго въ его учрежденіяхъ. Ученому міру оно завѣщало только одну *идею устройства* (организаціи), заглушенную побѣднымъ кликомъ воцарившейся школы, но еще далеко не подавленную.

Разработка каждой науки начинается обыкновенно съ отдѣльныхъ, частныхъ предметовъ. Эти предметы бываютъ различны, но всегда касаются вопросовъ главныхъ — по крайней мѣрѣ по тому воззрѣнію, которое имѣли современники. Такимъ предметомъ въ меркантильной системѣ Политической Экономіи, мы видѣли, были — *деньги*, и первыя политико-экономическія сочиненія Италіанцевъ посвящены этому предмету. Это покажется намъ совершенно естественнымъ, если мы припомнимъ, въ какомъ жалкомъ положеніи находилась въ началѣ новыхъ вѣковъ монетная система вообще въ Европѣ, и въ особенности въ Италіи (см. стр. 13).

Дать отчетъ въ природѣ монеты и показать истинное значеніе ея въ народномъ хозяйствѣ безспорно было единственнымъ

средствомъ противодѣйствовать злу. Реджіанецъ *Гаспаръ Скаруфи* первый принялъ на себя этотъ трудъ * и рѣшилъ его чрезвычайно удовлетворительно по своему времени (XVI стол.). Не касаясь отвлеченныхъ началъ монеты, онъ заботился только о ея правильности; но изъ самыхъ мѣръ, которыя онъ предлагаетъ, видно, что онъ понималъ главныя условія, дающія годность деньгамъ. Условія эти суть: 1) *кредитъ* ** (довѣріе) въ обширномъ смыслѣ этого слова и 2) *экономическая простота* ***. Безъ нихъ она не можетъ служить единицей мѣны, конкретнымъ выраженіемъ мѣрила цѣнности вещей, что составляетъ ея призваніе и опредѣленіе. Но довѣріе въ дѣлѣ монеты основано на извѣстномъ *внѣшнемъ ручательствѣ* въ цѣнности вещи, принимаемой за единицу, а экономическая простота зависитъ отъ *извѣстныхъ техническихъ условій ея производства*. Скаруфи для утвержденія перваго предлагалъ замѣнить безконечное разнообразіе существующихъ нынѣ монетъ—*одною общею*; но чувствуя трудность введенія такой монеты, опредѣленія ея и наконецъ — ея чеканки, онъ предлагаетъ созвать для этого *общій европейскій сеймъ*. Нельзя при этомъ не замѣтить, что для успѣха его мѣры, для поддержанія единства монеты, если бы и согласились въ этомъ, недостаточно было бы одного рѣшенія; нужна поддержка, продолженіе этой мѣры высшею властію, *постоянно* дѣйствующей; потому, что безъ того тѣ же причины, которыя произвели первоначальное измѣненіе цѣнности монеты въ различныхъ странахъ, могутъ произвести и уклоненіе ея отъ одной общей нормы. Временное согласіе въ дѣлѣ монеты не представляетъ еще достаточной гарантіи ея всегдашней прочности и достоинства.

Касательно технических условій производства мнѣнія Скаруфи представляются болѣе удачными. Такъ онъ совѣтуетъ вве-

---

* Его сочиненіе, первое по времени въ ряду политико-экономическихъ сочиненій новаго времени, написано въ 1579 г. въ видѣ письма (отъ 16 Марта) Графу Тассони и носитъ названіе: *Discorso sopra le monete e della vera proporzione tra l'oro e l'argento. 1582. Reggio. in 8.* (Cust. P. M. I.) Оно удостоилось чести двухъ комментаріевъ *Протезуоли* и *Проспери;* послѣдній подъ названіемъ: *Breve istruzione sopra il discorso etc.*

** Въ отношеніи къ монетѣ кредитъ выражается въ увѣренности, что цѣнность извѣстной вещи (барана, мордки, монеты чеканной, ассигнаціи и т. п.) имѣетъ одинаковое значеніе для цѣлаго конкретнаго общества и не уничтожится при передачѣ.

*** Подъ именемъ экономической простоты я разумѣю способность вещи подвергаться многоразличнымъ измѣненіямъ относительно степени и формы ея годности безъ перемѣны свойствъ, присущихъ веществу.

сти 12-чное и 6-рное дѣленіе монеты, требуетъ, чтобы на каждой монетѣ обозначены были ея стоимость, смѣсь, доброта и число единицъ, нужныхъ для составленія фунта; чтобы издержекъ чеканки не принимать въ разсчетъ при опредѣленіи ея цѣнности и т. п. Всѣ эти совѣты были приняты въ различныхъ государствахъ и практика доказала ихъ справедливость.

Вліяніе меркантильнаго ученія открывается у Скаруфи въ двухъ пунктахъ: 1) въ требованіи опредѣленія отношенія золотой монеты къ серебряной и 2) въ назначеніи количества, въ какомъ должна быть чеканена мелкая монета. Онъ ошибается, полагая, что то и другое находится въ произволѣ общественной власти.— Отношеніе золота къ серебру = 1: 12, истинное въ его время, не могло уже быть принято и потому, что оно зависитъ отъ добытаго количества того и другаго, и отъ требованія на нихъ, однимъ словомъ отъ — запроса и предложенія, по природѣ своей вѣчно измѣняющихся. Онъ не могъ ручаться, чтобы это отношеніе не измѣнилось съ теченіемъ времени, какъ это дѣйствительно произошло.

Что касается до *количества мелкой монеты*, какое должно выпускать въ странѣ, и которое Скаруфи полагаетъ должно равняться половинѣ всего чеканеннаго металла, то его нельзя опредѣлить даже приблизительно: это зависитъ отъ степени развитія страны, т. е. отъ развитія ея потребностей, отъ формы распредѣленія ея богатствъ, отъ высоты, которой достигъ въ ней кредитъ, и отъ величины торговыхъ сдѣлокъ и оборотовъ какъ внутри страны, такъ и съ другими народами. Намъ представляются страны, въ которыхъ вся масса обращающейся монеты состоитъ почти исключительно изъ мѣлкой монеты, въ которыхъ крупная золотая монета составляетъ рѣдкость—въ то время, когда въ другихъ, сосѣднихъ съ нею, насъ поражаетъ явленіе противное. Различные кантоны Швейцаріи, даже и въ наше время, представляютъ намъ наглядный тому примѣръ. Изъ наблюденія надъ сими и другими странами, находящимися въ подобномъ состояніи, мы можемъ вывести только *общее* заключеніе, еще не дающее намъ возможности рѣшить вопросъ съ математическою точностію. Заключеніе это можетъ быть выражено такъ: *количество мелкой монеты въ странѣ должно быть прямо пропорціонально быстротѣ оборотовъ, и обратно пропорціоно ихъ количеству и удѣльному объему.*

Между заслугами Скаруфи должна быть почтена между прочимъ и мысль о *клеймѣ* на золотыхъ и серебряныхъ вещахъ, этомъ первомъ проявленіи *промышленной гарантіи*, гдѣ контроль общественной власти соединяется съ гласностію имени частнаго производителя. Свидѣтельствуя опредѣленнымъ обра-

зомъ о годности продукта, она не принимаетъ на себя обязанности опредѣлять цѣну товара, измѣняющуюся по общему закону соперничества: ея цѣль только устраненіе обмана со стороны продавца, отъ котораго въ случаѣ недостатка технических свѣденій—въ частномъ предметѣ мѣны покупатель не имѣетъ никакой возможности предостеречься. Недостаточность въ этомъ отношеніи вольнаго соперничества была признана отчасти самимъ Сеймъ, по крайней мѣрѣ—это мы можемъ заключить изъ его нападковъ на étalage и ходебную торговлю, эти самыя чистыя формы промышленнаго соперничества.

Въ одно время съ появленіемъ сочиненія Скаруфи въ печати (1582 г.) является *lezione delle monete* (*Firenze*) * Флорентинца *Бернарда Даванцати*. Сочиненіе это составляетъ замѣчательное явленіе въ тогдашней политико-экономической литературѣ. Въ немъ уже ясно выражена мысль, что *богатство* заключается *не въ деньгахъ*, а въ жизненныхъ припасахъ и въ товарахъ, которые Даванцати называетъ *истинными благами* и считаетъ полезнѣе золота и серебра, говоря, что яйцо „стоющее полъ-грана золота", могло бы на день поддержать жизнь Графа Уголино, тогда какъ все золото міра не могло бы спасти его отъ голодной смерти; но изъ самаго этого примѣра мы видимъ, какъ трудно было ему освободиться отъ господствовавшаго взгляда. Яйцо въ положеніи Графа Уголино пріобрѣтало цѣнность, какой оно прежде не имѣло, и полъ-грана золота, которые онъ здѣсь приводитъ, неимѣетъ болѣе никакого значенія: цѣна вещи, какъ и ея мѣновая цѣнность, — есть нѣчто относительное, опредѣляемое съ одной стороны настоятельностію потребностей, съ другой — *данными* средствами потребленія.

Въ отношеніи къ деньгамъ онъ не умѣлъ точно опредѣлить ихъ значенія и природы. По его мнѣнію онѣ отличаются отъ другихъ товаровъ тѣмъ, что въ нихъ заключается свойство оцѣнки и мѣры всѣхъ произведеній (т. е. вѣроятно онъ разумѣетъ цѣнности произведеній); тогда какъ это свойство принадлежитъ не исключительно металлу, выбранному за деньги, а каждой цѣнности; деньги отличаются отъ нихъ только тѣмъ, что онѣ *приняты* за единицу мѣры цѣнности.

Еще ошибочнѣе является его взглядъ на источникъ свойства оцѣнки и мѣры: онъ видитъ его только въ помѣткѣ монеты, клеймѣ; но клеймо не составляетъ ручательства за ея цѣн-

---

* Сочиненіе это написано на грубомъ флорентинскомъ нарѣчіи и въ отношеніи къ изложенію стоитъ далеко ниже предидущаго. *Ср.* Galiani. Della mon. 2 изд. стр. 166.

ность; доказательствомъ этого могло служить Даванцати современное ему состояніе монетной системы въ его отечествѣ. Неудивительно, что, ставши на такую точку зрѣнія, онъ пришелъ къ страннымъ результатамъ: практика гласно вопіяла противъ его положенія, и онъ не могъ найти изъ него никакого выхода: удешевленіе чеканки монеты посредствомъ возврата къ старымъ пріемамъ (молотку) не представляло никакого облегченія въ недостаткахъ монеты, источникъ которыхъ онъ просмотрѣлъ. Ему оставалось одно только средство выйти изъ затруднительнаго положенія, въ которое онъ поставилъ себя ложнымъ опредѣленіемъ свойства монеты: именно—*отвергнуть* ее какъ излишнюю, и—онъ дѣйствительно рѣшился на это, предложивъ замѣнить ее въ оборотѣ слитками золотыми и серебряными безъ клейма. Дѣйствительно, если бы полезность монеты обусловливалась только клеймомъ ея; то для избѣжанія вредныхъ слѣдствій такой зависимости ея отъ послѣдняго, гораздо лучше было бы прибѣгнуть къ этому китайскому способу. Во время Даванцати — эта идея могла имѣть не только достоинство ироніи, которое приписываетъ ей Пеккіо, а даже достоинство практическое: современная Даванцати монета, лишенная гарантіи правильной цѣнности своей, на самомъ дѣлѣ была принимаема только, какъ *слитокъ* извѣстнаго вѣса, но *неизвѣстнаго содержанія*; и одна выгода формы не давала еще ей большаго перевѣса надъ другими слитками *.

* Къ одному же времени съ Даванцати должно отнести и сочиненіе о монетахъ *Маркантиніо де Сантисъ*. Его нѣтъ и въ собраніи Кустоди; но опроверженія на него встрѣчаются въ сочиненіи Серры, и если судить о достоинствѣ его по этимъ отзывамъ, то можно признать потерю его не важною для исторіи нашей науки, тѣмъ болѣе, что и безъ того италіанская литература представляетъ намъ большое богатство сочиненій о монетѣ, превосходя въ этомъ отношеніи и количественно и качественно всѣ другія. Въ каждомъ почти изъ множества спеціальныхъ сочиненій объ этомъ предметѣ мы можемъ встрѣтить нѣсколько мыслей дѣльныхъ и отчетливыхъ. Въ большей части изъ нихъ мы не встрѣчаемъ почти никакихъ теоретическихъ началъ: авторы ихъ занимаются чисто практическимъ рѣшеніемъ вопроса; нѣкоторые входятъ даже въ частныя подробности монетнаго дѣла. Для того, чтобы болѣе не возвращаться къ этому предмету, мы вычислимъ здѣсь всѣхъ италіанскихъ писателей, спеціально занимавшихся исключительно этимъ предметомъ. Изъ этого изложенія мы увидимъ, какъ меркантильныя понятія объ этомъ предметѣ мало по малу уступали мѣсто другому взгляду, болѣе отчетливому, и потому болѣе правильному,—какъ золото съ высоты, на которую возвело его близорукое невѣжество, при каждомъ новомъ изслѣдованіи должно было спускаться ниже и ниже,

На полѣ, такимъ образомъ приготовленномъ трудами Скаруфи и Даванцати — скоро явился писатель, въ которомъ впер-

---

приближаясь къ общему уровню цѣнностей; но по самой медленности этого пониженія мы въ правѣ заключить о той силѣ, которую имѣла вѣра въ его магическія свойства.

1) Вскорѣ за упомянутыми сочиненіями Скаруфи и Даванцати, именно — въ началѣ XVII столѣтія появляются сочиненія Директора неаполитанскаго монетнаго двора *И. Д. Турболо.* Они имѣютъ видъ краткихъ разсужденій, но въ нихъ нѣтъ никакого ни ученаго, ни литературнаго достоинства. Онъ писалъ ихъ, какъ человѣкъ практическій, и обращалъ болѣе вниманія на техническую сторону монетнаго дѣла, нежели на значеніе и свойство денегъ вообще. Главныя его разсужденія носятъ слѣдующія названія, изъ которыхъ можно отчасти видѣть и ихъ содержаніе: 1) *Discorso della differenza et inegualità delle monete del regno di Napoli colle altre monete di potentati convicini, e della causa della penuria di essa, con l'espediente dell' aggiustamento ed abundanza si delle monete di Regno, come di forestiere per benefizio pubblico. Nap., Targ. Lango. 1616.* — 2) *Massime necessarie sopra le quali si deve fondare le rizoluzioni, ed ordini per la provisione alli disordini correnti di monete, cambi e banchi, accio le negozj e contrattazioni s'incaminino allo lor giusta conveniente et ordinaria regola. Nap. 1623.* — 3) *Discorso sopra le monete del Regno di Napoli per la renovazione della lege di esse monete ordinata et eseguita nell'an. 1622, e degli effetti di quella proceduti: e se il cambio alto (sia d'utile o danno). 1629. 4.* При этомъ разсужденіи напечатано 3 отчета: первый—о различномъ качествѣ монеты, вычеканенной въ Неаполѣ отъ 1442 до 1628; вторый — о количествѣ, качествѣ и цѣнности золотой и серебряной монеты, вышедшей съ монетнаго двора 1599—1628; третій — о неаполитанской золотой монетѣ 1538—1628, и сравненіе ея съ монетами другихъ государствъ. При концѣ этой книги находятся четыре разсужденія: два, изданныя въ 1618 г. по настоянію *Ф. Ц. Галеоты* противъ указа того же года, предписывавшаго курсъ иностранной монеты, и два другія, изданныя 1619 и 1620 г., посвященныя банковому и монетному совѣту — (Giunta de' banchi e della zecca) и имѣющія предметомъ также монету. Всю цѣну этихъ сочиненій составляетъ множество статистическихъ данныхъ, разсѣянныхъ въ нихъ въ изобиліи.

2) Моденецъ *Герминіанъ Монтанари* (Germiniano Montanari) въ своемъ: *Della moneta, trattato mercantile. 1680. 8*, и въ другомъ: *breve tratt. del valore della moneta in tutti gli stati, 1682*, довольно вѣрно обсуживаетъ выгоды и невыгоды различныхъ постановленій касательно цѣнности туземной и иностранной монеты, отношенія между мѣлкою и крупною мо-

вые мы замѣчаемъ стремленіе проникнуть глубже въ природу богатства. Онъ старался достигнуть этого приведеніемъ господствовавшихъ тогда разнообразныхъ мнѣній касательно источниковъ богатства во взаимную связь, въ систему. Писатель этотъ былъ *Антоній Серра* (Antonio Serra), уроженецъ козенцскій —

нетой и т. п. Главные результаты заключаются въ слѣдующемъ: 1) при выпускѣ монеты нужно сообразоваться съ сосѣдними государствами, 2) ихъ монету не пускать выше стоимости, 3) свою напротивъ можно (хотя разумѣется — онъ этого не можетъ доказать логически), 4) запретить ввозъ чужой мѣлочи, а у себя выпускать въ ограниченномъ числѣ. Его совѣтъ не оставлять въ государствѣ денегъ, если ихъ можно очень выгодно употребить за границей, показываетъ, что онъ инстинктивно чувствовалъ невѣрность главнаго положенія меркантилистовъ касательно денегъ. Это дѣлаетъ ему тѣмъ болѣе чести, что его современники находились подъ сильнымъ вліяніемъ меркантильнаго ученія, какъ это видно изъ сочиненія *Цезаря Ант. Вергары*, не умѣвшаго отличить слѣдствій порчи монетъ отъ произвольнаго измѣненія ихъ названія.

3) Впрочемъ и самъ Монтанари не представляетъ намъ ничего замѣчательнаго, если мы сравнимъ его съ послѣдующимъ писателемъ объ этомъ предметѣ — Тосканцемъ *И. Фр. Паньини* (1715—89). Его *Saggio sopra il giusto preggio delle cose, la giusta valuta della moneta e sopra il commercio dei Romani* (*Custodi*. P. M. II) 1751—составляетъ, не смотря на чрезвычайную сухость изложенія, лучшее разсужденіе о монетѣ въ италіанской литературѣ, исключая сочиненіе о томъ же Гальяни (см. ниже).

Паньини чрезвычайно вѣрно обсуживаетъ зависимость цѣнности денегъ отъ цѣнности самаго металла, изъ котораго онѣ дѣлаются, и полагаетъ, что не должно произвольно измѣнять ни цѣнности, ни чистоты монеты: поэтому онъ возстаетъ противъ римскихъ юристовъ, утверждавшихъ противное мнѣніе.

Въ позднѣйшемъ сочиненіи своемъ: *Trattato della decima, mercatura e moneta de' Fiorentini. Firenze, 1765.* Онъ доказываетъ между прочимъ малое вліяніе рудниковъ новаго свѣта на цѣнность драгоцѣнныхъ металловъ въ Италіи. Сочиненіе это, и въ особенности одинъ эпизодъ его *sul valore dell'oro e dell'argento*, считается классическимъ.

4) Защитникомъ римскихъ юристовъ, на которыхъ вооружался Паньини, не замедлилъ явиться *П. Нери* въ своемъ *Osservazioni sopra il prezzo legale delle monete. Firenze, 1751, 8.* Онъ приписываетъ италіанскимъ юристамъ то, что Паньини приписываетъ римскимъ. Вообще въ этомъ сочиненіи видны ясный практическій умъ и большая добросовѣстность. Доказательствомъ послѣдней могутъ служить documenti, приложенныя къ нему, состоящія въ выпискахъ изъ старыхъ хроникъ и т.

вѣроятно единомышленникъ Кампанеллы *. Называть его однако отцемъ Политической Экономіи, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые италіанскіе писатели—вѣроятно въ слѣдствіе узко понимаемаго патріотизма, значило бы слишкомъ мало цѣнить это названіе. На него имѣетъ право только писатель самостоятельный, а этого послѣдняго качества къ несчастію мы не находимъ въ Серрѣ: онъ принимаетъ безъ критики самые разительные предразсудки меркантилизма. Предразсудки эти рѣзко выразились въ самомъ заглавіи его сочиненія, которое само по себѣ можетъ уже намъ дать понятіе о задачѣ, предложенной себѣ авторомъ. Вотъ оно: *Breve trattato delle cause che possono far abondare li regni d'oro e d'argento, dove non sono minieri coll'applicazione al Regno di Napoli. R.* 1613. 8=(*Cust.* P. A. I). Краткое изложеніе главнаго содержанія его послужитъ для насъ достаточнымъ оправданіемъ въ высказанномъ нами судѣ намъ авторомъ: причины изобилія металловъ въ государствѣ (было бы вѣрнѣе: способъ ихъ накопленія въ немъ) — онъ раздѣляетъ на два рода: естественную и случайныя.

1) *Естественною* причиною онъ называетъ одни рудники; 2) подъ именемъ *случайныхъ* онъ разумѣетъ два рода причинъ: а) однѣ суть чисто *мѣстныя*, къ которымъ онъ причисляетъ α) плодородіе земли и β) ея положеніе; б) другія — чисто *общія*, какими онъ называетъ α) мануфактуры, β) качество жителей, отъ

п., по содержанію близкихъ къ его предмету. Сочиненіе это составляетъ прекрасное руководство для чиновника по монетной части и мало входитъ въ теоретическія обсужденія. Касательно издержекъ чеканки онъ полагаетъ наиприличнѣе нести ихъ государству, а не потребителямъ; но до тѣхъ поръ, пока эта истина не перешла въ общее сознаніе,—онъ совѣтуетъ оставить дѣло по прежнему. Онъ извѣстенъ также замѣчательнымъ трудомъ, не чуждымъ нашей наукѣ, именно: введеніемъ кадастра въ родинѣ его — Ломбардіи.

О другихъ сочиненіяхъ, имѣвшихъ предметомъ монету, мы будемъ имѣть случай упомянуть послѣ—при разборѣ общей системы мнѣній ихъ сочинителей.

* Система мнѣній *Ѳомы Кампанеллы* (Его *Civitas solis* написана около 1629 г.) не можетъ войти въ область изложенія Политической Экономіи. Это—утопія, исполненная южной фантазіи, и имѣющая, можетъ быть, литературное достоинство, но никакого научнаго. Преданія древняго классическаго міра смѣшиваются въ странной пропорціи съ началами—римско-католической организаціи и подчиняются непонятнымъ для насъ законамъ астрологіи. Сочиненіе это замѣчательно, какъ первое выраженіе въ новыхъ вѣкахъ тѣхъ началъ, которыя въ настоящее время находятъ такую обильную пищу на Западѣ.

котораго зависитъ большая или меньшая способность ихъ къ промышленности, и γ) морская торговля.

Здѣсь мы видимъ странное смѣшенiе правильныхъ понятiй съ ложными: источники вещественнаго производства смѣшаны съ источниками цѣнности и съ источниками драгоцѣнныхъ металловъ; не сознавая *въ точности* различiя между ними, онъ однако какъ бы чувствовалъ его,—что можно видѣть изъ различныхъ классовъ дѣленiя причинъ, представленныхъ имъ. Каждый изъ нихъ составляетъ особый видъ упомянутыхъ нами источниковъ. Такъ — его *естественная* причина — есть собственно говоря источникъ металловъ, его — *мѣстныя случайныя* причины — источникъ матерiальнаго произведенiя вообще, и поэтому неизбѣжно заключаетъ въ себѣ первый, какъ видъ, его—*общiя случайныя* причины — источникъ цѣнности въ строгомъ смыслѣ и выражаются въ современной наукѣ общимъ понятiемъ—*трудъ*.

Таковъ взглядъ Серры на богатство и его научное значенiе; но кромѣ этого въ сочиненiи его мы можемъ замѣтить нѣсколько отдѣльныхъ положенiй, которыя по своему интересу не могутъ быть оставлены нами безъ вниманiя.—Къ нимъ относятся: 1) мнѣнiе его о мануфактурной промышленности сравнительно съ земледѣльческою и 2) его понятiя о *благосостоянiи*.

Сравнивая мануфактурную промышленность съ земледѣльческою, онъ — согласно съ другими меркантилистами, отдаетъ предпочтенiе первой на слѣдующихъ основанiяхъ: 1) выгоды отъ фабричной работы *больше*, нежели отъ земледѣлiя, потому что мы можемъ часто видѣть, какъ въ ней выручается 100 пр. 2) доходъ отъ фабрики и ремесла и заработокъ въ нихъ *вѣрнѣе*, первый—потому, что сбытъ мануфактурныхъ произведенiй легче, нежели сбытъ произведенiй земли; вторый — потому, что не зависитъ отъ погоды, какъ полевая работа; и вообще 3) занятiе ими—*выгоднѣе* потому, что государство обыкновенно вывозитъ болѣе фабрикатовъ, нежели произведенiй земли. Нѣкоторыя изъ этихъ положенiй имѣютъ свою вѣрную сторону: дѣйствительно, нельзя не признать напримѣръ, что заработокъ на фабрикахъ ровнѣе (хотя не вѣрнѣе), нежели въ земледѣлiи; но строгой критики не выдерживаетъ ни одно изъ нихъ; выгода, которую онъ принимаетъ въ отношенiи къ производителю и въ отношенiи къ государству — есть только кажущаяся. Быстрота обогащенiя, приводимая имъ въ доказательство перваго положенiя, есть болѣе дѣло случая, нежели правило, и можетъ быть только при слабости соперничества; перевѣсъ вывоза фабрикатовъ въ сравненiи съ произведенiями земли, приводимый имъ, какъ доказательство выгодности первыхъ, также есть дѣло случайное, какъ намъ доказываетъ это множество противныхъ при-

мѣровъ; что же касается до вѣрности дохода, а слѣд. и заработка, то разумѣется она скорѣе можетъ быть приписана земледѣлію, нежели фабрикамъ, такъ какъ произведенія перваго служатъ къ удовлетворенію потребностей *наиболѣе общихъ*, а слѣд. и могутъ надѣяться на болѣе постоянный запросъ.

Что касается до понятія его о *благосостояніи*, то въ этомъ онъ повидимому не отступаетъ отъ мнѣнія меркантилистовъ; *основаніемъ* его онъ считаетъ »политическія *учрежденія* народа;« правда, для успѣховъ торговли требуетъ »учрежденій либеральныхъ»; но не извѣстно, что именно онъ разумѣетъ подъ этимъ выраженіемъ. Постоянство и малая измѣняемость законовъ признается имъ очень важнымъ условіемъ процвѣтанія государства. »Тамъ не можетъ быть благоденствія,—говоритъ онъ — гдѣ каждый новый король издаетъ новые законы.«

Сочиненіе Серры, не смотря на свои неотъемлемыя достоинства, имѣло мало вліянія въ Италіи. Между нимъ и послѣдующимъ систематическимъ сочиненіемъ меркантильнаго направленія * римскаго банкира *Джироламо Беллони* протекло цѣлое столѣтіе. Въ это время меркантильные предразсудки успѣли укорениться и развиться — такъ, что новое сочиненіе представляетъ намъ апогей этого ученія. Оно своимъ появленіемъ въ свѣтъ произвело много шуму, доставило сочинителю титулъ маркиза и удостоилось перевода на многіе языки. Такой успѣхъ при его недостаткахъ могъ бы удивить насъ, еслибы мы не приняли въ соображеніе, что оно при небольшемъ объемѣ выражаетъ вполнѣ и вѣрно всѣ экономическіе предразсудки своего вѣка. Въ этомъ отношеніи оно очень важно при изложеніи италіанской политико-экономической литературы, и мы поэтому постараемся подробно представить его содержаніе.

Оно раздѣляется на 4 главы, изъ которыхъ въ 1-й авторъ излагаетъ свои мысли о началѣ торговли и ея пользѣ, во 2-й о существѣ монеты и ея началѣ, въ 3-й о размѣнѣ, въ 4-й о равенствѣ золота и серебра; въ прибавленіи онъ кромѣ того — представляетъ мѣры и дѣйствія, способствующія обогащенію его образцоваго государства. Изъ этого уже видно, что оно написано будто съ цѣлію — выразить всѣ особенности меркантилистическаго ученія, касающіяся, какъ мы знаемъ, преимущественно этихъ вопросовъ.

Такъ какъ главный пунктъ меркантильнаго ученія составляютъ деньги, то мы и начнемъ изложеніе мнѣній Беллони съ это-

---

* *Dissertazione sopra il commercio. Roma. 1750* (къ этому изданію приложено еще его письмо *sulla moneta imaginaria*). Есть также французскій переводъ его: *Diss. s. le commerce, trad. p. M. A. La Haye. 1755. 8.*

го предмета. Мысли его о свойствѣ и значеніи ихъ такъ несвязны и мало согласны одна съ другою, что достаточно свести ихъ для того, чтобы показать, какъ онѣ невѣрны. Представляя деньги *не болѣе, какъ* мѣрою или цѣною товаровь (I, 9.) и приписывая изобрѣтеніе ихъ нуждѣ, (II, 1.) онъ отличаетъ въ нихъ въ то же время »двоякую цѣну: *внутреннюю* стоимость, зависящую отъ самаго металла, его вѣса и количества и *внѣшнюю* цѣнность,« зависящую отъ потребности ея оборота (II, 3). Этими словами онъ самъ опровергаетъ то, что сказалъ выше: если монета имѣетъ свою внутреннюю цѣнность, то значитъ она есть нѣчто болѣе, нежели только мѣра товаровъ. — Причину принятія драгоцѣнныхъ металловъ за деньги онъ полагаетъ во 1-хъ въ томъ, что ихъ »цѣнность неизмѣнна и постоянна,« мнѣніе совершенно ложное, и во 2-хъ въ томъ, что онѣ очень выгодны, будучи въ состояніи доставить житейскія потребности и житейскія удовольствія (II, 2); при этомъ онъ забываетъ, что послѣднее свойство лежитъ въ нихъ не какъ въ металлѣ, а именно *какъ въ деньгахъ*, и что каждый родъ денегъ, если даже онъ и не состоитъ въ драгоцѣнномъ металлѣ, необходимо имѣетъ его; однимъ словомъ — слѣдствіе, явленіе онъ принимаетъ за причину. Послѣ такого нелѣпаго положенія мы не удивимся встрѣтить у него и другое въ томъ же родѣ: »хотя только монета, — говоритъ онъ, — по видимому и составляетъ богатство государства; но ей было бы трудно произвести такія (благодѣтельныя) послѣдствія, если бы не приводила ее въ движеніе торговля. Отъ торговли зависитъ и ея сила, и ея умноженіе« (II, 4). Трудно понять, *какимъ образомъ* торговля производитъ такія слѣдствія, если мы сообразимъ это съ его опредѣленіемъ внѣшней цѣнности денегъ и съ тѣмъ, что онъ сказалъ въ томъ же §, именно, что торговля имѣетъ въ виду только внутреннюю стоимость денегъ.

Торговлю Беллони раздѣляетъ на *активную* и *пассивную*, изъ которыхъ послѣдняя — по его мнѣнію — изнуряетъ государство, какъ будто польза оборота можетъ объусловливаться національностію лица, производящаго его? Какъ ограниченъ его взглядъ на этотъ предметъ — это намъ указываетъ его мнѣніе объ остъ-индской торговлѣ, которую онъ признаетъ гибельною для государствъ, ведущихъ ее потому, что она »выбираетъ изъ нихъ деньги« (I, 10). Все это заключеніе, какъ и сужденіе его о значеніи различныхъ родовъ торговли, — вытекло изъ его понятія о *торговомъ балансѣ*, какъ средствѣ удержать и увеличить массу денегъ, находящуюся въ государствѣ. Значеніе торговаго баланса онъ объясняетъ такъ: »одно государство можно сравнивать съ другими въ отношеніи его торговли и тогда можетъ случиться, что *количество товаровъ*, назначаемыхъ для чуждаго потребленія, равно будетъ *количеству товаровъ*, получаемыхъ

отъ другихъ для себя; т. е. что ввозъ ни мало не превышаетъ вывоза; это равенство называется *равновѣсiемъ*, потому, если замѣтится малѣйшее неравенство въ этомъ отношенiи, то должно обратиться къ *балансу*, не теряя при этомъ изъ виду, что онъ всегда клонится въ пользу того, кто наиболѣе доставляетъ.« (I, IV.) Здѣсь въ краткихъ словахъ выражена вся теорiя торговаго баланса, такъ какъ мѣновой балансъ не встрѣчается въ италiанской литературѣ. Изъ внимательнаго разсмотрѣнiя словъ Беллони, мы легко можемъ замѣтить, что вся ошибка меркантилистовъ основана на предположенiи неравенства мѣны между двумя государствами. Разумѣется — эта мѣна не равна, если мы примемъ во вниманiе *количество*, вѣсъ, свойство товаровъ, но въ народной экономiи — должно обращать вниманiе на *цѣнность* вещей, а не на ихъ матерiальныя свойства. Меркантилизмъ не принималъ— какъ мы видѣли — равенства цѣнности въ вещахъ даже равной цѣны; но нигдѣ не выразилъ онъ ясно и отчетливо своей мысли. Беллони, принимая положенiе меркантилизма, — еще исказилъ его, непотрудившись ни уразумѣть ясно, ни дать себѣ въ немъ отчета, такъ что для насъ безъ объясненiя, почерпнутаго изъ духа ученiя, оставалось бы совершенно неизвѣстнымъ, въ чемъ именно онъ полагалъ неравенство мѣны; неравенства количества мѣняемыхъ предметовъ, о которомъ онъ упоминаетъ, онъ не могъ серьезно имѣть при этомъ въ виду потому, что тогда онъ долженъ бы былъ предпочесть торговлю суровьемъ другимъ родамъ мѣны; неравенства цѣнъ также онъ не могъ понимать при этомъ такъ, какъ ея не бываетъ при добровольной сдѣлкѣ; ибо торговля тогда обратилась бы въ грабежъ одного другимъ.

Такъ, какъ однимъ изъ средствъ держать выгодный торговый балансъ меркантилизмъ считаетъ запрещенiе вывоза денегъ, то и Беллони не могъ не упомянуть объ этомъ. Онъ называетъ его *прекраснымъ обычаемъ*, освященнымъ закономъ; „желательно, — говоритъ онъ, — чтобъ этотъ обычай *всегда* наблюдался;“ и самъ тутъже замѣчаетъ, что „никакiе законы въ мiрѣ *не въ состоянiи этого сдѣлать* сами по себѣ, если только не примутъ другихъ предосторожностей“ (IV. 4): „самая лучшая изъ нихъ — наблюдать *равновѣсiе* въ торговлѣ;“ (5). Значенiе этого равновѣсiя и нелогичность его требованiй мы имѣли случай указать выше. Здѣсь замѣтимъ только, что наблюдать это равновѣсiе, какое бы мы искусственное понятiе ни составили о немъ, ничѣмъ не легче прямаго удержанiя драгоцѣннаго металла въ государствѣ.

На внутреннюю торговлю, какъ меркантилистъ, онъ обращаетъ вниманiе только для того, чтобы объяснить размѣнъ (cambia), который по его мнѣнiю показываетъ состоянiе ея въ извѣстномъ государствѣ относительно къ другому.

Произволъ власти онъ признаетъ умѣстнымъ даже при опредѣленіи отношенія между металлами; такъ — полагая, что отношеніе между золотомъ и серебромъ въ его время было не нормально, онъ совѣтуетъ мало по малу понизить его, т. е. возвратить къ прежнему, и тутъ же утверждаетъ, что »оно *не должно бы быть* никогда измѣняемо.« (IV, 2). Но скоро опять забывая то, что сказалъ недавно, онъ говоритъ, что« это отношеніе *должно быть* установлено по образцу (т. е. сообразно курсу у) сосѣдей,« (IV 12) слѣд. признаетъ необходимость его измѣненія; а послѣ опять говоритъ, что онъ не зависитъ отъ общественной власти, потому что хотя «неоспоримо, что она — владыка всего, что̀ касается монеты, и можетъ дать ей вѣсъ, названіе и *цѣнность*, какую ей угодно, но не можетъ назначать цѣну товарамъ,« (13) а слѣдовательно и не управляетъ размѣномъ.

Въ этомъ хаосѣ другъ другу противорѣчащихъ мнѣній мы едва можемъ уловить его основную мысль. Она заключается въ томъ, что власть имѣетъ обязанностію непосредственно участвовать въ опредѣленіи цѣнности монеты, но при этомъ должна руководствоваться различными соображеніями и преимущественно тѣмъ, что цѣнность монеты находится въ извѣстномъ отношеніи къ цѣнности другихъ товаровъ, а потому отъ нихъ зависима; слѣд. тѣмъ самымъ состоитъ подъ вліяніемъ всѣхъ гражданъ. Мысль эта сама по себѣ не заключаетъ ничего ложнаго, но теряетъ много въ изложеніи автора.

Его прибавленія, составляя приложеніе выше изложенныхъ началъ къ практикѣ, ни чѣмъ не выше самаго разсужденія и въ выраженіяхъ равно расходятся съ логикой, а иногда и съ принятыми имъ самимъ началами; такъ напр. онъ вооружается противъ измѣненія правительствомъ внѣшней цѣнности монеты (3), противъ пассивной торговли (5), въ слѣдствіе перевѣса которой происходитъ »*ужасное несчастіе*«— именно: будетъ въ оборотѣ только одинъ металлъ въ странѣ (7)!—несчастіе это намъ трудно понять. Беллони между прочимъ даетъ совѣтъ привлекать къ себѣ иностранныхъ покупщиковъ сбавкою вывозной пошлины (15), не сознавая того, что запросъ происходитъ не по желанію продавца, а по развитію и настоятельности извѣстныхъ потребностей въ покупателѣ.

Принявъ за неоспоримую истину, что чѣмъ болѣе населенія, тѣмъ болѣе дохода въ странѣ (хотя послѣдній зависитъ не отъ населенія, а отъ капитала въ обширномъ смыслѣ этого слова) онъ вмѣняетъ въ обязанность правительству — заботу о дешевизнѣ жизни — посредствомъ заведенія фабрикъ и назначенія особыхъ надзирателей надъ производствомъ (16). Какъ этимъ сред-

ствомъ можно достигнуть удешевленія предметовъ потребленія, для насъ остается совершенно непонятнымъ, особливо *какимъ образомъ* этому можетъ содѣйствовать послѣдняя мѣра именно: назначеніе фабричныхъ надзирателей. Мы имѣемъ напротивъ основаніе полагать совершенно противное: caeteris paribus — заведеніе фабрикъ въ странѣ поднимаетъ цѣну на суровье и жизненные припасы; слѣд. напротивъ дѣлаетъ жизнь *болѣе дорогою*, а надзиратели, увеличивая собою классъ матеріально-непроизводящій, еще болѣе поднимаютъ цѣны произведеній, усиливая запросъ на нихъ и не содѣйствуя ихъ наращенію.

Безпошлинный ввозъ суровья онъ полагаетъ дѣломъ очень полезнымъ, (20) но думаетъ, что чрезвычайно вредно позволять ввозъ иностранныхъ фабрикатовъ (22); сіе послѣдніе — по его мнѣнію нужно совершенно запретить (24).

Всѣ эти положенія выражены у него догматически. Постоянная цѣль, которую онъ имѣетъ въ виду, увеличеніе массы денегъ въ странѣ — впрочемъ объясняетъ намъ основаніе этихъ положеній, падающихъ вмѣстѣ съ опроверженіемъ необходимости перваго.

Самымъ важнымъ условіемъ для благосостоянія онъ почитаетъ *легкость денежнаго оборота* въ государствѣ (23), связь его съ оборотомъ товаровъ и зависимость отъ послѣдняго — ускользаетъ отъ его вниманія. Заботу о легкости этого оборота онъ возлагаетъ на правительство. Въ этомъ послѣднемъ положеніи онъ ясно говоритъ въ интересѣ своего занятія, такъ какъ для банкира дѣйствительно — это составляетъ одно изъ необходимыхъ условій успѣха.

Кромѣ того онъ совѣтуетъ — въ противность тогда господствовавшему финансовому обычаю отдаванія на откупъ цѣлой отрасли государственныхъ доходовъ — предоставлять частнымъ лицамъ одни мелкіе сборы; наконецъ — для обсужденія экономическихъ вопросовъ учредить совѣтъ изъ дворянъ, юристовъ, *банкировъ* и консуловъ.

Таково содержаніе сочиненія Беллони. Мы не встрѣтили въ немъ ни свѣжей мысли, ни свѣтлаго взгляда. Прочитавъ его, не знаешь, чему больше удивляться, сбивчивости ли понятій въ немъ, или легкомыслію современной ему публики, съ восторгомъ привѣтствовавшей появленіе такого сочиненія?

Къ чести Италіи нужно впрочемъ сказать, что, хотя мнѣнія, подобныя тѣмъ, которыя встрѣчаются у Беллони, и были господствующими, но не всѣ понимали ихъ такъ односторонне, какъ онъ: въ одно почти время съ сочиненіемъ его (1743) изданы въ Неа-

полѣ сочиненія *Ант. Броджя* подъ заглавіемъ: *Trattato de'tributi. 8.* и *Trattato delle monete considerate ne'rapporti di legitima riduzione di circulazione e di deposito. 2 vol. 8.* Они отличаются образцовымъ изложеніемъ и многими мыслями, обнаруживающими истинный талантъ въ сочинителѣ. Въ особенности важно въ исторіи науки первое сочиненіе. Почитая земледѣліе, промышленность и торговлю—средствами для обогащенія государства, и не забывая двумъ послѣднимъ дать преимущество передъ первымъ, онъ изъявляетъ въ слѣдствіе того желаніе видѣть *торговлю свободною.* Эту свободу торговли не должно принимать въ такомъ значеніи, въ какомъ мы привыкли принимать ее теперь. Подъ именемъ ея онъ разумѣетъ только предоставленіе торговцамъ права выбирать безпрепятственно родъ занятій и употреблять такіе пріемы въ производствѣ, какіе они почтутъ наиболѣе выгодными для себя. — Что же касается до свободы торговли въ современномъ значеніи этого слова, то онъ отвергаетъ ея пользу, и о запрещеніи иностранныхъ мануфактурныхъ издѣлій выражается такъ: »добро необходимо имѣетъ и добрыя слѣдствія, и такъ какъ запрещеніе произведеній иностранныхъ фабрикъ — безспорно есть благо, то его не должно никогда упускать изъ виду.« — Здѣсь онъ принимаетъ за доказанное то, что ему еще слѣдовало доказать, и лишаетъ тѣмъ всякой цѣны свое положеніе въ глазахъ безпристрастнаго изслѣдователя.

Подобныхъ мѣстъ мы впрочемъ встрѣчаемъ у Броджя мало; напротивъ большая часть его мнѣній — хорошо обдуманы, выражены отчетливо и достойны полнаго уваженія. Такъ онъ принимаетъ сторону бѣдныхъ поселянъ и старается доказать, что прямая выгода общественной власти — принять ихъ подъ свою защиту.

Но наиболѣе достоинствъ представляютъ намъ его мнѣнія *о податяхъ:* 1) Первымъ и главнымъ условіемъ достоинства подати онъ полагаетъ ея *опредѣленность* въ отношеніи къ предмету, на который она падаетъ. Десятина по этому въ его мнѣніи есть самая пропорціональная, самая производительная и самая политическая подать. Въ этомъ положеніи его мы можемъ замѣтить какъ бы предчувствіе физіократизма; что это не было случайнымъ явленіемъ, а мнѣніемъ, имѣвшимъ уже корни въ Италіи, на это указываетъ намъ современное сочиненіе Бандини (см. ниже). Признавая цѣлесообразность десятиннаго сбора, онъ нападаетъ въ особенности на два вида подати, именно: налогъ на предметы движимые и подать на лицо, хотя и неуказываетъ способовъ, которыми бы можно было замѣнить ихъ; потому что десятина ни въ какомъ случаѣ не можетъ вполнѣ покрыть расходовъ государственныхъ. Мѣсто, въ которомъ онъ предлагаетъ основаніе

для своего мнѣнія о личной и непрямыхъ податяхъ заслуживаетъ нашего вниманія кромѣ того въ теоретическомъ отношеніи. »Нужно, говоритъ онъ, — признать, что какъ *промышленность* естественно есть главный *источникъ* могущества и счастія государствъ, то не нужно трогать его, чтобы онъ не изсякъ.« — Изъ этого мѣста мы видимъ, что онъ не былъ далекъ отъ открытія истиннаго источника богатства,—отъ *труда*, такъ какъ промышленность есть одно изъ его проявленій. (Впрочемъ по смыслу слѣдующаго положенія его и его похвалы десятинѣ мы имѣемъ право заключать, что подъ именемъ промышленности онъ разумѣлъ только одинъ видъ ея — именно промышленность мануфактурную).

2) Въ случаѣ крайней нужды онъ совѣтуетъ прибѣгать къ увеличенію поземельной подати. Къ несчастію онъ не сообразилъ, что этому увеличенію есть предѣлы, означаемые успѣхами земледѣлія и дѣлающіе ее относительно очень мало доходною.

3) Непрямую подать, какъ напр. сборъ соляный, таможенный и т. п. онъ признаетъ однимъ изъ лучшихъ родовъ налога, на томъ основаніи, что она а) произвольна, ибо каждый можетъ вносить ее столько, сколько хочетъ, б) пропорціональна потребленію, в) слѣдуетъ колебанію цѣнъ на произведенія, г) не требуетъ для своей уплаты ни предусмотрительности, ни сбереженія. Со всѣми этими причинами нельзя не согласиться; ошибка его состоитъ только въ томъ, что онъ безъ оговорки помѣстилъ соляный сборъ въ эту категорію, тогда какъ безъ сомнѣнія сборъ этотъ принадлежитъ къ непроизвольнымъ, какъ и потребленіе всѣхъ первыхъ жизненныхъ припасовъ, зависящее отъ физической природы лица, отъ его организма.

4) Объ откупахъ и монополіяхъ онъ отзывается очень невыгодно, безусловно вооружаясь противъ нихъ, но наиболѣе вреда по его мнѣнію приноситъ откупная система при таможенномъ сборѣ. Сборъ этотъ при ней не можетъ быть особенно доходнымъ, ибо для доходности онъ долженъ быть очень умѣренъ.

Въ связи съ цѣлой системой его ученія находится и его сужденіе о вольныхъ пристаняхъ (порто-франко),— которыя онѣ почитаетъ учрежденіемъ вреднымъ для государства, потому что онѣ будто бы а) уменьшаютъ доходы государства, б) слишкомъ поощряютъ потребленіе чужихъ произведеній, в) вредятъ туземной промышленности, усиливая и развивая контрабанду г), и вмѣсто самостоятельной торговли живутъ заимствованною, необходимо обращаясь въ факторіи иностранцевъ. — Изъ всѣхъ этихъ замѣчаній справедливо только послѣднее; но оно не заключаетъ въ себѣ ничего предосудительнаго такъ, какъ эти факторіи основываются на мѣстахъ, обыкновенно неимѣвшихъ и прежде ни-

какой самобытной промышленной дѣятельности. Что касается до первыхъ трехъ замѣчаній, то в) зависитъ отъ строгости надзора, б) не заключаетъ въ себѣ ничего вреднаго, такъ какъ потребленіе чужихъ произведеній способствуетъ развитію потребностей въ народѣ и тѣмъ содѣйствуетъ успѣхамъ народнаго труда, вызывая его къ свойственной ему дѣятельности, а *а*) совершенно ложно и противорѣчитъ статистическимъ даннымъ. — Въ народномъ соперничествѣ, инстиктивно отвергающемъ всякую дружелюбную связь съ иностранцами, соперничествѣ, выразившемся и въ сужденіяхъ о запрещеніяхъ вообще, мы должны искать источника этому положенію Броджя: въ выборѣ доводовъ умъ его руководствовался страстію.

Меркантильная теорія благосостоянія не сдѣлала у Броджя большихъ успѣховъ, но замѣчательны однако два пункта его ученія, проливающіе свѣтъ на главное ученіе: во 1-хъ онъ совѣтуетъ правительствамъ держать *въ запасъ* наличныя металлическія деньги, во 2-хъ устроивать хлѣбные магазины для предупрежденія голода въ странѣ. Первый совѣтъ его — оправдываетъ мнѣніе наше о значеніи меркантилизма, высказанное нами выше (стр. 25). Вторый — показываетъ намъ заботливость меркантилизма о народѣ и его правильномъ, ровномъ пропитаніи *.

Послѣднимъ представителемъ меркантилизма въ Италіи можно считать Графа *Джянъ-Ринальдо Карли* (1720 — 95), хотя система мнѣній его во многомъ расходится съ тѣми, которыя мы изложили выше. Въ ней представленіе о богатствѣ и его явленіяхъ гораздо правильнѣе и яснѣе. Ознакомиться съ нею

---

*. Броджя оставилъ также трактатъ о монетахъ. Онъ ниже разобраннаго нами, хотя и не имѣетъ ошибокъ слишкомъ рѣзкихъ. Самая замѣчательная мысль въ немъ та, что онъ причину процвѣтанія общества признаетъ не въ движеніи (оборотѣ) денегъ, какъ это думалъ Беллони, а въ оборотѣ товаровъ.

Кромѣ этого есть его статьи: 1) о роскоши или злоупотребленіи богатства; 2) о попеченіи объ торговлѣ, въ которомъ по его мнѣнію состоитъ истинное хорошее управленіе, 3) о выгодномъ вліяніи свободы американской торговли на Испанію, 4) о способѣ устроить банкъ просто и прочно, 5) объ исправленіи таможень и пошлинной системы въ Неаполѣ. Наконецъ Броджя оставилъ: *trattato politico della sanità*, написанный по случаю появленія заразительной болѣзни въ Мессинѣ. Въ немъ онъ требуетъ, чтобы правительство поболѣе заботилось о здоровьи жителей.

мы лучше всего можемъ изъ его примѣчаній на meditazioni sull' econ. pol. Верри (см. ниже), въ которыхъ онъ касается почти всѣхъ главныхъ теоретическихъ положеній науки, и потому они особенно важны для насъ. Мнѣнія Верри большею частію кажутся ему недостаточно обдуманными и слишкомъ односторонними; но эти недостатки сравнительно мы имѣемъ право скорѣе приписать ему, не смотря на то, что онъ чрезвычайно ловко умѣетъ давать видъ вѣроятности самымъ нелогическимъ положеніямъ.

При произведеніи онъ отличаетъ два рода ремеслъ: ремесла *искусственныя*, имѣющія предметомъ роскоши удобства (къ нимъ относится вся фабричная дѣятельность) и ремесла, имѣющія предметомъ обработку *произведеній*, служащихъ *для нашего пропитанія*, къ которымъ относится хлѣбопеченіе. Запросъ на первыя — по его мнѣнію — можетъ быть ограниченъ во всякое время по желанію потребителей, отъ котораго онъ зависитъ, запросъ на послѣднія объусловливается самою ихъ природою и не подверженъ *никакому* произвольному ограниченію. Это раздѣленіе ремеслъ и свойства различныхъ родовъ ихъ *неполно*, недавая мѣста занятіямъ невещественнымъ, и *ошибочно* въ томъ отношеніи, что элементъ искусственности, будучи необходимо выраженіемъ каждаго рода труда, не можетъ составлять отличительнаго свойства какого нибудь ремесла въ особенности; онъ измѣняется только смотря по различію *способа* производства, а не по самому производству. Такъ напр. хлѣбопеченіе въ видѣ кондитерскаго искусства удовлетворяетъ требованіямъ роскоши, хотя и имѣетъ предметомъ пропитаніе, и напротивъ постройка землянки, выдѣлка кожи для одеждъ и т. п., не имѣя въ виду нашего пропитанія, не могутъ быть однако отнесены къ разряду ремеслъ искусственныхъ, такъ какъ они вызваны единственно нуждою, *необходимостію* — сохранить жизнь отъ разрушительныхъ вліяній природы. Что касается до участія воли въ измѣненіи объема запроса при обоихъ родахъ ремеслъ, то Карли также несовершенно правъ: если онъ подъ именемъ желанія разумѣлъ нѣчто вполнѣ добровольное — *охоту*, то предполагать ее участвующею въ стѣсненіи запроса, потребленія, при существованіи потребностей — значитъ незнать природы послѣднихъ и ихъ связи съ потребленіемъ; если же подъ именемъ запроса онъ разумѣлъ рѣшеніе, *вынужденное* обстоятельствами, то такое желаніе можетъ являться и въ запросѣ на жизненные припасы: бѣднякъ — Ирландецъ отказывается такимъ образомъ отъ хлѣба, и умирающій съ голода — отъ всего съѣстнаго; экономическое слѣдствіе — уменьшеніе запроса можетъ слѣдовательно равно существовать въ отношеніи ко *всѣмъ* плодамъ труда.

Оттого, что онъ не созналъ этой послѣдней истины, у него открывается какая-то двойственность слѣдствій экономическихъ законовъ, невозможная на самомъ дѣлѣ. Недостатокъ этотъ мы можемъ замѣтить въ его положеніи, что высокія цѣны на товаръ невольно влекутъ за собою ограниченіе потребленія—этой конечной цѣли всякаго оборота—*тамъ, гдѣ оно возможно*. Слѣд. мы можемъ заключить, что онъ предполагалъ случаи, въ которыхъ повышеніе цѣны товара не производитъ такого дѣйствія на сбытъ. Практика напротивъ показываетъ, что это можетъ быть только тогда, когда—пропорціонально повышенію цѣнъ— увеличивается относительный достатокъ потребителей *безъ увеличенія* ихъ *потребностей*: случай — чрезвычайно рѣдкій и все таки *общій* всѣмъ родамъ производства, всѣмъ товарамъ. Внѣ такого положенія потребленіе *необходимо* объусловливается высотою цѣны на предметъ.

Что касается до *теоріи цѣны*, то она въ главныхъ чертахъ изложена у него довольно удовлетворительно. Онъ признаетъ зависимость ея отъ соперничества, въ которомъ онъ отличаетъ два рода: одно, зависящее отъ массы произведенія и потребности въ немъ, — слѣд. чисто *идеальное;* другое, происходящее въ дѣйствительности въ слѣдствіе вмѣшательства посредствующихъ торговцевъ. Противъ этого послѣдняго соперничества онъ вооружается и выражаетъ желаніе, чтобы оно было уничтожено; эта мысль, встрѣчаемая и въ наше время,—какъ видно—далеко не нова.—Изъ этихъ двухъ родовъ соперничества наше вниманіе заслуживаетъ только первый, составляющій истинную основу конкретнаго соперничества; что касается до послѣдняго, то Карли не замѣтилъ, что классъ посредствующій — торговцы не имѣютъ *никакого* вліянія на ходъ соперничества: они не опредѣляютъ и не могутъ опредѣлять ни запроса, ни предложенія; они производятъ въ дѣйствительности только уравновѣшиваніе перваго съ послѣднимъ; польза ихъ слѣдовательно неоспорима. Общество не можетъ быть представлено безъ такихъ посредствующихъ занятій, хотя, разумѣется, послѣднія и могутъ принимать многоразличныя видоизмѣненія, не касающіяся сущности вопроса. Различіе же между идеальнымъ и дѣйствительнымъ соперничествомъ проистекаетъ изъ отношенія частныхъ имуществъ къ потребностямъ, и дѣйствительное соперничество — слѣдуетъ безъусловно этому отношенію, т. е. оно въ данномъ случаѣ = *потребности: Средства.*

Въ экономической практикѣ Карли является противникомъ физіократовъ и сторонникомъ всѣхъ меркантильныхъ мѣръ, а въ томъ числѣ и торговаго баланса, понимаемаго имъ впрочемъ шире, нежели другими меркантилистами.

Противъ физіократовъ онъ возстаетъ въ своемъ сочиненіи *del libero commercio de'grani*, написанномъ 1771 г. въ видѣ письма Помп. Нери. Не касаясь ихъ теоріи, онъ беретъ только одинъ вопросъ ихъ ученія, именно: *хлѣбную торговлю.* Онъ отрицалъ ей въ высокомъ значеніи, придаваемомъ ей школою, и признавалъ ее только вопросомъ государственнаго управленія. Этимъ онъ во всякомъ случаѣ не устранилъ вопроса, ибо даже при такомъ значеніи вліяніе ея на своеобразное развитіе народа могло и должно существовать. Вообще въ своихъ возраженіяхъ Карли чрезвычайно опрометчивъ и неточенъ. Эти недостатки его отчасти представляются и въ слѣдующемъ мѣстѣ, направленномъ противъ школы, ратоборствовавшей за производителей. »Одинъ классъ людей—говоритъ онъ—не можетъ составить націи. Страна, полная философовъ и литераторовъ, погибла бы отъ голода. Страна, населенная только работниками и купцами, не имѣя для кого работать и кому продавать, не просуществовала бы долго. Страна, въ которой были бы только богатые, благородные и помѣщики, сдѣлалась бы страною рабовъ (?) и впала бы въ анархію; и страна, гдѣ былъ бы только *народъ* (?), непремѣнно сдѣлалась бы бѣдною, жалкою и безполезною, если бы не была опасною для какой бы то ни было власти. Истинный политикъ долженъ имѣть въ виду всѣхъ и никогда не забывать, что, если одна часть общества оставлена безъ вниманія или угнѣтена, то рано или поздно — все общество должно почувствовать слѣдствія этого, какъ разительной болѣзни.«

Взглядъ Карли на торговый балансъ заключается въ его *breve raggionamento sopra i bilanci economici delle nazioni.* Признавая важность и практическое значеніе торговаго баланса, Карли видитъ недостаточность для оцѣнки его того способа, который употребляли другіе меркантилисты. Они обыкновенно брали для своихъ выводовъ сумму взаимныхъ сношеній между *двумя* государствами въ формѣ ввоза и вывоза, и изъ сравненія цѣнности послѣднихъ заключали, выгодна ли была или убыточна торговля. Карли противъ этого замѣчаетъ, что убыточность торговли съ однимъ государствомъ можетъ быть вознаграждена выгодною мѣною съ другимъ, и что слѣдовательно для вѣрнаго обсужденія торговли— нужно принимать во вниманіе торговлю со *всѣми* государствами. Мы видимъ изъ этого, что, не смотря на свое разногласіе съ другими писателями, онъ все еще держится на меркантильной почвѣ, допуская *возможность потери* съ какой-либо изъ торгующихъ сторонъ при добровольной сдѣлкѣ. Къ возраженію вызвало его вѣроятно то, что онъ видѣлъ пользу торговли по меркантильной теоріи даже и вредной; но—возражая, онъ остановился какъ бы на полу-пути; отъ этого онъ даже менѣе логиченъ, нежели другіе меркантилисты: послѣдніе, принимая возможность

убыточной международной торговли, старались ее или прекратить, или обратить въ свою пользу; Карли также принимаетъ эту возможность, но не дѣлаетъ ни одного шага для ея уничтоженія. Если бы даже убытокъ и былъ вознаграждаемъ изъ другаго источника, то все таки, какъ убытокъ, — онъ долженъ бы былъ возбудить противодѣйствіе.

Въ практическихъ совѣтахъ Карли отражается меркантилизмъ очень рѣзко: такъ онъ признаетъ полезнымъ для благосостоянія назначеніе таксы на хлѣбъ и т. п. *.

Карли составляетъ послѣднее, блѣдное выраженіе меркантильнаго ученія. Подрываемое болѣе глубокимъ изученіемъ природы богатства въ теоріи, и теряя съ каждымъ днемъ опору въ измѣняющихся потребностяхъ вѣка, оно быстро клонилось къ упадку. Мѣсто его занялъ въ практикѣ *протекціонизмъ*.

ПРОТЕКЦІОНИСТЫ.

Подъ именемъ *Протекціонизма* мы разумѣемъ не одну какую-нибудь опредѣленную систему ученія, а различные теоретическіе взгляды на предметы политико-экономическіе, согласные между собою только въ окончательномъ практическомъ заключе-

* Кромѣ упомянутыхъ сочиненій — Карли написалъ *Osservazioni preventive al piano intorno delle monete di Milano*, *1766*. и *Dell'origine e del commercio della moneta*, *3 vol. 1734-7, 60. Venezia, Pisa, Lucca,* in octavo — сочиненіе классическое. Въ немъ онъ, говоря о цѣнности и отношеніи между деньгами и жизненными припасами въ Италіи до открытія Индій сравнительно съ цѣнностію ихъ и отношеніемъ между ними въ наше время, доказываетъ, что до открытія Индій деньги въ Италіи были и въ большемъ количествѣ и дешевле, чѣмъ въ его время: — фактъ, очень важный въ историческомъ отношеніи, и который является очень вѣроятнымъ въ его изложеніи. — Экономическій характеръ носитъ также его сочиненіе *Relazione del censimento dello stato di Milano* 1776, при которомъ онъ былъ главнымъ дѣятелемъ.

нія. Это заключеніе и составляетъ главную отличительную черту протекціонизма. Оно состоитъ въ томъ, что для процвѣтанія народной промышленности—полагаютъ нужною *защиту* отъ иноземнаго соперничества, которую они несправедливо называютъ *покровительствомъ* (protectio).

Отъ меркантилизма протекціонизмъ отличается 1) *по цѣли*, которую онъ имѣетъ въ виду, 2) *по средствамъ*, которыя онъ полагаетъ достаточными для достиженія этой цѣли. Меркантилизмъ имѣлъ въ виду обогащеніе государства, т. е. возможно-большее накопленіе въ немъ драгоцѣнныхъ металловъ: процвѣтаніе промышленности онъ почиталъ важнымъ только, какъ путь, которымъ накопленіе можетъ быть произведено; протекціонизмъ—это процвѣтаніе промышленности почитаетъ выраженіемъ *народнаго* благосостоянія, которое онъ и имѣетъ исключительно въ виду; меркантилизмъ для достиженія своей цѣли прибѣгалъ къ принудительнымъ мѣрамъ, запрещеніямъ, монополіямъ и т. п., онъ желалъ прочности и твердости внутреннихъ учрежденій, на которыя смотрѣлъ какъ на единственное средство правильно вести производство; протекціонизмъ — отвергалъ пользу всѣхъ такихъ средствъ и, пренебрегая внутреннею организаціею, для развитія промышленности — считалъ достаточнымъ — предохранять ее отъ иноземнаго соперничества, слѣд. допускалъ монополію, но отдавалъ ее въ руки случая.

Протекціонизмъ есть явленіе, вытекшее изъ историческаго хода вещей, какъ и предшествовавшее ему ученіе: онъ явился тогда, когда капиталъ въ западной Европѣ пріобрѣлъ достаточную силу притяженія, и не требовалъ болѣе вмѣшательства внѣшней власти для подчиненія себѣ труда, когда слѣд. внутренняя организація труда въ государствѣ перестала быть въ интересахъ владѣнія: изобиліе рукъ было главною тому причиною; но въ то же самое время — международная борьба, завѣщанная вѣковыми предразсудками, продолжалась и — сходныя потребности вызывали необходимость сходныхъ мѣръ. Вотъ естественная причина порожденія протекціонизма въ практикѣ: снисходительность мѣръ его касательно внѣшнихъ торговыхъ сношеній, объясняется бо́льшимъ сближеніемъ между народами по ихъ потребностямъ и по ихъ потребленію, и большею общностью интересовъ сравнительно съ прежнимъ временемъ.

Научное основаніе протекціонизма лежало въ желаніи *примирить* борющіяся положительное и отрицательное начала. Примиреніе это первымъ писателямъ казалось очень легкимъ, посредствомъ заимствованія изъ каждаго лучшей стороны: они являются эклектиками. Такъ — мы встрѣтимъ теорію цѣнностей, правильно изложенную, обокъ положеній, неимѣющихъ съ нею ни-

какой связи, и заимствованныхъ изъ меркантилизма. Разумѣется, трудно было ожидать отчетливости при такомъ изложеніи, и дѣйствительно мы ее встрѣчаемъ рѣдко во всемъ ученіи.

И такъ — теорія у протекціонистовъ не составляетъ ничего самобытнаго; ихъ практика имѣетъ также свой корень индѣ, именно въ меркантилизмѣ, изъ котораго они заимствовали *одну* сторону, которую—они полагали—можно было удержать при новомъ порядкѣ вещей. Если мы сравнимъ эту сторону съ цѣлою—странною, но вмѣстѣ полною силы, доктриною меркантилистовъ,—если съ другой стороны мы обратимъ вниманіе на свѣтъ, пролитый въ области экономіи — господствующею теоріею цѣнностей, то протекціонизмъ явится намъ въ довольно жалкомъ видѣ и его мы можемъ назвать — *тѣнью убѣгающаго меркантилизма*: въ немъ нѣтъ ничего жизненнаго, ничего самостоятельнаго. Практичность, которою славятся протекціонисты и которою они гордятся, не имѣетъ значенія въ чистой наукѣ, которая должна быть по преимуществу теоріей: практичность должна существовать на дѣлѣ, но оторванная отъ него теряетъ смыслъ. Отъ этого руководимыя ею протективныя ученія представляютъ намъ нѣчто чудовищное.

Произнося такой нѣсколько строгій приговоръ надъ протекціонизмомъ, мы впрочемъ не вмѣняемъ одного и того же всѣмъ писателямъ, принадлежащимъ къ этому направленію. Нѣкоторые изъ нихъ (въ чемъ мы будемъ имѣть случай убѣдиться) самостоятельно развили многія понятія; но эти понятія, составляя общее достояніе науки, не принадлежатъ исключительно протекціонизму, какъ школѣ: успѣхи въ развитіи ихъ не содѣйствовали движенію его, котораго у него и не было. Поэтому напр. признавая въ теоріи логичность, возможность и пользу международной свободной торговли, — протекціонисты все таки остаются усердными защитниками протективнаго ученія и сторонниками стѣснительныхъ мѣръ. Успѣхи въ теоріи и практикѣ у нихъ не шли вмѣстѣ: каждая держитъ свой путь и приходитъ къ своимъ—особымъ результатамъ.

Италіанскіе писатели этого направленія именно — главные изъ нихъ: *Дженовези* * и *Верри*, безспорно принадлежатъ къ замѣчательнымъ явленіямъ въ литературѣ Политической Эко-

---

* Аббатъ *Дженовези* былъ первымъ преподавателемъ Политической Экономіи въ Италіи. (Для него въ Неаполѣ основана была Бартоломео Интьери каѳедра торговли и механики 1755 г.). Сочиненіе его носитъ заглавіе: *Lezioni di commercio ossia d'economia civile* (2-da ediz. 1678. Nap. Milano. 1769. Нѣмецкій переводъ Вицманна, Lpzg. 1779) *2 vol. 8.*

номіи и стоятъ выше послѣдущихъ протекціонистовъ въ другихъ странахъ. Правда, и у нихъ представляется таже несообразность теоріи съ практическимъ выводомъ, но они выручаютъ ее добросовѣстностію и систематичностію выработки первой. Сочиненіе Дженовези особенно отличается изящнымъ и увлекательнымъ изложеніемъ. Въ немъ мы видимъ огромную ученость, соединенную съ свѣтлымъ и наблюдательнымъ умомъ, благородною любовію къ отечеству и глубокимъ сочувствіемъ къ страждущему человѣчеству.—Изъ множества цитатъ, встрѣчаемыхъ у него, мы можемъ видѣть, что онъ былъ коротко знакомъ съ англійскими и французскими экономическими писателями, которыхъ мнѣній онъ впрочемъ не принималъ безъ предварительнаго критическаго разбора.— Въ практическихъ предложеніяхъ и планахъ его замѣтно вліяніе меркантилизма въ томъ видѣ, какой былъ усвоенъ государственною политикою Англіи, представлявшейся Дженовези осуществленіемъ идеала экономическаго устройства.

Для лучшаго уразумѣнія ученаго значенія Дженовези, мы разберемъ въ частности его мнѣнія въ порядкѣ, какой предписываетъ намъ современное состояніе научной системы, т. е. изложимъ— сперва его понятіе о нашей наукѣ вообще, потомъ— мнѣнія его объ цѣнности и источникахъ богатства, при чемъ коснемся взгляда его на различные виды производства и денегъ, далѣе—представимъ мысли его о народномъ благосостояніи и экономическомъ значеніи частнаго достатка, и наконецъ — правила его для государственной экономической политики, въ которыхъ отличимъ степень вліянія меркантилизма.

Политическая Экономія, по самому смыслу направленія, къ которому принадлежитъ Дженовези, у него не была наукою о богатствѣ, а практическою *наукою* о народномъ *благосостояніи*. *Цѣль* ея онъ опредѣляетъ такъ: она должна заботиться: 1) объ увеличеніи народонаселенія, 2) объ увеличеніи средствъ его пропитанія, 3) о его естественномъ и гражданскомъ счастіи и славѣ правительства. При каждомъ изъ этихъ пунктовъ онъ имѣетъ въ виду общество въ его коллективномъ значеніи, и объ отдѣльныхъ лицахъ говоритъ мало и рѣдко, вѣроятно полагая, что при извѣстныхъ государственныхъ мѣрахъ частныя лица необходимо будутъ пользоваться своею долею благосостоянія, что впрочемъ несовершенно согласно съ практикою. Изъ такихъ государственныхъ мѣръ — одною изъ самыхъ важныхъ онъ считаетъ свободу сношеній. По этому понятію о предметѣ Политической Экономіи въ кругъ его изложенія не могло входить подробное изслѣдованіе различныхъ фазисовъ богатства — его физіологія, а потому поверхностность его взгляда въ этомъ предметѣ не должна быть ставима въ вину ему.

Цѣнности онъ нигдѣ положительно не отличаетъ отъ цѣны, но понимаетъ ея явленія гораздо лучше, нежели его современники. Причину этого мы должны искать въ томъ, что онъ построилъ понятіе о ней на развитіи понятія о потребностяхъ, безъ которыхъ совершенно невозможно существованіе самой цѣнности (II 3, 8, 18).

Единственное прямое средство для пріобрѣтенія богатства, а слѣдовательно его источникъ въ дѣйствительности, онъ видитъ въ *трудѣ* (II. 99) и высказываетъ при этомъ слѣдующую прекрасную мысль: »первыя понятія, которыя нужно бы внушать дѣтямъ всякаго званія, какъ городскимъ, такъ и сельскимъ — должны состоять въ томъ, что человѣкъ рожденъ для труда; что трудъ есть долгъ каждаго; что онъ не только необходимъ, но и полезенъ; что никто не трудясь не можетъ жить хорошо; что никто не безопасенъ ни касательно своего добра, ни касательно своей жизни въ той странѣ, гдѣ природа — требуетъ пищи, а обычай — не позволяетъ работать« (I, 163).

Какъ близокъ былъ Дженовези къ открытію истинной природы цѣнностей, это мы можемъ видѣть изъ представляемаго имъ различія пользы занятій. Эта польза по его мнѣнію можетъ быть *безъусловная* и *относительная* (I, 164.), раздѣленіе, подходящее къ справедливому раздѣленію *цѣнности*, представленному послѣдующей теоріей. Во II, 36 — онъ даже прямо говоритъ о томъ, что каждая вещь имѣетъ *внутреннюю стоимость* (valore intrinseco), вытекающую изъ потребностей.—Къ несчастію онъ не развилъ этихъ началъ и не привелъ ихъ въ связь съ другими научными положеніями. Отъ этого они не только лишены у него значенія, которое по своей важности они должны бы имѣть, но не могутъ предохранить его отъ ошибочнаго приговора надъ различными родами производства. Такъ онъ не признаетъ производительности ремеслъ обработывающихъ (arti amiglioratrici), которыя по его мнѣнію только видоизмѣняютъ *излишекъ* отъ земледѣлія; но ихъ важности онъ не отрицаетъ, и основываетъ ее на томъ, что а) они даютъ возможность *земледѣлію* производить *болѣе* и б) посредствомъ мѣны доставляютъ болѣе средствъ пропитанія изъ-за границы. Послѣднему онъ придаетъ особенное значеніе, соединяя такимъ образомъ меркантильныя и физіократическія понятія въ долѣ, приличной протекціонизму (II, 183 сл.). Ошибка этихъ доводовъ состоитъ въ томъ, что онъ, имѣя въ виду хлѣбное земледѣльческое производство, забылъ о другихъ его отрасляхъ и отношеніи его къ народонаселенію: ремесла хотя и вызываютъ увеличеніе земледѣльческаго производства, однако и потребляютъ произведенія его въ большей степени, и притомъ, увеличивая запросъ на трудъ, производятъ накопле-

ніе потребителей въ извѣстныхъ мѣстахъ, а тѣмъ возвышаютъ запросъ и на жизненные припасы.

Симпатія къ земледѣлію, проявляющаяся въ этомъ случаѣ, замѣтна также и въ другомъ мѣстѣ его сочиненія, именно—гдѣ онъ говоритъ объ историческомъ развитіи народнаго труда. Въ немъ онъ принимаетъ пять степеней: степень охоты, степень скотоводства, степень земледѣлія, степень металлургіи, самаго полезнаго—по его мнѣнію—изобрѣтенія (I, 145) и степень собственно-промышленности.—Земледѣліе при этомъ называетъ онъ il più ricco fondo per sostener un gran popolo e un gran commercio (I, 155). Ему отдаетъ онъ преимущество передъ ремеслами потому, что выгода отъ него не зависитъ отъ вкуса и промышленности другихъ народовъ (I, 189).

Это впрочемъ не мѣшаетъ ему правильно понимать важность *торговли*, составлявшую повидимому любимый предметъ его изслѣдованія. Онъ называетъ ее »духомъ—двигателемъ ума, промышленности и искусствъ: нѣжною владычицею всѣхъ силъ, производительницею богатства и величія политическаго тѣла.« (I. 343). Природу ея онъ изслѣдовалъ довольно отчетливо. Имъ ясно высказана та мысль, что въ торговыхъ сношеніяхъ не теряетъ ни одна сторона, или лучше—выигрываютъ обѣ (l'intensione di chi dà, è di ricever sempre l'eguale a quel che dà) *Ср.* I. 347. II. 136.

Между благодѣтельными слѣдствіями этого занятія онъ вмѣстѣ съ Монтескьё принимаетъ и духъ мира (I. 406). »Она дѣлаетъ народы болѣе спокойными, заставляетъ ихъ болѣе любить и наблюдать законы и порядокъ и почитать правительство.«

Но, уразумѣвъ общія свойства торговой промышленности, онъ не умѣлъ провести въ ней правильнаго дѣленія. Виды ея, приводимые имъ, суть только вычисленіе общеупотребительныхъ названій ея съ приличнымъ филологическимъ объясненіемъ. Такъ онъ именуетъ торговлю *активную* и *пассивную*, смотря потому, кто занимается перевозкою товаровъ; торговлю *необходимости*, если она ведется товарами, нужными для удобствъ жизни; торговлю *роскоши*, если ведется для обогащенія, торговлю *собственными товарами* (com. delle proprie robe), гдѣ вымѣнивается излишнее на необходимое (опредѣленіе, даваемое имъ и торговлѣ вообще) и наконецъ торговлю *экономическую* или перевозную (I, 355).

Понятіе *денегъ* »этой главной силы образованныхъ народовъ« какъ онъ называетъ ихъ (I, 213) * онъ выводитъ изъ по-

* Монету онъ опредѣляетъ такъ: „кусокъ металла опредѣленнаго вѣса и чистоты, извѣстнаго названія, имѣющій данную численную цѣнность,

нятія о мѣновомъ договорѣ. Даваемое съ одной стороны можетъ состоять въ вещи, съ другой—въ трудѣ; слѣд. ни мѣра, ни вѣсъ для обсуживанія взаимнаго равенства между предметами мѣны недостаточны, и нужно было прибѣгнуть къ иной единицѣ, которая могла бы представлять собою равно удобно *цѣнность* двухъ вещей, по проявленію своему совершенно различныхъ. Такую единицу и составляютъ *деньги* (II, 23, 4).

Признавая такимъ образомъ логическую необходимость ихъ появленія, онъ не увлекается до того, чтобы принять ихъ за единственное богатство. Напротивъ, онъ считаетъ такое мнѣніе вреднымъ и ложнымъ (II. 118.) и положительно оспариваетъ его (ibd. 107, 8), опираясь на историческія и статистическія данныя; изъ нихъ онъ выводитъ, что пріобрѣтеніе денегъ полезно *только* тогда, когда онѣ получаются чрезъ продажу земледѣльческихъ и фабричныхъ произведеній, т. е. чрезъ *торговлю*; добываніе же ихъ изъ рудниковъ скорѣе производитъ въ странѣ бѣдность, нежели ее обогащаетъ. Притомъ даже и пріобрѣтеніе ихъ торговлею полезно только до извѣстной степени и излишекъ въ количествѣ, чрезмѣрное накопленіе ихъ — онъ принимаетъ положительно вреднымъ въ слѣдствіе современной финансовой системы долговъ (II. 327 сл.). Гибельныя слѣдствія отъ нихъ онъ признаетъ также въ ихъ вліяніи на нравственность и понятія людей, и считаетъ ихъ причиною появленія ростовщиковъ, живущихъ на чужой счетъ (II. 118), какъ будто ростъ есть явленіе, исключительно принадлежащее области денежныхъ оборотовъ, и какъ будто ссуда не можетъ быть произведена въ видѣ другихъ произведеній? — Не смотря на такую выходку противъ ростовщиковъ, онъ однако соглашается съ положеніемъ Локка о нелѣпости *законовъ о ростѣ* (II. 249 сл.) *.

Вмѣшательство общественной власти въ опредѣленіе цѣнности денегъ онъ считаетъ вреднымъ такъ, какъ цѣнность ихъ опредѣляется сама собою (II, 50 сл.); съ чѣмъ нельзя не согласиться. Взглядъ его на упадокъ цѣны денегъ и на причину того также совершенно правиленъ (II, 15, 52 и др.)

Пользу денегъ онъ видитъ въ облегченіи торговли и промышленности и повторяетъ при этомъ слова Юма, что онѣ тоже

(valore), съ государственнымъ клеймомъ (pubblico impronto) для того, чтобъ ему служить орудіемъ мѣры цѣнности всякой вещи и всякаго труда, находящагося въ оборотѣ." (II. 42).

* Болѣе, нежели за полвѣка до Дженовези объ этомъ предметѣ (ростѣ) возникъ жаркій споръ, вызванный извѣстнымъ сочиненіемъ *Сц. Маффеи Impiego del danaro* — между нимъ и Доминиканцемъ *Кончиною* (Daniello Concina). Споръ этотъ прекращенъ былъ правительствомъ.

въ экономическомъ развитіи общества, что мазь для подмазыванія колесъ повозки.

»Деньги придаютъ скорость и быстроту трудамъ и мѣнамъ вещей; эта быстрота увеличиваетъ ихъ количество и сбытъ; увеличивающійся сбытъ усиливаетъ промышленность и искусства; сіи послѣднія въ свою очередь увеличиваютъ богатство въ государствѣ, а общее (?) богатство дѣлаетъ людей довольными, менѣе жестокими менѣе кровожадными и менѣе готовыми на нарушеніе общественнаго спокойствія.« (II, 120).

Въ слѣдствіе этого онъ принимаетъ количество денегъ въ государствѣ мѣрпломъ его *благосостоянія*, несправедливо полагая это количество всегда равнымъ другимъ его богатствамъ, такъ какъ ихъ обращеніе представляетъ обращеніе самихъ товаровъ (ibid. и сл.). *Для* послѣдняго необходимо *не равное ему количество* монеты, а *быстрота* ея обращенія, которая находится въ обратномъ отношеніи съ ея количествомъ. Далѣе самъ Дженовези признаетъ, что благосостояніе зависитъ не столько отъ ея количества, сколько отъ *равномѣрнаго распредѣленія.* (II, 123, 26).

Бумажныя деньги, основываясь на общественномъ кредитѣ *, »не увеличиваютъ непосредственно сами собою народнаго богатства, а способствуютъ этому увеличенію своими дѣйствіями, усиливая обороты и промышленность, откуда и раждаются истинныя богатства.« (II. 69). Мнѣніе это совершенно справедливо; но вмѣстѣ съ тѣмъ, обличаетъ ложность положенія, что благосостояніе зависитъ отъ количества металлическихъ денегъ.

Вообще онъ мало вникнулъ въ природу благосостоянія и коснулся его только въ общихъ чертахъ. Главнымъ условіемъ для него онъ считалъ *образованіе*, хотя занятія невещественныя и относитъ къ непроизводительнымъ, существующимъ на счетъ земледѣлія и требуетъ ограниченія ихъ числа. Эти занятія — по его мнѣнію — проявляются въ слѣдующихъ 6-ти классахъ народа: 1) войско, 2) гражданскіе чиновники, 3) медики и натуралисты, 4) духовные въ числѣ, опредѣляемомъ потребностію народа, 5) купцы, 6) землевладѣльцы. (I. 240 сл.).

Изъ всѣхъ наукъ онъ почитаетъ за самыя полезныя науки практическія и въ особенности механику (I. 173. 181.) **.

---

* *Кредитъ*, основанный на довѣріи, онъ считаетъ необходимымъ для торговли и приводитъ выраженіе Дютó: кредитъ — такой сильный и дѣйствительный рычагъ торговли, что безъ него она — одинъ трупъ (II. 72.). Ручательство кредита онъ признаетъ троякое: *дѣйствительное*, *личное* и *смѣшенное* (II. 73.). Дѣйствіе кредита онъ оцѣниваетъ очень здраво.

** Вообще Дженовези чрезвычайно заботится о *воспитаніи* и совѣтуетъ обучать даже дѣтей бродягъ, полагая одно только прокормленіе ихъ не-

Значеніе различныхъ степеней достатка въ отношеніи къ народному благосостоянію осталось у него безъ изслѣдованія. Изъ нихъ въ частности онъ говоритъ только объ одномъ проявленіи высокаго богатства, именно о *роскоши*, въ которой онъ отличаетъ *три* элемента: 1) двигающее начало (principio motore), 2) случай, вызывающій ее, и 3) орудіе, служащее для ея удовлетворенія. Смотря по различному проявленію этихъ трехъ моментовъ, онъ полагаетъ себя вправѣ хвалить или порицать ее. Такъ роскошь, называемая имъ *внутреннею*, т. е. употребляющая предметы, приготовляемые внутри самаго государства, — онъ признаетъ чрезвычайно полезною, если только она недоходитъ до нелѣпыхъ крайностей. Причины, заставляющія его произнести это сужденіе, заключаются въ слѣдующемъ: 1) она—по его мнѣнію — увеличиваетъ внутреннее произведеніе, 2) способствуетъ разлитію денегъ во всѣхъ классахъ народа, 3) увеличиваетъ самое ихъ количество, и наконецъ 4) изощряетъ умъ и утончаетъ вкусъ народа (I. 216.); но если это дѣйствительно полезно въ *интересѣ производства* страны, что не подлежитъ сомнѣнію,—то во всякомъ случаѣ—по свойству международной торговли получать равное за равное (см. выше), Дженовези должень былъ бы приписать эти слѣдствія и роскоши, употребляющей иностранныя произведенія. — Къ нравственнымъ слѣдствіямъ роскоши онъ причисляетъ деликатность обхожденія, духъ общительности, любезности и человѣчности, и развитіе наукъ и искусствъ (I, 218. 9). Вредъ роскоши онъ признаетъ только въ крайностяхъ (I. 225), не замѣчая того, что роскошь необходимо заключаетъ въ себѣ понятіе о крайности: она начинается тамъ, гдѣ удовлетвореніе потребности замѣняется удовлетвореніемъ желанія непотребностнаго *. *Роскошь* Дженовези желаетъ подчинить нѣкоторымъ *правиламъ*, которыя давали бы ей направленіе (I. 197); подъ этимъ впрочемъ онъ не разумѣлъ законовъ противъ роскоши.

Такъ смотрѣлъ Дженовези на главные предметы Политической Экономіи: мы не можемъ отрицать въ немъ достоинства ясности и далеки отъ мнѣнія Мэк-Коллоха **, который видѣлъ въ немъ

достаточнымъ для исправленія, — истина, положительно доказанная нравственною статистикою (I. 281. 525.).

* Потребность есть сознанное условіе нашего развитія; желаніе есть извѣстное проявленіе воли нашей, *иногда* и не сопровождаемое сознаніемъ и отчетомъ. Отъ роскоши должно отличать высокое развитіе потребностей, требующее удобства и изящества. Роскошь поэтому есть нѣчто личное; она заключается не въ предметѣ, а въ высотѣ развитія, до котораго достигло лице потребителя.

** *M'Culloch.* Litter. of polit. economy. Lond. 1844. 8.

болѣе беллетриста, нежели политико-эконома. Тѣмъ страннѣе намъ встрѣтить у него нѣкоторыя обветшалыя положенія меркантильной практики въ дѣлѣ финансоваго управленія государствомъ. Положенія эти принимаются имъ не вполнѣ, а только отчасти, и касаются болѣе внѣшней торговли.

Касательно ея — онъ принимаетъ слѣдующія начала: 1) выгода ея состоитъ только въ мѣнѣ излишняго на необходимое, а потому вывозъ и ввозъ товаровъ находятся въ прямомъ отношеніи; равно какъ и причины, способствующія одному, способствуютъ и другому; 2) внѣшняя торговля не можетъ существовать тамъ, гдѣ заботятся только о поддержаніи жизни; 3) должно между предметами, получаемыми изъ-за границы, выбирать *наиболѣе полезные*, и сбывать произведенія выдѣланныя предпочтительно предъ суровьемъ; при ввозѣ должно напротивъ заботиться о полученіи послѣдняго. — Этотъ пунктъ находится въ видимомъ противорѣчіи съ предъидущимъ: они могутъ быть соглашены только тѣмъ предположеніемъ, что тамъ онъ понятіе полезности относитъ не къ отдѣльнымъ предметамъ торговли, а къ *цѣлой* ея отрасли; 4) ввозъ произведеній, вредящихъ развитію подобныхъ произведеній внутри государства (а такими онъ признаетъ всѣ чужіе фабрикаты), чрезвычайно вреденъ (*Ср.* I. 186); 5) также, какъ и чрезвычайно большой ввозъ предметовъ роскоши (I. 418 сл.). Удивительно, какъ Дженовези не замѣтилъ противорѣчія между первымъ и тремя послѣдними положеніями; ибо если 1) торговля представляетъ мѣну излишняго на необходимое, то она *всегда* выгодна, и нѣтъ разумной причины ее ограничивать, и 2) если возъ товаровъ находится въ прямомъ отношеніи съ вывозомъ, то запрещеніе перваго необходимо повлечетъ упадокъ торговли, котораго онъ—разумѣется не желалъ.

Еще удивительнѣе представится намъ его защита запрещенія ввоза фабрикатовъ, если мы сообразимъ его съ тѣми похвалами, которыя онъ расточаетъ *контрабандѣ*, признанной имъ вредною для правительства, но споспѣшествующею развитію ремеслъ, торговли, труда и служащею »каналомъ, привлекающимъ въ государство деньги, а когда государство богато, финансы никогда не бываютъ бѣдны.« (I. 438).—Если по мнѣнію Дженовези контрабанда, эта противозаконная попытка свободной торговли, такъ полезна, то не понятно, какъ онъ могъ отрицать пользу законной свободной торговли и принимать необходимость запретительныхъ мѣръ? Для чести его нельзя полагать, что основою пользы и важности контрабанды онъ признавалъ — именно ея противозаконность тѣмъ болѣе, что это несогласно съ цѣлымъ духомъ его ученія.

Къ признанію пользы запретительныхъ мѣръ онъ былъ приведенъ желаніемъ своеобразнаго развитія народной промышлен-

ности (I 336 7), а еще болѣе видимымъ успѣхомъ подобныхъ мѣръ тогдащней англійской торговой политики, ближайшее слѣдствіе которой — пролетаріатъ въ его время еще неразвился до той ужасающей степени, на которой мы видимъ его теперь; хотя уже и тогда безпристрастіе заставило его сказать замѣчательныя слова объ отношеніи *jus* (sic) *prohibitivi* къ богатству народному (см. I. 157). Эти слова, а еще болѣе его похвала свободѣ торговли (I. 365 75) въ томъ смыслѣ, какой приписываетъ этому выраженію Броджя (см. 39), служитъ намъ доказательствомъ, какъ трудно соединить правильную теорію цѣнностей съ протективною практикою.

Что касается до баланса, то, видя нелѣпость предположенія, что торговля можетъ быть долго невыгодна для какой-либо изъ участвующихъ въ ней сторонъ, т. е. что балансъ можетъ быть долго противъ нея (I 139), онъ однако полагаетъ, что балансъ имѣетъ практическую важность, представляя степень зависимости одной страны отъ другой. Объ этой зависимости онъ упоминаетъ нѣсколько разъ (I. 174, 90 и пр.) и желаетъ ея уничтоженія; хотя признается, что полная независимость есть чистое *проявленіе варварства*. При современномъ состояніи науки было бы излишнимъ опровергать этотъ меркантильный предразсудокъ, который и можно понять только путемъ исторіи: эта такъ называемая зависимость есть не болѣе, какъ широкое приложеніе къ практикѣ закона разложенія труда, раздѣленія занятій, способствующаго увеличенію производительности и общаго благосостоянія.

Для полноты изложенія системы мнѣній Дженовези мы еще укажемъ на отдѣльныя его замѣчанія о разныхъ мѣрахъ государственнаго управленія и ихъ значеніи. Системѣ *финансовъ* онъ приписываетъ рѣшительное вліяніе на торговлю, а слѣд. и на все народное богатство (I. 438). Поэтому онъ говоритъ о ней очень пространно, вооружаясь противъ злоупотребленій при собираніи податей (I. 499). Въ примѣръ всего финансоваго государственнаго управленія онъ представляетъ управленіе хорошаго домохозяина. Оставляя безъ вниманія другія менѣе важныя правила такого управленія, упомянемъ о двухъ: во 1-хъ что подати должно собирать по качеству земли, а не по экономической способности лица (I 484) и 2) подать на предметы перваго потребленія не можетъ быть обременительною (I 477).

Въ первомъ положеніи мы можемъ видѣть духъ физіократіи, уже зачинавшейся къ умахъ, и отзывъ нашъ о немъ мы оставляемъ до подробнаго изложенія физіократической системы; что касается до втораго пункта, то мы имѣли случай выше (стр. 40) произнести наше мнѣніе о природѣ такой подати; что

касается до ея обременительности, то это зависитъ отъ *мѣры пожертвованій,* которыя требуются посредствомъ ея отъ подданныхъ, и опредѣляются: 1) высотою ея, 2) относительнымъ частнымъ достаткомъ и 3) степенью изобилія и доступности въ извѣстной странѣ предмета, подлежащаго подати. Общаго сужденія въ этомъ случаѣ произнести нельзя даже сравнительтельно, такъ какъ послѣднее условіе можетъ сдѣлать каждую подать въ извѣстномъ отношеніи легкою.

Государственные долги Дженовези считаетъ полезными, если они сдѣланы съ цѣлію пособить земледѣлію, рыбной ловлѣ, ремесламъ, торговлѣ (I 465, 6). Забота о земледѣліи — должна быть первою изъ заботъ правительства (I. 318 сл.). Она гораздо важнѣе, по его мнѣнію, нежели забота о прокормленіи народа, лежащая въ основаніи учрежденій *общественныхъ хлѣбныхъ магазиновъ,* по его мнѣнію — совершенно излишнихъ, такъ какъ они могутъ быть замѣнены частными. При предоставленіи свободы внутренней конкурренціи »въ каждомъ городѣ, въ каждой деревнѣ, на каждомъ мѣстѣ, безъ всякаго стѣснительнаго закона, безъ всякой монополіи образуются сами собою хлѣбные магазины. Эти магазины — лавки купцевъ большихъ, средней руки и малыхъ, появляющіяся при свободѣ хлѣбной торговли на каждомъ мѣстѣ« (I. 393 — 9) *. Здѣсь просвѣчиваетъ физіократическое правило: laissez faire, laissez passer.

---

* Нелишнимъ будетъ здѣсь упомянуть его мнѣніе о *колоніяхъ,* необходимость которыхъ онъ принимаетъ только относительную. Основаніе ихъ онъ приписываетъ болѣе честолюбію державъ, нежели разсчетамъ торговымъ. »Основывая ихъ, думали, — говоритъ онъ, — какъ обыкновенно мы всѣ думаемъ, болѣе о настоящей пользѣ, нежели о будущемъ: невозможно, чтобъ эти колоніи не пошли по слѣдамъ Европы; онѣ усвоютъ себѣ всѣ наши искусства и науки, и мало по малу сдѣлаются независимыми отъ метрополіи; этимъ должны окончиться наши барыши въ нихъ. Я даже не считаю невѣроятнымъ, что со временемъ онѣ сдѣлаются нашими метрополіями. Все въ мірѣ обращается и все возобновляется въ оборотѣ времени,« (I. 435, 6.). Такъ за нѣсколько лѣтъ онъ предвидѣлъ освобожденіе колоній Америки. Въ другомъ мѣстѣ онъ еще опредѣленнѣе выражаетъ свое мнѣніе, указывая на самую послѣдовательность сего освобожденія (I. 361.). »Хочу — говоритъ онъ — присоединить здѣсь одно пророчество, которое бросается въ глаза каждому мыслящему человѣку. Мы покорили американскіе народы только силою нѣкоторыхъ орудій и искусствъ, которыхъ у нихъ не было, каковы ружья, пушки, порохъ, корабли и пр. Но наши колоніи имѣютъ все это, равно какъ и наши искусства, и каждый день приноситъ туда новыя. Долженъ настать день, ког-

Въ заключеніе приведемъ слова его о средствахъ сообщенія. Главное условіе ихъ пользы онъ видѣлъ въ безопасности. »Если наилучшая, широкая прочная дорога, дорога Аппія, дорога Валерія — говоритъ онъ — заражена *страхомъ*, *рабствомъ*, *позоромъ*, *униженіемъ*, *нищенствомъ*, то только дикіе звѣри станутъ ходить по ней. Сообщеніе тогда прерывается. Хотите ли вы промышленности, искусствъ, правильныхъ торговыхъ сдѣлокъ, удобствъ, богатства? Расширьте пути, которыми живутъ, которыми текутъ эти блага (сдавите артеріи въ живомъ тѣлѣ, оно лишится жизни). А для того, чтобы расширить эти пути, не должно думать такъ, какъ Караибы, о которыхъ пишетъ деля-Бордъ, что они никогда не думаютъ о завтрешнемъ днѣ. Для этого нужно думать о завтрешнемъ днѣ, о будущемъ годѣ, о будущихъ пяти и десятилѣтіяхъ, о будущихъ вѣкахъ« (II. 354, 5.) *.

Вліяніе Дженовези на италіанскую публику было чрезвычайно велико: онъ первый въ Италіи сдѣлалъ доступнымъ изученіе Политической Экономіи для всѣхъ классовъ народа, первый побудилъ своихъ соотчичей къ серьёзному систематическому изученію ея и былъ причиною лучшаго знакомства ихъ съ экономическою жизнію страны. Къ числу его послѣдователей можно отнести извѣстнаго поэта *Альгаротти*, который въ своемъ *Saggio sopra il commercio* и въ другихъ небольшихъ экономическихъ сочиненіяхъ ** является усерднымъ поклонникомъ Англичанъ и сторонникомъ торговли. Всѣ они впрочемъ довольно бѣдны по мыслямъ и замѣчательны развѣ потому, что представляютъ собою примѣръ, какъ распространены были тогда какъ бы въ воздухѣ тѣ начала, которыя Адамъ Смитъ отчетливо анализировалъ въ своемъ знаменитомъ сочиненіи. Такъ Альгаротти въ одномъ мѣстѣ упомянутаго выше сочиненія, сравнивая цѣнность плантаціи шелковыхъ деревьевъ и шелка, на ней воздѣлываемаго, съ цѣнностію обыкновенной десятины, и цѣнность фунтоваго куска желѣза—съ цѣнностію изъ этого фунта выдѣланныхъ часовыхъ пружинъ, — равною 20,000

да онѣ сознаютъ свои силы и сбросятъ съ себя иго. Первыми въ этомъ дѣлѣ будутъ народы холодные, живущіе далеко отъ экватора, какъ болѣе сильные, болѣе благородные, болѣе чувствительные къ естественной свободѣ. Они повлекутъ за собою другіе, и колоніи сдѣлаются нашими метрополіями. Первые признаки этого замѣтны въ англійскихъ колоніяхъ.«

* Кромѣ этого главнаго сочиненія Дженовези, по Политической Экономіи есть еще его *Opuscoli di Econ. politica*, представляющія мало особенно замѣчательнаго.

** 1) *Frammento sugli effetti dell'industria.*—2) *Pensieri sulla preferenza dell' Africa in confronto dell' Asia, e dell' America, (per?) rapporto all' industria, e di commercio d'Europa.*

червонныхъ—указываетъ очень вѣрно на участіе *труда* въ измѣненіи (возвышеніи) цѣнности товара, далеко превышающей однѣ издержки производства. Понятіе его о богатствѣ также чрезвычайно близко къ понятіямъ школы Смита: онъ видитъ источникъ его столько же въ трудѣ, сколько и въ произведеніяхъ земли.

Въ этомъ же направленіи написаны три сочиненія 1) *Riflessioni sulla pubblica felicità* и 2) *Osserv. sulle tarife*, оба, имѣющія въ виду преимущественно королевство неаполитанское, и 3) *della ricchezza nazionale* *Іосифа Пальмьери* (1721—94), Директора финансовъ въ Неаполѣ. Всѣ они проникнуты искреннимъ желаніемъ принести пользу странѣ искорененіемъ вредныхъ предразсудковъ. (Такъ онъ вооружается противъ отвращенія дворянства отъ торговыхъ занятій). Пальмьери оцѣнялъ вполнѣ важность внутренней торговли, необходимость хорошихъ путей сообщенія и безопасности ихъ и т. п. Касательно внѣшней торговли онъ признавалъ требованіе ея совершенной *свободы* законнымъ и справедливымъ; но думалъ, что польза отъ нея могла бы быть только тогда, когда бы ее признали и ввели въ свои законы всѣ государства; при настоящей системѣ другихъ государствъ, онъ полагалъ необходимымъ въ практикѣ придерживаться запретительной системы *.

Это положеніе отчетливѣе и подробнѣе развито слѣдующимъ за нимъ писателемъ, знаменитымъ *П. Верри* (1728—97) въ сочиненіи *Meditazioni sull' economia pubblica. Mil. 1771* **. Примыкая къ протекціонизму въ рѣшеніи этого вопроса, Верри въ научныхъ положеніяхъ является свободнымъ отъ предразсудковъ своихъ современниковъ и мало подлежитъ укорамъ ученой критики,—разумѣется, если взять во вниманіе ту исходную точку, которую онъ принялъ въ своемъ изложеніи. Именно подъ Политическою Экономіей онъ разумѣлъ собственно *практическое* государственное хозяйство; слѣд. она у него болѣе *искусство*, нежели наука. На это указываютъ намъ различныя мѣста его

---

* Въ жизни практической Пальмьери оставался постоянно вѣренъ своимъ началамъ: ему обязана страна уничтоженіемъ многихъ вредныхъ и тягостныхъ учрежденій, какъ то: мостовой и прохожей пошлины, пошлины на шафранъ, на шелкъ; суда о жизненныхъ припасахъ и т. п.

** Французскіе переводы: Reflexions sur l'econ. pol. Laus. 1771. Econ. polit. P. 1808. Medit. sur l'econ. polit., tr. p. *O'Neale*. P. 1823.—Нѣмецк. Betrachtungen über d. Staatswirthschaft. Mannh. 1785-8. — Русскій (съ фр.) М. 1811. 8. Сочиненіе это пользуется достойною извѣстностію и рекомендуется даже нѣкоторыми современными писателями.

сочиненія *. Согласно съ такимъ понятіемъ о ней онъ опредѣляетъ и *цѣль* ея: »увеличивать годовое произведеніе, одушевляя дѣятельность жителей, и устраняя всѣ препятствія, ей встрѣчающіяся.»

Все это необходимо ограничиваетъ тѣ требованія, которыя мы имѣемъ право дѣлать ему: чистая *теорія* производства не входитъ въ кругъ его изслѣдованій, и для уразумѣнія его положеній мы должны извлечь ее искусственнымъ образомъ изъ самыхъ его практическихъ совѣтовъ. При этомъ насъ поражаетъ согласіе его *началъ* съ началами школы Адама Смита; сходство это открывается не только въ представленіи объ отдѣльныхъ явленіяхъ богатства, но и въ общемъ воззрѣніи на нихъ; такъ »личный интересъ«, — »если онъ согласенъ съ выгодами общественными,« онъ признаетъ какъ и Смитъ »самою вѣрною порукою за общее счастіе« (54); причину экономическихъ явленій видитъ въ »мудрой природѣ вещей« (53), какъ Ж.-Б. Сэй и т. п. Правда, онъ иногда отступаетъ отъ этого взгляда, рѣшая вопросы экономическіе по началамъ права (59), но это бываетъ чрезвычайно рѣдко.

Лучшими мѣстами его сочиненія мы должны признать тѣ, въ которыхъ онъ касается различныхъ проявленій изъ области цѣны: они выражены у него особенно ясно и отчетливо. Для подтвержденія этого намъ достаточно пройти рядъ его опредѣленій. Цѣны онъ въ выраженіи не отличаетъ отъ цѣнности; поэтому первую опредѣляетъ »количествомъ одной вещи, даваемой для полученія другой« (16); причемъ онъ не преминулъ замѣтить и то измѣненіе, которое получило это слово у насъ въ слѣдствіе употребленія *денегъ*, составляющихъ — по его мнѣнію — *всеобщій товаръ*; (7) цѣна у насъ, (это и есть *истинная* цѣна) — говоритъ онъ, (17) значитъ количество всеобщаго товара, даваемаго за другой какой-либо товаръ». Измѣненіе цѣнъ онъ совершенно правильно принимаетъ зависящимъ отъ запроса и предложенія, хотя выражаетъ это положеніе не въ слишкомъ точ-

* Такъ по его мнѣнію — »задача ея состоитъ въ томъ, чтобы увеличить, сколько можно годовое воспроизведеніе посредствомъ возможно меньшаго труда; при данномъ количествѣ труда получить наиболѣе годоваго произведенія; увеличить какъ можно болѣе трудъ, чтобы получить отъ него возможно больше годоваго произведенія.« (пер. O'Neal'я). — Въ другомъ мѣстѣ онъ еще яснѣе высказываетъ этотъ взглядъ; »увеличить, сколько возможно, число продавцевъ каждаго товара; уменьшить, сколько возможно число покупателей,—вотъ главныя основанія, изъ которыхъ вытекаютъ всѣ *дѣйствія* политической экономіи.« (29).

ныхъ и отчасти ошибочныхъ выраженіяхъ, говоря, что »цѣны находятся въ прямомъ отношеніи къ покупателямъ и въ обратномъ къ продавцамъ« (26 77), тогда какъ цѣнность или цѣна (потому что онъ безразлично употребляетъ эти выраженія) всеобщаго товара — «находится напротивъ въ обратномъ отношеніи къ покупателямъ и въ прямомъ къ продавцамъ« (71), положеніе невѣрное, даже съ его точки зрѣнія такъ, какъ онъ опредѣлилъ деньги всеобщимъ товаромъ, а въ такомъ случаѣ продавцемъ будетъ предлагатель товара, а покупателемъ — требователь его; слѣд. и всеобщій товаръ, т. е. деньги должны подвергнуться тогда общему закону опредѣленія цѣнъ, т. е. будутъ тѣмъ болѣе стоить, чѣмъ болѣе желающихъ купить ихъ, чѣмъ болѣе покупщиковъ, и тѣмъ менѣе, чѣмъ болѣе продавцевъ сего товара. Впрочемъ эта ошибочность его положенія заключается болѣе въ выраженіяхъ, нежели въ смыслѣ его, что̀ достаточно объясняется изъ другаго его положенія, въ которомъ онъ говоритъ, что цѣнность денегъ сохраняется *тѣмъ болѣе* чѣмъ *между большимъ* числомъ онѣ раздѣлены (21). Увеличеніе цѣны другихъ товаровъ въ этомъ случаѣ по его мнѣнію предотвратится развитіемъ промышленности вообще, тѣсно связаннымъ съ количествомъ и распредѣленіемъ денегъ. »Всеобщій товаръ, пріобрѣтенный промышленностію, увеличитъ потребности въ народѣ, потому что человѣкъ имѣетъ тѣмъ болѣе потребностей, чѣмъ болѣе желаній, и тѣмъ болѣе желаній, чѣмъ больше вѣроятности удовлетворить ихъ; эта вѣроятность увеличивается по мѣрѣ увеличенія средствъ. Отсюда слѣдуетъ, что если всякій получитъ во владѣніе большее количество денегъ, то онъ увеличитъ и свое потребленіе и тогда пропорціонально этому увеличится и произведеніе, потому что увеличится сбытъ» (14 ср. 99) но, «если народъ пріобрѣлъ массу денегъ спокойно или изъ обильныхъ рудниковъ, или въ слѣдствіе извѣстнаго обстоятельства, заставляющаго другіе народы давать ему всеобщій товаръ, то это не только не оживитъ промышленности, а напротивъ погрузитъ людей въ глубокую летаргію.» (74).

Выше уже мы имѣли случай представить наше мнѣніе объ отношеніи потребностей къ желаніямъ; оно можетъ объяснить и причину, почему положеніе Верри кажется намъ недостаточнымъ, хотя съ окончательнымъ выводомъ его нельзя не согласиться, такъ какъ онъ согласенъ съ здравымъ понятіемъ о народномъ богатствѣ.

Заключимъ наконецъ изложеніе его мнѣній о цѣнѣ тѣмъ вѣрнымъ положеніемъ, которое въ послѣднее время часто было забываемо современными писателями, именно, что »всякое количество товара, извлеченное изъ торговли, неимѣетъ вліянія на цѣну его; оно какъ бы не существуетъ.» (19).

Также удачно, какъ и вопросъ о цѣнѣ, онъ рѣшаетъ и другой вопросъ, именно о производительности мануфактуръ, которую онъ признаетъ на перекоръ сильному тогда мнѣнію физіократовъ, и доказываетъ ее тѣмъ, »что *всѣ* явленія во вселенной какъ произведенныя руками человѣческими, такъ и всеобщими законами естества, не даютъ намъ понятія о дѣйствительномъ созданіи, а только о новомъ видоизмѣненіи вещества. *Соединеніе и разложеніе* — вотъ единственныя начала, открываемыя умомъ человѣческимъ въ понятіи о произведеніи; и если мы называемъ произведеніемъ цѣнности и богатства то явленіе, когда земля, воздухъ и вода въ полѣ принимаютъ видъ зерна, то также точно должно назвать произведеніемъ то, когда клейкое вещество насѣкомаго рука человѣка измѣняетъ въ бархатъ (9.).« Мнѣнія физіократовъ, что заработокъ фабриканта-промышленника, возвращаетъ ему только издержки на его пропитаніе и суровье, онъ справедливо почитаетъ ложнымъ; но самое его опроверженіе, почерпнутое изъ практики, не смотря на свою наглядность, — неубѣдительно, и слишкомъ поверхностно; именно, онъ его находитъ въ томъ явленіи, что фабриканты обыкновенно обогащаются быстрѣе, нежели земледѣльцы. Въ сущности мнѣніе это тоже, что еще прежде высказано Серрой, а потому и возраженіе съ нашей стороны будетъ тоже, именно, что такое явленіе, какъ бы оно часто ни повторялось, составляетъ только частный случай и дѣлать изъ него заключеніе о бо́льшей производительности занятія, значитъ частное сужденіе дѣлать большою посылкою для общаго и т. обр. приходить къ ложному заключенію. Притомъ нельзя не замѣтить недобросовѣстности, разумѣется неумышленной, съ которою онъ дѣлаетъ сравненіе. Въ области матеріальной производительности — фабрикантъ-ремесленникъ — представляетъ лице *предпринимателя* ремесленной или мануфактурной промышленности, земледѣлецъ напротивъ лице трудоваго дѣятеля, *работника*; сравненія между ними въ отношеніи къ ихъ доходу — мы дѣлать не въ правѣ; для вѣрности его мы должны сравнивать фабриканта съ землевладѣльцемъ или съ кортомщикомъ, какъ направителями (предпринимателями) земледѣльческой дѣятельности, а отнюдь не съ земледѣльцемъ; а при такомъ сравненіи — быстрота обогащенія фабриканта не будетъ такъ разительна. Изъ этого мы видимъ, что опроверженіе упомянутаго положенія физіократовъ у него слабо; оно должно быть выведено не изъ чистой практики, которая, представляя частныя явленія, недостаточна для того, а — изъ теоріи годности вещи, возвышаемой извѣстнымъ измѣненіемъ ея свойствъ, безъ которыхъ она — менѣе цѣнна; ясно, что и при распредѣленіи общественнаго вознагражденія на долю производителя такого из-

мѣненія—должна достаться доля, равная его усиліямъ для произведенія такого явленія — его *труду*.

Верри, какъ эклектикъ по преимуществу, не вездѣ впрочемъ вооружается противъ Физіократовъ; онъ даже отчасти подчинялся ихъ вліянію — по крайней мѣрѣ — въ терминологіи. Такъ слово »произведеніе« онъ употребляетъ исключительно, говоря о произведеніи земледѣльческомъ *. Въ слѣдствіе того же вліянія вѣроятно онъ уразумѣлъ безполезность разныхъ опредѣляющихъ и стѣснительныхъ законовъ касательно монеты, на которые нѣкогда были такъ щедры (102); при правильномъ означеніи цѣнности монеты — онъ справедливо полагалъ неумѣстною боязнь за вывозъ своей монеты, и излишній ввозъ чужой **. Замѣну денегъ банковыми билетами, а вмѣстѣ съ тѣмъ и существованіе банковъ, онъ признаетъ полезнымъ; но вполнѣ возможнымъ только въ тѣхъ странахъ, гдѣ забота о довѣріи общественномъ поручена очень большому числу людей, которые имѣютъ интересъ въ сохраненіи его, и которые, опираясь на общественное мнѣніе, такъ сильны, что не имѣютъ причины бояться чего бы то ни было. Историческій опытъ показываетъ намъ, что условіе это не такъ обще, какъ его представляетъ Верри: и при другомъ устройствѣ страны банкъ можетъ процвѣтать, хотя нельзя не признать, что при равныхъ другихъ обстоятельствахъ твердость его тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе лицъ надзирающихъ, облеченныхъ общимъ довѣріемъ.

Говоря о банкахъ — онъ ограничивается общею характеристикою ихъ значенія: вліяніе ихъ на *распредѣленіе богатства въ народѣ*, это главное условіе ихъ научнаго значенія, ускользнуло отъ его вниманія.— Это достойно сожалѣнія потому, что другія явленія, касающіяся сей области Политической Экономіи, обсужены имъ очень здраво. Такъ, онъ защищаетъ возможно равное раздѣленіе капиталовъ между возможно бо́льшимъ числомъ производителей и — большую несоразмѣрность достатковъ въ странѣ почитаетъ чрезвычайно »неблагопріятною и невыгодною для процвѣтанія въ ней всѣхъ родовъ промышленности — въ особенности земледѣльческой.« Совершенное равенство достат-

---

* Онъ даетъ для него совѣты между прочимъ въ родѣ слѣдующаго: »предпочитай тотъ родъ земледѣлія, который наиболѣе увеличиваетъ годовое произведеніе, и который занимаетъ наибольшее число рукъ;« условія, по большей части исключающія взаимно другъ друга.

** Эти мысли изложены имъ первоначально въ формѣ разговора *Dial. sul disordine delle monete*, 1762, составляющаго продолженіе сочиненія Беккаріи подъ тѣмъ же названіемъ.

ковъ впрочемъ онъ отвергаетъ, и вооружается противъ уравнительныхъ законовъ древности, называя ихъ вредными для благосостоянія общества, у котораго они отнимаютъ энергію и препятствуютъ развитію потребностей (35).

И такъ для желаннаго распредѣленія богатства ему остается одно разумное средство—*торговля,* и онъ на нее обратилъ особенное вниманіе, посвятивъ изслѣдованію ея цѣлое сочиненіе: *degli elementi del commercio.* Не смотря однако на то, должно признаться, что она понята имъ чрезвычайно поверхностно, и сужденія о ней составлены слишкомъ поспѣшно. Недостатки эти открываются въ самомъ дѣленіи торговли на виды, представляемомъ имъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: »если договоръ заключается между обитателемъ страны и иностранцемъ, то ее называютъ *внѣшнею торговлею,* если туземецъ—продавецъ, то это—торговля *полезная*, если онъ — покупщикъ, то это — *вредная торговля.* Если договоръ заключается между двумя гражданами одной и той же націи, то ее называютъ *внутреннею торговлею* или *оборотомъ* (циркуляціею). Циркуляція есть сумма всѣхъ туземныхъ договоровъ.« (95). Поверхностность сужденія видна въ эпитетахъ — *полезная* и *вредная*, которыя онъ принимаетъ безъ всякой оговорки и которыя у него имѣютъ тѣмъ менѣе значенія, что онъ самъ опредѣлилъ деньги (см. выше) общимъ товаромъ; слѣд. при торговой сдѣлкѣ необходимо каждая сторона представляетъ и покупщика и продавца въ одно и тоже время.

Подобнаго укора съ нашей стороны заслуживаютъ и его положенія, подобныя слѣдующему: »общее правило, вездѣ гдѣ торговля процвѣтаетъ, барыши торговца очень малы, принимая во вниманіе каждый товаръ отдѣльно, и вездѣ, гдѣ промышленность находится въ упадкѣ, барыши продавца очень велики:« это основано на изученіи одной только половины мѣны, именно—запроса;—если же мы обратимъ вниманіе также и на предложеніе, то увидимъ, что уменьшеніе послѣдняго и въ эпоху процвѣтанія страны можетъ доставить большой доходъ торговцамъ, и на оборотъ чрезвычайное увеличеніе его можетъ доставить малый барышъ имъ; другими словами — что соперничество не необходимо увеличивается съ возрастаніемъ благосостоянія въ странѣ и не всегда уменьшается при его упадкѣ.

Раздѣляя народъ на классы: *производителей*, посредниковъ, * (занимающихся торговлей) и *потребителей*, — дѣленіе, неимѣющее въ наукѣ никакого значенія, — онъ силит-

* Изъ этого мы можемъ заключить, что торговую дѣятельность онъ не считалъ производительною.

ся доказать пользу послѣдняго класса. »Ихъ жизнь, — говоритъ онъ, — постылая ко всему, постоянно нуждается въ возбужденіи къ наслажденіямъ посредствомъ разнообразныхъ удовольствій. Имъ постоянно нужны деньги, слѣд. они должны нѣкоторымъ образомъ содѣйствовать годовому (?) произведенію земли; они должны искать и выдумывать (?) способы къ годовому воспроизведенію капиталовъ; они должны (?) постоянно побуждать (?) земледѣльца къ работѣ, и безъ нихъ земледѣліе (?) пришло бы въ упадокъ (?). *Лѣность*, *расточительность*, хотя въ извѣстныхъ частныхъ случаяхъ и вредныя, чаще всего бываютъ *полезны* (!) годовому воспроизведенію. Требовать, чтобы въ государствѣ не было людей, которые бы потребляли, ничего не производя, было бы выраженіемъ понятія о совершенствѣ чисто платоновскомъ.» (131). — Доводы здѣсь такъ слабы, что нѣтъ нужды опровергать ихъ; мы только видимъ изъ этого, до какой нелѣпости можно дойти, принимая *дѣйствительно*-существующее за *необходимое*, и стараясь оправдать то, что можетъ быть только объяснено. Верри въ своемъ усиліи показать пользу существованія праздныхъ людей, забываетъ о существованіи людей дѣятельныхъ и трудолюбивыхъ, которыхъ потребности могутъ быть и разнообразны и развиты, а слѣд. могутъ достаточно обезпечивать сбытъ произведеній. Главнымъ источникомъ его ошибки можно принять то, что онъ вмѣсто *отвлеченныхъ моментовъ* произведенія и потребленія, какъ они должны быть принимаемы въ истинной наукѣ, принялъ необходимымъ для правильнаго существованія богатства *классы* производителей и потребителей. Выходя изъ такого положенія, онъ — разумѣется — долженъ былъ прибѣгнуть къ натяжкамъ, тогда какъ при отвлеченномъ способѣ изложенія, на который мы указали, вопросъ рѣшился бы самъ собою тѣмъ, что *потребленіе необходимо*, но не необходимъ отдѣльный *классъ* потребителей; ибо, хотя моментъ произведенія совершенно отличенъ отъ момента потребленія цѣнностей, но на дѣлѣ оба они могутъ разновременно и даже одновременно проявляться въ одномъ и томъже лицѣ *. Тѣже начала служатъ ему для доказательства пользы *роскоши* ** и дробленія земли на малые участки, въ которомъ онъ видитъ средство увеличить число потребителей-помѣщиковъ. При этомъ онъ ограничивается однимъ догматическимъ выраженіемъ: *полезно*, хотя эта полезность очень сомнительна,

---

* Замѣтимъ еще одинъ недостатокъ въ выписанномъ выше мѣстѣ Верри: неизвѣстно, почему онъ полагаетъ, что удовольствія класса потребителей будутъ именно имѣть предметомъ своимъ земледѣльческія произведенія? отъ чего напр. не золотыя вещи, статуи, картины и т. п.?

** *Consid. de lusso.*

даже съ его точки зрѣнія: увеличеніе потребленія происходитъ не въ слѣдствіе увеличенія *числа* потребителей, или массы желаній, а въ слѣдствіе увеличенія потребностей и *средствъ* къ ихъ удовлетворенію. — Противъ его защиты класса чистыхъ потребителей говоритъ также положеніе, высказанное имъ самимъ, именно—что »потребленіе тѣсно связано съ произведеніемъ,« слѣд., ничего не производя еще, потребители уменьшаютъ силу самаго потребленія.

Въ такомъ же противорѣчіи съ самимъ собою онъ находится и при изложеніи средствъ, споспѣшествующихъ увеличенію потребленія: *свобода экономическихъ дѣйствій и сношеній* по его мнѣнію составляетъ главное условіе успѣшнаго производства потому, что тамъ, гдѣ »промышленность не имѣетъ преградъ и находится въ своей естественной дѣятельности, представляется для каждаго занятія число людей, пропорціональное пользѣ, которую можно извлечь изъ него; но въ странѣ, гдѣ законодатели болѣе или менѣе были увлечены дурно понятымъ духомъ симметріи, они старались умѣрить и измѣрить это свободное движеніе общества, законы котораго можно предвидѣть посредствомъ внимательнаго изслѣдованія политическихъ явленій, но никогда нельзя предписать заранѣе.« (37). По этому онъ сильно вооружается противъ цеховъ и т. п. средневѣковыхъ учрежденій (38) * и думаетъ, что судъ покупщиковъ бываетъ наилучшимъ оцѣнщикомъ пользы и цѣнности произведенія **, но въ то же самое время выражаетъ желаніе, чтобы законодатель, кромѣ наказанія за промышленный и торговый обманъ, заботился объ удаленіи иностранныхъ произведеній съ туземнаго торжища посредствомъ умѣренныхъ пошлинъ (12) т. е. предоставляетъ ему право »умѣрить и измѣрить движеніе общества.« — Такое мнѣніе ставитъ его въ рядъ протекціонистовъ. Оно у него еще менѣе, нежели у Дженовези, гармонируетъ съ цѣлою системою ученія. Это была какъ бы невольная уступка, сдѣланная имъ въ пользу господствовавшихъ предразсудковъ. Отъ Дженовези онъ отличается тѣмъ,

---

* Исключеніе изъ правила свободы внутренней конкуренціи онъ, какъ и большая часть позднѣйшихъ политико-экономовъ, дѣлаетъ для аптекарей, которые — по его мнѣнію — должны состоять подъ надзоромъ правительства, такъ какъ въ рукахъ ихъ находится народное здоровье (40); хотя это здоровье точно также находится и въ рукахъ продавцевъ всѣхъ жизненныхъ припасовъ.

** Это справедливо вполнѣ только при извѣстномъ развитіи народа, въ противномъ случаѣ судъ публики будетъ похожъ на оцѣнку дикаря.

что запрещеніе вывоза суровья * онъ считаетъ мѣрою чрезвычайно вредною, потому что оно уменьшаетъ число продавцевъ (количество предложенія?) въ государствѣ (43). »Какъ члены огромнаго семейства, разсѣяннаго по шару земному, обязанные оказывать другъ другъ помощь, мы видимъ, что Творецъ растительности снабдилъ насъ всѣмъ необходимымъ для удовлетворенія жизненныхъ потребностей« (45); а потому стѣсненіе въ торговлѣ для обезпеченія народнаго пропитанія онъ считаетъ излишнимъ.

Вообще доказательствомъ того, какъ мало протективныя начала согласны съ теоретическимъ взглядомъ Верри, можетъ служить слѣдующій отзывъ его о пользѣ *всеобщей свободной торговли* по его мнѣнію невозможной въ настоящее время: »она сблизила бы - говоритъ онъ — народы между собою, увеличила бы число сдѣлокъ; промышленность и производительность распространились бы по всей Европѣ, и люди наслаждались бы большими выгодами.« »Если бы можно было надѣяться счастливаго согласія въ то время, когда не условились даже привести вѣсъ къ одной общей единицѣ (что не стоитъ никакихъ пожертвованій), то никто не воспротивился бы такой предусмотрительной и человѣчной идеѣ, которая содѣйствовала бы увеличенію числа нашихъ ближнихъ и умноженію удовольствій въ жизни: но, какъ другія государства налагаютъ пошлины на товары, и пока они стараются ограничить потребленіе нашихъ товаровъ у себя, — то по необходимости нужно заставить ихъ платить дороже за суровье, получаемое ими отъ насъ, и пропорціонально увеличить цѣну ихъ товаровъ, потребляемыхъ въ государствѣ, для того, чтобы дать преимущество своимъ собственнымъ.» (192) Верри не замѣчаетъ, что этимъ онъ не достигнетъ своей цѣли, ибо 1) нельзя *заставить* другое государство покупать у себя суровье, и 2) увеличеніе цѣны товаровъ, ограничивая потребленіе, по его же положенію (см. выше) ограничиваетъ и произве-

---

* Частный видъ этого запрещенія — запрещеніе вывоза хлѣба — понято имъ очень хорошо и слѣдствія его обозначены удовлетворительно: »если сборъ хлѣба превосходитъ внутреннее потребленіе, то цѣна на него понижается во время жатвы,» — »нѣсколько монополистовъ, пользуясь запрещеніемъ и имѣя возможность избѣгнуть строгости законовъ, скупаютъ хлѣбъ; цѣна на него послѣ этого подымется, потому что продавцы явятся въ маломъ числѣ; хлѣбъ перейдетъ въ руки иностраннаго монополиста въ большихъ количествахъ и такимъ образомъ польза вывоза постоянно будетъ существовать, потому что иностранные продавцы не увеличатся въ числѣ» (49). Голодъ есть болѣе слѣдствіе страха, нежели недостатка.

деніе. — Забота его о вывозѣ странна и потому, что онъ самъ не считаетъ его необходимымъ признакомъ сильнаго внутренняго производства. (120.) *.

Что касается до взгляда Верри на народное *благосостояніе*, то онъ приводится къ одному простому положенію: благосостояніе происходитъ въ слѣдствіе развитія промышленности и зависитъ отъ управленія, т. е. отъ извѣстныхъ государственно-экономическихъ мѣръ: успѣхъ послѣднихъ обусловливается 1) нравственными убѣжденіями народа (39), 2) распространеніемъ спеціальнаго экономическаго образованія въ странѣ (198.) и 3) безопасностію лицъ и имуществъ. (168). Главнымъ признакомъ благосостоянія онъ считалъ большое народонаселеніе (117, 8), изъ различныхъ видовъ котораго онъ отдаетъ преимущество городскому населенію, полагая, что соединеніе жителей въ одномъ мѣстѣ способствуетъ развитію промышленности. Объ этомъ онъ между прочимъ выражается такъ: »одинъ или немного виноградныхъ гроздьевъ расплываются въ видѣ нечистой матеріи; но, когда они въ большихъ количествахъ сжаты въ сосудѣ, то взаимное столкновеніе ихъ дѣйствуетъ на всю массу: броженіе распространяется повсюду, и — вытекаетъ напитокъ, проникающій воздухъ благовонными испареніями, и придающій жизнь и юность вкушающимъ его. Такова картина и человѣческаго рода: отдѣльный человѣкъ боязливъ, дикъ и негоденъ, одинъ или въ соединеніи съ немногими онъ можетъ сдѣлать очень мало; но соединеніе многихъ людей, собранныхъ и стѣсненныхъ на небольшомъ пространствѣ, — воодушевляется, развивается, усовершается и распространяетъ повсюду дѣятельность, производство и жизнь.« (125).

Вообще вѣрность воззрѣнія Верри на предметъ благосостостоянія,—какъ мы можемъ видѣть изъ приведенныхъ нами мѣстъ,— не подвержена сомнѣнію: ученая критика можетъ найти въ немъ одинъ только недостатокъ, именно — *неполноту*.

Также сообразны съ началами науки и его приговоры надъ различными родами *податей*, изъ которыхъ онъ возстаетъ а) противъ подати личной, потому что въ ней »самъ человѣкъ, его свобода, его существованіе приносится въ жертву,« — »и бѣдность и

---

* Этотъ предметъ во всемъ его объемѣ изложенъ имъ въ сочиненіи подъ заглавіемъ: *Riflessioni sulle leggi vincolanti, principalmente nel commercio de' grani,* написанномъ еще прежде (1769), но напечатанномъ только за годъ до смерти сочинителя (1796). Оно имѣло цѣлію защитить свободную торговлю хлѣбомъ. Въ немъ повторяются всѣ основныя положенія главнаго сочиненія большею частію въ тѣхъ же выраженіяхъ.

слабость угнетаются тѣми самыми законами, которые долженствовали ихъ облегчать и защищать« (164) и — б) противъ пошлины съ дорогъ и перевоза товаровъ, потому что они парализуютъ свободу и удобство сообщеній (169), а слѣд. ослабляютъ промышленность. Въ замѣнъ этихъ податей онъ желаетъ налоговъ *косвенныхъ* и притомъ *съ людей богатыхъ* такъ, какъ они при этомъ послѣднемъ условіи лучше раздѣляются между всѣми классами народа и гораздо удобнѣе взимаются. »Когда владѣлецъ и капиталистъ должны платить подать, то подраздѣленіе ея на низшія сословія дѣлается легко и съ очень немногими препятствіями, такъ какъ при этомъ сильный требуетъ отъ слабаго: подраздѣленіе также совершится, но медленнѣе и съ большими остановками, когда бѣдный и слабый будутъ требовать отъ богатаго и сильнаго.« (163.)

Этимъ мы заключимъ изложеніе мнѣній Верри. * Оно могло убѣдить насъ въ справедливости суда, произнесеннаго нами выше надъ этимъ писателемъ и надъ цѣлымъ направленіемъ, къ которому мы отнесли его. Нельзя не видѣть успѣховъ въ теоріи, которою онъ руководился въ своихъ сужденіяхъ о главныхъ явленіяхъ экономическаго міра, если мы сравнимъ ихъ со взглядами его предшественниковъ; но тѣмъ несообразнѣе и страннѣе представляются намъ у него протективныя начала. Не смотря на то, въ Италіи они была тогда принимаемы многими. Это мы можемъ видѣть между прочимъ и изъ сочиненія Вице-Короля Сицилійскаго Маркиза *Караччіоли: Riflessioni sull'economia e l'estrazione di frumenti della Sicilia*, гдѣ онъ выражаетъ мнѣніе, что внѣшняя торговля хлѣбомъ обыкновенно должна быть свободна, но въ чрезвычайныхъ случаяхъ, смотря по надобности, должна подвергнуться извѣстнымъ *ограниченіямъ*.

Всѣ эти искусственныя правила — при распространяющемся болѣе и болѣе познаніи истинной природы богатства принуждены были уступить мѣсто новымъ ученіямъ. Еще у Дженовези, а потомъ и у Верри, мы видимъ желаніе освободить промышленность изъ подъ той насильственной опеки, которую держала надъ нею

---

* Для полноты мы упомянемъ здѣсь объ одномъ способѣ, который Верри предлагаетъ употреблять для оживленія промышленности въ государствѣ огромномъ, именно — умножить и сблизить города внутри страны и отдѣлить ихъ степями отъ сосѣднихъ государствъ (138), — планъ столько же безплодный, сколько и неудобоисполнимый.

Кромѣ упомянутыхъ сочиненій Верри можно назвать еще его *memorie sull' economia pubblica dello stato di Milano* (напис. 1768; напеч. 1804), проникнутое тѣмъ же духомъ, какъ и другія.

меркантильная практика. Мѣстами мы встрѣчали у нихъ правила, напоминающія намъ знаменитую школу Кене (которыя по крайней мѣрѣ у Дженовези, писавшаго до 1758 г., не могли быть заимствованными). Эти правила нашли скоро логическую опору и приличное себѣ мѣсто въ *физіократіи*.

ФИЗІОКРАТЫ.

Физіократія въ томъ видѣ, въ какомъ она выработалась у Кене и его ближайшихъ послѣдователей, составляетъ явленіе безпримѣрное въ исторіи Политической Экономіи: тогда, какъ меркантилизмъ представлялъ сборъ мнѣній, одухотворенныхъ одною идеей, но несвязанныхъ между собою, и не примыкающихъ органически ни къ какой опредѣленной отрасли знаній, тогда какъ школа Смита составляетъ систему отчетливую, но ограниченную тѣсною рамой предмета цѣнности, — физіократія обнимаетъ весь порядокъ общественный и касается самыхъ крайнихъ его предѣловъ. По идеѣ, заключенной въ ней, физіократія есть цѣлая философская система, перелитая въ форму экономическихъ положеній. L'ordre naturel des choses, послужившій поводомъ къ названію физіократіи, былъ истинный мотто школы и составляетъ истинное выраженіе предмета ея изслѣдованій. Заслуга ея въ наукѣ состоитъ въ томъ, что она первая дала систематическій видъ ея изложенію, привела начала ея во взаимную органическую связь и сдѣлала возможнымъ приложеніе къ ней аналитической методы, а слѣд. дальнѣйшую правильную обработку ея.

Положенія физіократіи, изложенныя ея основателемъ—Кене—и отличающіяся логическою послѣдовательностью, приводятся къ слѣдующимъ сокращеннымъ силлогизмамъ *:

1) Природа подчинена извѣстнымъ опредѣленнымъ законамъ, измѣненіе которыхъ не зависитъ отъ человѣка; а потому и народное *богатство*, какъ совокупность произведеній природы, въ

* *Cp. Fr. Quesnay.* Maximes générales du Gouvernement économique. Vers. 1758.

своемъ развитіи *слѣдуетъ* также неизмѣннымъ естественнымъ *законамъ*.

2) Такъ какъ усилія человѣка не могутъ измѣнить естественныхъ законовъ, то его *вмѣшательство* въ дѣлѣ народнаго богатства — излишне и *вредно*.

3) Вещи, составляющія народное богатство, происходятъ въ слѣдствіе дѣйствія извѣстныхъ силъ, присущихъ землѣ, и потому *только земледѣліе производительно*.

4) Такъ какъ производство есть исключительное свойство земли, то *на ней* одной должна лежать тяжесть *налоговъ*.

5) Такъ какъ простота составляетъ одно изъ главнѣйшихъ условій успѣха каждой мѣры управленія, то и система налоговъ должна быть устроена какъ можно *проще*.

6) Такъ какъ *благосостояніе* народа тѣсно *связано* съ степенью развитія его *богатства*, то мѣры, препятствующія увеличенію послѣдняго, мѣшаютъ и успѣхамъ перваго.

Всѣ эти главныя положенія основатель школы старался объяснить нагляднымъ приложеніемъ ихъ къ народному хозяйству; онъ употребилъ для того статистическія данныя, впрочемъ совершенно произвольныя, а потому не имѣющія цѣны въ глазахъ нашихъ. Они важны только для яснаго уразумѣнія ученія.

Какъ слѣдствія изъ изложенныхъ выше основныхъ положеній выходили: a) *безплодность мануфактурной*, *торговой* и *невещественной дѣятельности*, b) *необходимость* полной *свободы экономической* дѣятельности (laisser faire, laisser passer) и c) польза *единственной подати* (l'impôt unique).

Изъ внимательнаго разсмотрѣнія этихъ положеній мы видимъ, что стремленіе физіократіи было—привести начала экономическія къ строгому единству, и потому они въ изложеніи ея носятъ характеръ чисто теоретическій. Въ основаніи ея лежитъ философская *идея* 1) правильная въ безъусловномъ своемъ выраженіи, но ложная въ томъ одностороннемъ приложеніи, которое давали ей послѣдователи Кене. Она составляетъ поэтому и главную *заслугу* школы и главный *источникъ* ея *ошибокъ*: физіократы нашли истинный нервъ науки, но не умѣли воспользоваться своимъ открытіемъ. Въ стремленіи упростить и объединить различныя общественныя формы, они забыли необходимость разнообразія при переходѣ идеи въ дѣйствительный міръ. Отъ этого *бѣдность* положительнаго *содержанія* поразительна въ ихъ ученіи. Мы можемъ убѣдиться въ томъ изъ разсмотрѣнія практическихъ выводовъ, сдѣланныхъ ими для руководства государственной практики. Въ нихъ мы встрѣчаемъ только отрицательныя

правила, заключающіяся въ одной мысли: *не мѣшать*. Частному произволу предоставляется все—и на долю общественной власти остается санкція происшедшаго, тогда какъ законы природы, на которые физіократія справедливо указала, какъ на источникъ всѣхъ явленій дѣйствительнаго міра, уже потому самому не исключаютъ собою права вмѣшательства власти.—Вотъ одна изъ главныхъ ошибокъ ихъ ученія, обличающая односторонность взгляда; но кромѣ того есть и другая: она заключается въ признаніи способности производства землѣ и одному классу земледѣльцевъ. Выше мы видѣли справедливое замѣчаніе Верри противъ этого положенія, замѣчаніе тѣмъ болѣе для насъ драгоцѣнное, что оно основано на тѣхъ самыхъ началахъ, которыя признаются физіократіей. Школа Адама Смита, выходя изъ другой исходной точки, показала также неосновательность его. Считая излишнимъ по этому опровергать его вполнѣ, мы замѣтимъ, что даже признаніе производительности земли не давало еще права Кене и его послѣдователямъ, требовать подати единственно съ землевладѣльцевъ, ибо *владѣніе* землею, представляя право *пользованія* произведеніями земли, *не представляетъ* еще права *исключительнаго* пользованія ими. Землевладѣльцы раздѣляютъ его съ другими классами народа, безъ чего невозможно было бы никакое производство. Что касается до производительности, то по духу ученія Кене ни одинъ классъ народа не могъ быть названъ производительнымъ: *производитъ земля*,* а *человѣкъ* только *пользуется ея произведеніями*. Если же назвать самое пользованіе—производительностію, то нѣтъ логической необходимости какой-бы ни было классъ народа называть непроизводительнымъ: всѣ потребители пользуются земными произведеніями (способъ пріобрѣтенія права на это пользованіе не можетъ входить здѣсь въ расчетъ; иначе физіократы должны бы признать производительность труда). — Вотъ главная логическая непослѣдовательность ученія физіократическаго: она составляетъ слабую его сторону и источникъ многихъ ошибокъ.

Тѣмъ не менѣе ученіе о производительности земледѣльческаго класса и объ единственной подати не лишено важнаго историческаго значенія и для насъ имѣетъ высокую цѣну, какъ фактъ, опредѣляющій собою *характеръ* физіократіи. Оно указываетъ

---

* По смыслу, придаваемому Кене слову: произведеніе (production), онъ совершенно правъ, признавая его только за землею.—Его *чистой доходъ* (produit nêt), этотъ матеріальный излишекъ произведеннаго надъ затраченнымъ для производства, *не* можетъ быть *disponible*, такъ какъ онъ представляетъ съ своей стороны не болѣе, какъ будущую затрату же производства, т. е. издержки на содержаніе и матеріалъ труда.

намъ, что Кене въ производствѣ провидѣлъ не только — элементъ *владѣнія* *, но и участіе труда. Если мы сообразимъ съ этимъ тогдашнее состояніе общественнаго мнѣнія, то для насъ не будетъ удивительна та симпатія, которою избранная публика почтила появленіе его ученія: послѣдователи его являются истинными фанатиками и, — только въ его началахъ видя спасеніе общества отъ несчастій, постигшихъ его, — называютъ физіократію истиннымъ естественнымъ откровеніемъ и основателю школы даютъ имя — благодѣтеля человѣчества. Для насъ странно такое увлеченіе: живя при другомъ положеніи вещей и преслѣдуя другіе интересы, мы не можемъ сочувствовать такой безотчетной привязанности къ учителю, но можемъ понять ее, уразумѣвъ духъ вѣка. Главное стремленіе его можетъ быть выражено словомъ: *индивидуализмъ*; а этотъ индивидуализмъ преобладаетъ и въ ученіи Кене, хотя и скрывался въ немъ подъ формами, ему несвойственными.

Что ученіе Кене—по крайней мѣрѣ—въ его практическихъ заключеніяхъ— не было явленіемъ случайнымъ и отрывочнымъ, что его основная идея была жива прежде, чѣмъ была сознана *мыслителемъ* (penseur), въ этомъ отчасти мы могли убѣдиться изъ предъидущаго изложенія развитія Политической Экономіи въ Италіи (ср. Броджя, Дженовези, Верри); сочиненія Вобана (la dîme royale) и Буагильбера (Détail de la France), а въ особенности сочиненіе *Бандини* (Discorso economico, написанное 1737 г. *Cust.* P. M. I) могутъ намъ представить для того самыя убѣдительныя доказательства.

Саллюстій Антоній Бандини самостоятельно дошелъ до всѣхъ экономическихъ результатовъ, выраженныхъ школою, и по этому мы справедливо можемъ назвать его предтечею физіократовъ; правда — всѣ эти результаты высказаны имъ въ видѣ частныхъ мѣръ **, но въ основаніи каждой частной мысли автора лежитъ одна *общая* идея, которая не можетъ потому не имѣть значенія въ наукѣ. Послѣднее мы тѣмъ болѣе должны признать за Бандини, что заглавіемъ своего сочиненія онъ уже обозначаетъ *общій* характеръ его. Мысли, выраженныя Бандини, состоятъ въ слѣдующемъ: 1) *производительно*—одно только земледѣліе, 2) внутренняя и внѣшняя *торговля* должны быть *свободны*, 3) *подать*

---

* Отъ того идея права у него не неумѣстна.

** Предметъ его сочиненія составляетъ улучшеніе мареммы сіенской. Великій герцогъ тосканскій Петръ Леопольдъ въ послѣдствіи времени послѣдовалъ отчасти его совѣтамъ, и практика оправдала вполнѣ ихъ справедливость.

должна быть *одна* и падать на землю. Идея простоты и единства управленія, считаемыя физіократами однимъ изъ главныхъ условій процвѣтанія народнаго богатства, сознается также и Бандини, который идетъ даже нѣсколько далѣе: онъ требуетъ, чтобъ простота была въ самомъ изложеніи законовъ такъ, чтобъ эти законы »были понятны для пастуховъ и земледѣльцевъ. Нужно расширить сердце, позволивъ ему дышать волею, чтобы оно могло очиститься отъ зловредныхъ впечатлѣній, причиняемыхъ тяжелыми заботами о существованіи, лишенномъ всякаго покоя, и проводимомъ въ виду брошенной и невоздѣланной земли.«

Пользу свободы торговли онъ основываетъ на важности быстроты оборотовъ въ странѣ, о которыхъ онъ выражается такъ: »золото въ торговлѣ похоже на факелъ въ рукахъ дитяти; когда его обращаютъ быстро, то кажется будто этотъ факелъ образуетъ огненный кругъ; такъ точно золото, быстро переходя изъ рукъ въ руки, ослѣпляетъ глаза и—кажется—увеличивается само собою. Одинъ рубль, перешедшій сто разъ въ одинъ мѣсяцъ изъ рукъ въ руки, поддерживаетъ такую-же торговлю, какую могли бы поддерживать многіе рубли, переходя медленно, — и замѣняетъ сотню рублей, потому что доставляетъ ста человѣкамъ, дававшимъ его, все то, въ чемъ они нуждаются на цѣну рубля.«

Признавая хлѣбъ наиважнѣйшимъ произведеніемъ страны, онъ наиболѣе обращаетъ вниманіе на свободу *хлѣбной* торговли, считая запрещеніе вывоза хлѣба противологическимъ; по его мнѣнію — запрещать вывозъ значитъ — наносить вредъ себѣ, чтобъ другіе страдали отъ голода. Для доказательства того, что свобода хлѣбной торговли способствуетъ изобилію произведеній, онъ приводитъ примѣръ Англіи и Голландіи.

Отъ свободы торговли и зависящихъ оттого высокихъ цѣнъ на жизненные припасы (которыя онъ признаетъ полезными) зависитъ по его мнѣнію самое существованіе ремеслъ и мануфактуръ, потому что безъ этого не будетъ богатствъ, необходимыхъ для ихъ поддержки и оживленія (130).

Что же касается до цѣнъ, то онѣ по его мнѣнію опредѣляются потребностями и потребленіемъ. Мы видимъ, что онъ правильно понималъ одинъ только изъ элементовъ цѣны, другой — относительный достатокъ лицъ, ускользнулъ отъ его вниманія.

Защищая свободу хлѣбной торговли, онъ защищаетъ и *хлѣбныхъ торговцевъ*, страдавшихъ отъ невѣжественныхъ предразсудковъ почти въ такой же степени, какъ и ростовщики. Полная, неограниченная свобода ихъ торговыхъ дѣйствій — по его мнѣнію должна быть одною изъ заботъ правительства. Но глав-

ное попеченіе послѣдняго должно быть обращено на то, чтобы очистить государственное управленіе отъ ненужныхъ лицъ, своими дѣйствіями болѣе вредящихъ, нежели способствующихъ развитію страны.

Введеніе единственной подати онъ полагаетъ очень удобнымъ особенно посредствомъ одного пріема, именно посредствомъ приведенія доходовъ всякой общины, всякой волости или маркизата къ извѣстной опредѣленной цѣнѣ и позволенія плательщику, согласившись предварительно съ казной, внести ее *однимъ разомъ*.

Все стремленіе Бандини выражается въ слѣдующихъ словахъ его: »немного простыхъ законовъ, свобода торговли и вывоза, подати, которыя падали бы на богатаго и щадили бы бѣднаго работника, — вотъ въ немногихъ словахъ средства, могущія уменьшить бѣдность страны и способствовать процвѣтанію земледѣлія.«

Сочиненіе Бандини долго оставалось неизвѣстнымъ (оно напечатано 1775 г.); а потому не имѣло почти никакого вліянія на дальнѣйшій ходъ научныхъ понятій въ Италіи. Послѣдующіе физіократы въ этой странѣ черпають содержаніе своего ученія изъ сочиненій французскихъ экономистовъ; впрочемъ имѣютъ свою особенность, заключающуюся въ томъ, что у нихъ проявляется стремленіе дать въ системѣ мѣсто элементу *труда*, не понятому ближайшими послѣдователями Кене; это ставитъ ихъ гораздо ближе къ ученію Адама Смита и къ истинной точкѣ воззрѣнія на предметъ. Наисильнѣе такое стремленіе выразилось въ сочиненіи знаменитаго *Цезаря Беккаріи* (1735—93) *Elementi di economia pubblica* *, написанномъ живымъ, сильнымъ слогомъ и въ строгой системѣ. Этотъ писатель обращаетъ особенное вниманіе на трудъ и въ развитіи понятія о немъ стоитъ выше всѣхъ современниковъ въ своемъ отечествѣ. Онъ понималъ его значеніе и довольно отчетливо изложилъ главныя условія его *оцѣнки*. »Оцѣняя трудъ, — говоритъ онъ — нужно обращать вниманіе на *время*, употребляемое самимъ трудомъ, потому что пища составляетъ постоянную и періодическую потребность; нуж-

* Сочиненіе это составлено изъ лекцій, читанныхъ имъ въ бытность свою профессоромъ камеральныхъ наукъ въ Миланѣ (1768 г.). Оно неокончено: въ немъ онъ изложилъ вполнѣ свои мысли только о земледѣліи и промышленности, и отчасти о торговлѣ; кромѣ того онъ предполагалъ написать о податяхъ и правительствѣ. Беккарія, первый изъ Италіанцевъ, далъ научный тонъ изложенію Политической Экономіи, заключивъ ее въ свойственные ей предѣлы.

но также обращать вниманіе на время труда наинизшаго ремесла до самаго послѣдняго. Есть еще нѣсколько другихъ соображеній, которыя входятъ при оцѣнкѣ труда, какъ напр. большее или меньшее *количество* труда, и большее или меньшее *искусство*, которое при этомъ требуется; потомъ опасность и рискъ, которымъ подвергаются при такой работѣ или по причинѣ *ломкости суровья*, или по какому-нибудь внутреннему или внѣшнему *обстоятельству*, дѣлающему его *непріятнымъ* или *вреднымъ*.« Въ этихъ краткихъ выраженіяхъ вычислены почти всѣ главные пункты, на которые указываетъ намъ современная наука при опредѣленіи задѣльной платы: это цѣлая теорія заработка въ ея зародышѣ. Изъ требованія Беккаріи принимать въ разсчетъ при оцѣнкѣ труда *время* * наинизшаго ремесла мы можемъ заключить, что онъ также, какъ и большая часть современныхъ теоретиковъ, принималъ существованіе опредѣленнаго minimum заработка. Замѣтимъ, что это мнѣніе не находитъ подтвержденія въ практикѣ, какъ это справедливо замѣчено С. Робертомъ Пилемъ: законъ, дѣйствію котораго подчиняются различныя явленія заработка, — есть общій *законъ оборота*: т. е. отношеніе между запросомъ и предложеніемъ. — Со всѣми другими условіями цѣнности труда, представленными Беккаріей, мы не можемъ не согласиться: но послѣ такого вѣрнаго понятія объ одномъ изъ самыхъ трудныхъ пунктовъ теоріи труда чрезвычайно странно встрѣтить у него грубую ошибку физіократовъ въ раздѣленіи труда на производительный и непроизводительный. Непроизводительнымъ трудомъ онъ считаетъ всякій другой, кромѣ земледѣльческаго; *обработка* вещества по его мнѣнію— возвышаетъ его цѣнность только на цѣнность *издержекъ*, употребленныхъ на содержаніе работниковъ во время работы. Удивительно, какъ онъ не замѣчаетъ, что этимъ онъ противорѣчитъ предъидущему положенію: въ оцѣнкѣ труда онъ указалъ кромѣ продолжительности и количества его еще на *искусство* и *рискъ*, какъ моменты, обусловливающіе его цѣнность, а если цѣнность одного труда не всегда равна цѣнности другаго при одинаково-потребленной пищѣ, обусловливаясь и другими соображеніями, то и цѣнность самаго трудоваго плода, самой обработанной вещи — можетъ ли измѣряться одними издержками на работниковъ?

Въ вычисленіи заслугъ Беккаріи въ области нашей науки можно встрѣтить вмѣненіе ему открытія начала *раздѣленія труда*. Не имѣя нужды возвышать его болѣе, нежели сколько позволяетъ ученая критика, мы должны признаться, что это вмѣне-

---

* Терминъ: *время* у Беккаріи выражаетъ *издержки* на содержаніе работника во время работы.

ніе совершенно несправедливо и — можемъ убѣдиться въ этомъ изъ самаго мѣста, на которомъ основываютъ его славу. Вотъ оно: «всякій испыталъ на опытѣ, что если онъ прилагаетъ руку и вниманіе всегда къ одному и тому же роду занятія или произведенія, то въ слѣдствіе этого оно будетъ удобнѣе, обильнѣе и лучше, нежели, если бы каждый отдѣльно дѣлалъ всѣ вещи, ему необходимыя: такъ — одни пасутъ стада, другіе — чешутъ волну, третьи — ткутъ изъ нея сукна; этотъ воздѣлываетъ жита, тотъ — печетъ изъ нихъ хлѣбъ; другой дѣлаетъ платья, иной выдѣлываетъ орудія для земледѣльцевъ и ремесленниковъ: такъ-то умножаются, взаимно вяжутся другъ съ другомъ всѣ искусства, и люди раздѣляются для пользы общей и частной на нѣсколько классовъ или сословій.» Начала раздѣленія труда — по крайней мѣрѣ въ настоящемъ значеніи его — здѣсь даже нѣтъ въ зародышѣ, какъ это представляется намъ напр. у Смита: чтобы имѣть вѣсъ въ наукѣ и содѣйствовать выводу результатовъ изъ него, оно — по нашему мнѣнію — должно быть чисто отвлеченнымъ; тогда только оно можетъ имѣть научное приложеніе къ производству всякой вещи. Для него въ такой формѣ совершенно безразлично, есть ли производство плодъ человѣческаго труда, или дѣйствіе какой-нибудь машины. Какъ выраженіе частнаго закона природы оно должно указать намъ только на то отношеніе, которое существуетъ между быстротою исполненія и разложеніемъ труда на его элементы, а потому правильнѣе можетъ быть названо закономъ *упрощенія* или *разложенія труда*. У Беккаріи мы видимъ совершенно иное: онъ рисуетъ намъ только *картину образованія* различныхъ *сословій* и занятій безъ показанія непосредственныхъ слѣдствій того для производства и для благосостоянія народа; а въ этомъ не только не принадлежитъ ему честь открытія, а даже его изображеніе по силѣ и наглядности уступаетъ мѣсту подобнаго содержанія въ сочиненіи Платона (*Πολιτ. B.* 369. b).

Въ экономической практикѣ Беккарія мало отступаетъ отъ физіократовъ: какъ они, онъ вооружается противъ законовъ о ростѣ, а также противъ ввѣренныхъ завѣщаній (fideicommis), правъ первородства и mano morta т. е. подданства, кабалы, вѣчнаго права владѣнія, принадлежащаго духовнымъ и заведеніямъ богоугоднымъ, права наслѣдства по холопѣ и т. п. Онъ считаетъ ихъ учрежденіями, вредными для государства и препятствующими его благосостоянію. При томъ онъ полагаетъ, что наибольшая масса произведеній, а слѣд. и наибольшая возможность прокормленія народа можетъ быть только при обработкѣ земли въ *большихъ участкахъ*, и думаетъ, что такая обработка произойдетъ сама собою при свободной торговлѣ хлѣбомъ и высокихъ цѣнахъ на послѣдній; потому что дробленіе земли на мелкіе участки не помѣшаетъ тому, что нѣсколько участковъ будутъ отдаваемы въ кор-

тому одному фермеру, или продаваемы одному капиталисту. Экономическій опытъ не вполнѣ оправдываетъ послѣднее предположеніе его: свобода хлѣбной торговли и высокія цѣны на хлѣбъ сами по себѣ не въ состояніи произвести тѣхъ экономическихъ явленій, которыхъ онъ ожидаетъ; но заслуга его въ наукѣ состоитъ въ томъ, что онъ указалъ правильный выходъ изъ безконечнаго спора одностороннихъ защитниковъ большой и малой собственности — въ *добровольномъ соединеніи участковъ*, принадлежащихъ разнымъ владѣльцамъ, для общей одновременной обработки ихъ.

Разногласіе съ господствующимъ мнѣніемъ физіократовъ открывается у Беккаріи въ рѣшеніи одного только вопроса: вопроса о *внѣшней* торговлѣ хлѣбомъ. Онъ не видитъ въ немъ той важности, какую приписывали ему другіе, и полагаетъ, что на счетъ ея нельзя положить никакого опредѣленнаго правила, и что все зависитъ отъ обстоятельствъ въ данный моментъ времени; а потому допускаетъ временное ограниченіе ея; слѣд. въ этомъ частномъ случаѣ онъ раздѣляетъ мнѣніе Карли, Караччіоли, Гальяни и другихъ *.

Но въ то время, когда Беккарія удалился отъ физіократовъ въ этомъ пунктѣ, жаркимъ защитникомъ ихъ явился тосканскій священникъ *Фердинандъ Паолетти* (1717—1801), человѣкъ, одушевленный истинною любовію къ людямъ, которымъ посвящена была вся тихая жизнь его **. Свобода хлѣбной торговли со-

---

* Кромѣ этого неконченнаго систематическаго сочиненія по части Политической Экономіи, Беккарія написалъ еще два спеціальныя сочиненія, относящіяся отчасти къ области нашей науки. Первое: *Del disordine e dei rimedi delle monete etc. 1762 второе: Della riduzione delle misure di lunghezza all' uniformità per lo stato di Milano* (*Cust. P. M. XII*). *1780.* Въ первомъ онъ между прочимъ возстаетъ противъ произвола правительства въ опредѣленіи цѣнности монеты и предлагаетъ Консультѣ ломбардской десятичное дѣленіе, какъ самое естественное, неизмѣнное и вѣчное. Кромѣ того есть еще его *рѣчь о торговлѣ и публичной администраціи.* (Discours sur le commerce et l'administration publique, trad. par *Comparet.* Lausanne et P., 1769. in 8).

** Онъ находился въ постоянной перепискѣ съ знаменитѣйшими французскими экономистами, какъ-то: съ Мирабо, Мелономъ и др., вліянія которыхъ нельзя не замѣтить въ его сочиненіяхъ. Ихъ два, для насъ особенно важно — позднѣйшее изъ нихъ — *I veri mezzi di render felici le società. Cust. P. M. XX*, потому что въ этомъ небольшомъ трактатѣ, имѣющемъ предметомъ защиту свободной торговли, мы находимъ тѣ тео-

ставляетъ его любимую мечту, его единственную заботу; отъ нея онъ ожидаетъ уничтоженія всѣхъ золъ въ экономическомъ мірѣ и упроченія народнаго благосостоянія. Истину эту онъ почитаетъ непреложною въ родѣ геометрическихъ положеній; и возставать противъ нея значитъ — по его мнѣнію — возставать противъ Провидѣнія, мудро распорядившаго все для удовлетворенія человѣческихъ потребностей. Земледѣліе требуетъ только надзора, а не управленія. Свобода торговли необходимо полезна и для продавцевъ и для покупателей, увеличивая и запросъ и предложеніе. Замѣчательно также одно изъ полезныхъ слѣдствій, которое Паолетти приписываетъ свободной торговлѣ: онъ полагаетъ, что она привлекаетъ *деньги* въ страну, а деньги способствуютъ увеличенію народонаселенія. Такое положеніе, обличающее незнаніе истинной природы и денегъ и населенія, можно назвать послѣднею данью, заплаченною новою наукою меркантильному ученію.

Систему стѣсненія хлѣбной торговли онъ приписываетъ первоначально Римлянамъ, полагая, что позднѣйшіе народы увлечены на этотъ ложный путь слѣпымъ подражаніемъ. Для доказательства справедливости своего положенія Паолетти истощается въ безчисленныхъ доводахъ, имѣющихъ чисто софистическую форму. Доводы эти далеко не убѣдительны въ смыслѣ экономическомъ, такъ какъ они выведены изъ идеи родственной ученію физіократовъ, но совершенно чуждой области истинной Политической Экономіи, именно — *идеи права*. Замѣтимъ при этомъ особенность развитія физіократическаго ученія въ Италіи, которую мы не смѣемъ назвать случайностію, но причина которой тѣмъ не менѣе остается непонятною, — именно,— что эта идея мало по малу выходитъ на первый планъ и наконецъ заслоняетъ собою совершенно чисто-экономическое содержаніе, такъ, что послѣднее въ физіократической формѣ своей не могло пустить корней на почвѣ италіянской литтературы.

Идея права принимается у Паолетти въ частномъ проявленіи его, именно: правѣ собственности, тождественномъ по его понятію съ правомъ *свободнаго* пользованія принадлежащею вещію. Изъ развитія его онъ старался доказать незаконность стѣсненій въ торговлѣ, которая у него есть только одинъ изъ видовъ пользованія правами собственности, — частное употребленіе ихъ; и такъ какъ послѣднія не могутъ существовать безъ свободы, то въ са-

---

ретическія положенія, которыя служили основой для болѣе частныхъ приложеній, изложенныхъ въ другомъ сочиненіи его: *Estratto de' pensieri sopra l'agricoltura*.

мой природѣ торговли лежитъ, чтобы она была *всегда свободна* и ничѣмъ не ограничиваема; и случаи, въ которыхъ требовала бы ихъ стѣсненія государственная нужда, онъ подвергаетъ большому сомнѣнію. Очевидно, что такая точка зрѣнія не могла его привести къ правильному экономическому взгляду на предметъ.

Вообще вся теорія Политической Экономіи — какъ мы можемъ извлечь ее изъ отдѣльныхъ мѣстъ его сочиненія, — была понята имъ чрезвычайно поверхностно, даже если сообразимъ его съ современниками. — Земля у него сама по себѣ - есть *единственный* и при томъ неистощимый источникъ богатства, и изъ этого заблужденія не выводитъ его даже тотъ фактъ, о которомъ упоминаетъ онъ самъ, именно, что для обработки земли *необходимо* извѣстное *состояніе* (капиталъ). Все, что онъ съумѣлъ вывесть изъ послѣдняго условія, есть то положеніе, что богатство производитъ богатство. Естественно послѣ этого, что онъ не замѣчаетъ производительной силы мануфактуръ, и въ увеличенной ими цѣнности произведенія видитъ только издержки на его обработку, и иногда процентъ съ капитала и барышъ промышленника. Все здѣсь по его мнѣнію клонится только къ частной выгодѣ, и не приноситъ непосредственно пользы обществу. Это впрочемъ не мѣшаетъ ему признать ихъ очень выгодными для государства, но выгоду эту онъ ставитъ гораздо ниже выгоды отъ земледѣлія. Какимъ образомъ они могутъ быть *выгодными* для государства, если *не приносятъ непосредственно пользы* обществу, — этого онъ не рѣшаетъ.

Цѣну онъ считаетъ понятіемъ совершенно относительнымъ, опредѣляемымъ *людьми* и изобиліемъ *вещей*. Она низка, гдѣ мало людей, а много вещей, и высока, гдѣ случается на оборотъ. Если строго принять его выраженіе, то это понятіе представится намъ нетолько ложнымъ, но совершенно нелѣпымъ. Причина въ томъ, что онъ упустилъ изъ виду: а) желаніе людей, б) ихъ средства. Одно количественное отношеніе людей къ вещамъ — не имѣетъ никакого вліянія на цѣну. Вѣроятно — онъ разумѣлъ здѣсь отношеніе запроса къ предложенію: но не умѣлъ выразить этого точнымъ образомъ. — При его же способѣ выраженія — является непонятнымъ его разложеніе конкретной цѣны на ея составныя части.

Въ составѣ цѣны выдѣланнаго товара онъ отличаетъ *три* цѣны: цѣну суровья, цѣну заработка и т. под. и наконецъ совершенно произвольную цѣну, опредѣляемую модой. Современное состояніе теоріи цѣны, совершенно удовлетворительное въ общихъ чертахъ своихъ, избавляетъ насъ отъ подробнаго разбора этого положенія. Въ слѣдствіе его неправильности Паолетти без-

престанно ошибается въ сужденіяхъ объ экономическихъ явленіяхъ. Такъ онъ полагаетъ безъусловно-выгоднымъ для страны, если цѣны жизненныхъ припасовъ стоятъ очень высоко, — и низкія цѣны ихъ по его мнѣнію вредятъ земледѣлію и народной торговлѣ. — Это положеніе не можетъ быть соглашено съ его же объясненіемъ причины возвышенія и упадка цѣны, приведеннымъ нами выше, — по крайней мѣрѣ онъ не могъ признать пользы высокихъ цѣнъ въ интересѣ народнаго благосостоянія, ибо это указывало бы на несоразмѣрность между населеніемъ и жизненными припасами, будучи признакомъ того, что въ странѣ людей — много, а хлѣба — мало. Гораздо справедливѣе онъ полагаетъ, что колебаніе цѣнъ *вредно*, хотя ошибается думая, что одна свобода торговли достаточна для его уничтоженія; кромѣ того для сего нужно—удовлетворительное состояніе путей сообщенія и правильное раздѣленіе народнаго богатства.

Обращая вниманіе на то, кому наиболѣе вредятъ низкія цѣны хлѣба, Паолетти рѣшаетъ, что наиболѣе страдаетъ отъ этого низшій классъ народа, потому что заработокъ обусловливается цѣною жизненныхъ припасовъ. Въ подтвержденіе этого онъ приводитъ авторитетъ Бертрана; но потомъ самъ замѣчаетъ, что иногда задѣльная плата *не увеличивается* при повышеніи цѣнъ на хлѣбъ, и приписываетъ это отсутствію свободы хлѣбной торговли, хотя причина лежитъ въ другомъ, именно—въ отношеніи накопленнаго труда (капитала) къ труду дѣйствующему, и обоихъ — ко владѣнію. Ошибка эта попадается еще и теперь въ сочиненіяхъ политико-экономовъ, увлекающихся симпатіей къ настоящему до такой степени, что въ немъ видятъ *идеалъ* экономическаго устройства (ср. стр. 75).

Государственную законодательную власть Паолетти устраняетъ отъ всякаго вмѣшательства въ экономическія дѣйствія гражданъ и ограничиваетъ только стараніемъ объ улучшеніи средствъ сообщенія, желаемомъ имъ въ видахъ успѣховъ земледѣлія. Ихъ—вмѣстѣ съ отличіемъ, почетомъ земледѣльцевъ, почитаетъ достаточными для поднятія земледѣлія. Съ этою же цѣлію онъ хвалитъ агрономическія общества. Желая улучшенія земледѣлія онъ заботится также объ улучшеніи участи крестьянъ, угнетаемыхъ высшими. Замѣчательно, что между причинами ихъ разоренія, которыя ему извѣстны были вполнѣ, онъ ставитъ также щедрость, съ которою они удѣляютъ отъ своего имущества нищенствующей братіи и непомѣрную роскошь (?). Противъ послѣдней — исключительно для крестьянскаго сословія онъ требуетъ запретительныхъ законовъ; объясняя видимое противорѣчіе между требованіемъ —свободы съ одной стороны и принужденія съ другой, — различіемъ самыхъ явленій физическаго и нрав-

ственнаго міра, изъ которыхъ первыя—по его мнѣнію—слѣдуютъ законамъ, намъ неподвластнымъ, а вторыя находятся въ нашей волѣ; хотя каждая государственная мѣра столько же входитъ въ область міра физическаго, сколько и нравственнаго. Изъ этого же положенія мы можемъ заключить, что онъ имѣлъ совершенно ложное понятіе о роскоши, принимая удобства, къ которымъ стремится поселянинъ въ слѣдствіе большаго своего развитія, за признакъ роскоши.

Симпатія его къ поселянамъ впрочемъ не мѣшаетъ ему гремѣть противъ городскихъ ремесленниковъ. Вообще города онъ считаетъ центромъ, куда стекаются негодяи. Для уменьшенія этого наплыва и уничтоженія лѣности онъ почитаетъ достаточнымъ заведеніе зарабочихъ домовъ и предпринятіе общественныхъ работъ. Всѣ эти мнѣнія выражены имъ догматически и представляютъ болѣе его вѣрованія, нежели убѣжденія; а потому опровергать ихъ—намъ нѣтъ никакой возможности.

Преемникомъ Паолетти въ развитіи физіократіи въ Италіи былъ современникъ его—*Филянджіери;* но прежде, нежели мы перейдемъ къ изложенію его положеній, скажемъ нѣсколько словъ о писателѣ, по главному взгляду на предметъ очень близко подходящемъ къ Паолетти и имѣвшемъ въ виду въ своемъ сочиненіи, кажется преимущественно его. Я говорю о *Джянбатистѣ Герардо Д'Арко* *.

Во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ Д'Арко становится на чисто юридическую точку воззрѣнія, разсуждаетъ болѣе о правѣ, нежели о *выгодѣ* экономическихъ мѣръ. Такъ въ одномъ изъ своихъ разсужденій, говоря объ ограниченіи торговли хлѣбомъ, онъ развиваетъ мысль свою изъ слѣдующихъ положеній: 1) что собственники имѣютъ право на произведенія своей земли; 2) невладѣ-

* Д'Арко (1739-91) оставилъ много сочиненій о разныхъ предметахъ. Изъ сочиненій политико-экономическаго содержанія могутъ быть названы слѣдующія: *Dell'armonia politico-economica tra la città e il suo territorio.—Dell'annona* 8. (Cust. P. M. XXX).—*Dell'influenza del commercio sopra i talenti e i costumi, 8.—Del diritto ai transiti. 8.* (Ibid. XXXI) и *Dell'influenza del spirito del commercio sulla economia interna de' popoli e sulla prosperità degli stati.* Первыя два сочиненія его считаются лучшими; слабѣе же всѣхъ *Riposta al quesito: se in uno stato di terreno fertile favvorir debbasi maggioramente l'estrazione delle materie prime, ovvero quelle delle manifatture.* 1779. 8. (Cust. P. M. XXXI). Вопросъ этотъ предложенъ былъ мантуанскою Академіей и Д'Арко конкуррировалъ съ Скоттони, сочиненіе котораго признано лучшимъ (см. ниже).

ющіе поземельною собственностію имѣютъ право на излишекъ собственника, и 3) на него же имѣетъ право правительство, которое по этому можетъ и запретить вывозъ, если видитъ въ этомъ пользу. Въ слѣдствіе этихъ началъ его, естественно дальнѣйшіе выводы представляютъ много сбивчиваго, такъ какъ различныя права эти необходимо должны сталкиваться на практикѣ.

Также недостаточно вѣрны и его теоретическія воззрѣнія; цѣнность вещи напр. онъ полагаетъ зависящею отъ *цѣны*, въ которой онъ отличаетъ *два вида*, естественный, происходящій отъ разныхъ обстоятельствъ, и другой, происходящій въ слѣдствіе участія въ продажѣ и куплѣ посредствующихъ лицъ — торгашей, — мнѣніе, напоминающее положеніе Карли (см. выше). Заработокъ по его мнѣнію объусловливается цѣною на хлѣбъ (ср. Паолетти) и проч.; равновѣсіе между городскими и сельскими жителями можетъ быть поддержано правительствомъ и т. п. Всѣ эти мысли выражены имъ безъ всякихъ доводовъ, а потому, — признавая ихъ ложными, мы однако не почитаемъ нужнымъ опровергать ихъ, тѣмъ болѣе, что выше мы имѣли случай высказать наше мнѣніе касательно этихъ предметовъ.

Что касается до главной цѣли его сочиненія, именно рѣшенія, должно ли стѣснять вывозъ хлѣба, то, сдѣлавши сперва различіе между свободою торговли, имъ признаваемою, и которая у него обща съ Дженовези и друг., и свободою вывоза, онъ признается, что требованіе послѣдней очень логично, но въ тоже время не всегда можетъ быть удовлетворено; она — по его мнѣнію можетъ существоватъ только въ тѣхъ государствахъ, которыя производятъ съ излишкомъ, — такъ какъ временныя запрещенія допустить можно въ странахъ, добывающихъ не болѣе необходимаго. Страны же бѣдныя произведеніями земли должны держаться системы магазиновъ. Изъ этого видно, какое неправильное понятіе имѣлъ онъ о производствѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ мало вникнулъ онъ въ предметъ: запрещенія онъ допускаетъ въ странѣ, производящей неболѣе необходимаго, т. е. гдѣ предложеніе равно запросу; но ясно, что при такомъ состояніи страны запрещеніе совершенно безполезно; ибо и безъ того вывоза не можетъ быть: вывозъ необходимо предполагаетъ излишекъ отъ внутренняго потребленія, а его тамъ нѣтъ. Что же касается до магазиновъ, которые онъ совѣтуетъ заводить въ странахъ бѣдныхъ хлѣбомъ, то такое мнѣніе особливо при эпитетахъ, которыя онъ даетъ системѣ магазиновъ, предполагаетъ съ его стороны даже недобросовѣстность и скорѣе шутку, нежели серьезный совѣтъ: магазины сами по себѣ предполагаютъ изобиліе хлѣба въ странѣ, но въ странѣ безплодной, откуда можетъ взяться такое изобиліе?«

Юридическое направленіе, преобладавшее у Д'Арко, силившагося съ точки зрѣнія права рѣшить экономическіе вопросы, является господствующимъ у знаменитаго Неаполитанца *Гаэтана Филянджіери*, который впрочемъ и поставлялъ цѣлію только изслѣдованіе экономическихъ законовъ съ ихъ юридической стороны. Во 2-й книгѣ своего сочиненія: *Della legislazione. Nap. 1780—1785. 8*—онъ обсуживаетъ экономическіе законы (leggi economiche), дѣйствующіе въ государствѣ, языкомъ, исполненнымъ чувства и жизни. Не смотря однако на увлекательную силу его краснорѣчія и огромную ученость, проявляющуюся у него, трудно не замѣтить бѣдности содержанія со стороны экономической и поверхностнаго взгляда.—Если мы сравнимъ систему экономическихъ мнѣній его съ мнѣніями другихъ физіократовъ, то мы увидимъ въ немъ ту особенность, что частный интересъ онъ подчиняетъ общему, полагая обязанностію философа, какъ онъ любитъ называть себя, вооружаться при каждомъ удобномъ случаѣ противъ него (фр. пер. стр. 239), какъ противъ главнаго препятствія экономическимъ улучшеніямъ. Онъ не замѣчаетъ, что этотъ частный интересъ не болѣе, какъ интересъ *меньшинства*, и что его *общій интересъ* есть не болѣе, какъ частный же интересъ большинства.

Порядокъ, которому онъ слѣдовалъ при изложеніи своихъ мыслей, отличается большою послѣдовательностію: разсматривая экономическіе законы, онъ смотритъ на ихъ предметъ, цѣль,—отдѣльно отъ ихъ содержанія, и послѣ краткаго историческаго очерка каждаго разряда законовъ и показанія главной задачи ихъ, указываетъ на препятствія къ достиженію цѣли ихъ при тогдашнемъ общественномъ устройствѣ, и на средства, которыми могутъ быть удалены эти препятствія. Разсматривая всю область экономическихъ законовъ, онъ видитъ въ нихъ два главные предмета: *народонаселеніе* и *богатство*, »Увеличеніе того и другаго—говоритъ онъ—составляло всегда главное стремленіе всѣхъ системъ законодательства, но всѣ они въ своихъ мѣрахъ шли прямо противъ своей цѣли и имѣютъ нужду въ логическомъ направленіи.« Оставляя безъ вниманія все постороннее частному предмету нашихъ изслѣдованій, мы только постараемся изъ разныхъ мѣстъ его сочиненія извлечь его теоретическій взглядъ на оба эти предмета и изложить его въ томъ порядкѣ, которому мы слѣдовали при другихъ писателяхъ, т. е. разберемъ сперва его мнѣнія о богатствѣ, а потомъ о народонаселеніи; такимъ образомъ мы получимъ его взглядъ на *богатство* и на *благосостояніе*.

Истиннымъ и главнымъ источникомъ богатства — онъ признаетъ земледѣліе, въ слѣдствіе такого страннаго умозаключенія: »земледѣліе, ремесла и торговля, вотъ *три* главные *источни-*

ки богатства. Земледѣліе доставляетъ намъ произведенія земли; посредствомъ ремеслъ увеличиваютъ ихъ цѣнность, распространяютъ ихъ употребленіе, и усиливаютъ ихъ потребленіе; посредствомъ торговли ихъ вымѣниваютъ, перевозятъ съ мѣста на мѣсто, и такимъ образомъ *сообщаютъ имъ новую цѣнность*. Первое—даетъ вещество; вторыя — формы; третья—движеніе. Безъ формы (?) и безъ движенія можно имѣть вещество, но безъ вещества не можетъ существовать ни форма, ни движеніе; откуда мы должны заключить, что главный и даже *единственный источникъ* богатства есть —земледѣліе.« (103). Мы видимъ, что онъ, ставши сперва на справедливую точку воззрѣнія въ слѣдствіе неправильнаго понимапія выраженія *богатство* — сбился съ истиннаго пути и пришелъ къ ложному заключенію, забывъ, что матерія можетъ составлять богатство только при свойствѣ *цѣнности* ея, а эта цѣнность какъ онъ самъ могъ ясно видѣть— дается *не землею*.

Поставивши такимъ образомъ земледѣліе выше другихъ занятій, онъ признаетъ за нимъ въ системѣ Политической Экономіи, которая у него, какъ и у многихъ другихъ писателей, не болѣе, какъ государственное хозяйство, — первое мѣсто, назначая ремесламъ—второе (170). На него онъ обращаетъ особенное вниманіе и съ чрезвычайнымъ жаромъ вооружается противъ тѣхъ препятствій, которыя лежатъ ему на пути къ совершенству. Такими препятствіями онъ считаетъ различныя средневѣковыя учрежденія, причисляя къ нимъ adscriptio glebae (134), церковныя десятины (136) и т. п. Величіе и населенность столицъ онъ почитаетъ также чрезвычайно вреднымъ для земледѣлія (гл. XIV). Онъ думаетъ, что онѣ отвлекаютъ отъ земледѣлія капиталы и руки, забывая при этомъ тотъ фактъ, который онъ самъ упоминаетъ почти въ началѣ книги, что земля *наилучше воздѣлана* преимущественно вблизи столицъ и большихъ городовъ. Разныя мѣры для удаленія этихъ препятствій, равно какъ поощреніе земледѣльцевъ особымъ знакомъ отличія (гл. XV), слишкомъ частны для того, чтобы войти въ наше изложеніе. Окончательный результатъ его—есть предоставленіе земледѣльцу въ пожизненномъ распоряженіи его собственностію — возможно большей свободы: это заключеніе ни мало не вытекаетъ изъ его посылокъ. Хотя учрежденія, на которыя онъ указываетъ — дѣйствительно вредны, все таки изъ этого не слѣдуетъ, что *всѣ* стѣснительныя учрежденія вредны; для успѣховъ же земледѣлія, кромѣ свободы необходимы *капиталъ* и *знанія*, которыя, обусловливаясь свободой, не происходятъ отъ нея непосредственно.

Полной свободы онъ требуетъ то же и для ремеслъ (182), полагая, что конкуренція болѣе всего можетъ содѣйствовать ихъ

развитію и что цехи и т. п. учрежденія, ограничивая ее, наиболѣе вредятъ успѣхамъ промышленности (178). Не всѣ ремесла впрочемъ онъ считаетъ равно полезными для государства: пользу ихъ онъ измѣряетъ количествомъ потребленнаго на нихъ туземнаго матеріала, приходя къ этому путемъ не логическаго мышленія, не свободнаго отъ вліянія меркантилизма * (172). Это послѣднее положеніе само собою ослабляетъ предъидущее, особливо при томъ понятіи, которое онъ имѣлъ о противоположности частнаго интереса общему: если дѣйствительно *только нѣкоторыя* ремесла *полезны* для государства, то ясно, что оно должно стараться объ усиленіи ихъ и препятствовать развитію тѣхъ ремеслъ, которыя для него *вредны*. Разумѣется въ интересѣ производства его требованіе полной свободы промышленности совершенно справедливо; но интересъ государственный, который онъ имѣлъ преимущественно въ виду, не всегда совпадаетъ съ интересомъ производства.

Вліянія заработка на цѣну и сбытъ мануфактурныхъ произведеній онъ совершенно не замѣчаетъ, и вообще на работниковъ и въ особенности на слугъ, называемыхъ имъ *жалкими* поденьщиками, онъ смотритъ чрезвычайно невыгодно (32, 149). Это впрочемъ не мѣшало ему, подмѣтить то, что задѣльная плата зависитъ не только отъ запроса и предложенія, но отъ большей или меньшей состоятельности рабочаго класса (298, 347); недостатокъ состоитъ въ томъ, что онъ не видѣлъ, что эта состоятельность рабочаго класса входитъ, какъ одно изъ условій, въ предложеніе труда.

Отъ его вниманія не ускользнула также притягательная сила денежныхъ капиталовъ (339); деньги онъ сравниваетъ съ кровью въ тѣлѣ (144) и излишнее количество ихъ въ государствѣ почитаетъ вреднымъ, потому что оно производитъ упадокъ цѣнности металла и даже разореніе, отъ котораго можетъ спасти только свободная внѣшняя торговля (367).

Эта внѣшняя торговля не для всякой страны — по его мнѣнію — прилична въ каждой своей формѣ: такъ онъ старается доказать, что для страны плодоносной и изобильной прилична торговля собственными произведеніями, для страны, имѣющей почву мало плодородную, торговля экономіи или транспортная (гл. XVIII); но въ томъ и другомъ случаѣ онъ требуетъ полной

* Онъ представляетъ двѣ работы, каждую доставляющую 1000 р. барыша, то при потребленіи грубаго матеріала на 10 и на 1000, онъ почитаетъ выгоднѣе послѣдній (т. е. доставляющій 100 пр. противъ 10,000 пр.); ибо онъ при вывозѣ доставитъ 2000 вмѣсто 1010!

свободы (229, 289), полагая систему таможенную убійственною для нея во всѣхъ отношеніяхъ (297). Начала этой системы онъ ищетъ въ торговой зависти народовъ, этомъ главномъ препятствіи ихъ процвѣтанію. »*Ingerirsi quanto meno si può: lasciar quanto più si può*« вотъ девизъ, который онъ предлагаетъ правительству. Не меньшимъ зломъ для торговли онъ считаетъ современную ему колоніальную систему и злоумышленныя банкротства (гл. XIX — XXVI).

Для поднятія внутренней торговли, важность которой онъ понималъ и цѣнилъ, главнымъ средствомъ Филянджіери считаетъ—улучшеніе средствъ сообщенія (XXVI). »Сближьте людей, говоритъ онъ, и вы сдѣлаете ихъ промышленными и дѣятельными. Раздѣлите ихъ—и вы изъ нихъ сдѣлаете дикихъ, не способныхъ даже возвыситься до понятія о своей способности къ усовершенію.« (263, 4.)

На торговлю онъ смотрѣлъ между прочимъ, какъ на средство къ болѣе правильному распредѣленію богатства между членами государства, въ которомъ существуетъ излишнее неравенство имуществъ (339): мнѣніе справедливое только отчасти: торговля дѣйствительно способствуетъ распредѣленію богатства; но это распредѣленіе совершается не сообразно потребностямъ жителей, а сообразно ихъ относительному достатку, и если мы сообразимъ при этомъ притягательную силу капиталовъ, то убѣдимся, что къ равенству или уравненію имуществъ торговля вести *не можетъ*; напротивъ того она способствуетъ ихъ неравенству. Филянджіери, не замѣтивъ этого и полагая несомнѣнною истиною свое мнѣніе о дѣйствіяхъ торговли, — на основаніи его принимаетъ подъ свою защиту — *роскошь*, побуждающую богатаго къ пріобрѣтенію разнообразныхъ вещей отъ промышленника. Онъ доказываетъ ея пользу, не дѣлая въ этомъ случаѣ большой разницы между положительною и страдательною роскошью (ср. Дженовези). Вредъ, который обыкновенно приписываютъ ей, онъ приписываетъ болѣе дурнымъ нравамъ, съ чѣмъ нельзя не согласиться; къ несчастію Филянджіери не указалъ отношенія, существующаго между послѣдними и первою (Гл. XXXVI, XXXVIII). Все это впрочемъ не мѣшаетъ ему совѣтовать введеніе законовъ противъ роскоши для купеческаго сословія, которые бы имѣли силу при банкротствѣ торговца, — какъ мѣру для отвращенія этого зла (259), не замѣчая всей ея слабости и неудобоисполнимости.

Въ вопросѣ *о народонаселеніи* онъ постоянно выходитъ изъ того положенія, что оно обусловливается средствами пропитанія, несправедливо разумѣя подъ послѣдними исключительно произведенія *собственнаго* земледѣлія (27, 29, 30, 286 и др.). Очень

естественно поэтому, что кромѣ общественной невоздержности (Гл. VI) онъ видитъ препятствія къ умноженію народонаселенія въ распредѣленіи поземельной собственности, именно въ ограниченіи законами числа владѣльцевъ посредствомъ феодальнаго права (Гл. III.) и неприкосновенности помѣстій, принадлежащихъ духовенству (Гл. IV). Эти же самыя препятствія по его мнѣнію мѣшаютъ и успѣхамъ народнаго благосостоянія (340); и ихъ удаленіе произведетъ необходимо увеличеніе массы произведеній; хотя впрочемъ онъ не объясняетъ, какимъ образомъ это увеличеніе произведеній причинитъ увеличеніе благосостоянія, если пропорціонально съ ними умножится и народонаселеніе, какъ это онъ безспорно принимаетъ?

Въ числѣ препятствій народонаселенія онъ считаетъ также постоянныя войска (V), такъ какъ они влекутъ за собою увеличеніе податей. Число и нераціональность послѣднихъ лишаютъ народъ всѣхъ выгодъ, которыми онъ долженъ былъ бы пользоваться при хорошемъ употребленіи ихъ. Наиболѣе онъ возстаетъ противъ тѣхъ податей, въ которыхъ по ихъ природѣ (281, 5) неизбѣженъ произволъ въ распредѣленіи и которыя допускаютъ неравномѣрность пожертвованій, требуемыхъ отъ гражданъ. Не избѣгаетъ его хулы и подать на иностранныя произведенія (288); при семъ онъ сильно вооружается противъ протекціонистовъ и мимоходомъ выражаетъ свои понятія о торговлѣ. «Развѣ до сихъ поръ,—говоритъ онъ своимъ противникамъ,—вы не почувствовали всей обманчивости вашихъ началъ? развѣ вы не знаете, что чѣмъ меньше вамъ продаютъ, тѣмъ меньше и покупаютъ у васъ; что торговля отдаетъ соразмѣрно тому, сколько получаетъ; что она не болѣе, какъ мѣна цѣнности на цѣнность, и наконецъ, что у народа, который бы достигъ того, чтобы ничего не покупать у другихъ народовъ, а всегда продавать имъ, торговля, ремесла и фабрики пришли бы въ совершенный упадокъ въ слѣдствіе излишняго умноженія денегъ, которые, поднявши въ цѣнѣ жизненные припасы и заработки, лишили бы его возможности выдержать соперничество съ торговлей другихъ народовъ, и заставили бы его членовъ предпочитать потребленіе жизненныхъ припасовъ и товаровъ иностранныхъ, потому что они предлагаемы бы были имъ за цѣну болѣе дешевую, нежели туземныя? желать обогатить народъ средствами такого рода — значитъ осудить его на вѣчную нищету.» (291.)

Но не только разнохарактерныя подати не пользуются его уваженіемъ, даже обыкновенная десятина съ земныхъ произведеній отвергается имъ, какъ несправедливая и неровная по распредѣленію. Податью вѣрною онъ признаетъ одну прямую по-

дать физіократовъ, которая бы взималась съ *чистаго дохода*, несправедливо почитая все, что платится арендаторомъ помѣщику за чистый доходъ. Практическое средство для узнанія его онъ видитъ поэтому въ арендныхъ договорахъ на извѣстное имѣніе или на смежныя съ нимъ. Для защиты этой подати онъ употребляетъ всѣ силы своего ума и краснорѣчія, но не приводитъ того доказательства, которое одно только въ этомъ случаѣ могло бы имѣть достаточную силу, именно: статистическихъ данныхъ. Поэтому и мы не станемъ останавливаться надъ этимъ положеніемъ, невѣрность котораго единогласно признана въ настоящее время.

Филянджіери замыкаетъ собою рядъ италіанскихъ физіократовъ, если мы не отнесемъ къ нимъ двухъ мало замѣчательныхъ Неаполитанцевъ *Дженнаро Канталюпо* и *Ксаверія Скрофани*, которые оба требовали свободы хлѣбной торговли *.

Изъ этого очерка физіократіи въ Италіи мы можемъ вывести одно заключеніе именно—что, почерпнутая изъ чужаго источника, она приняла въ Италіи свои особенныя формы и свое особенное выраженіе. Мы не встрѣтили въ ней тѣхъ метафизическихъ выводовъ, проникнутыхъ страстными увлеченіями, которые поражаютъ насъ у французскихъ физіократовъ. Характеръ, который носитъ италіанская физіократія, есть по преимуществу *практическій*, и не ея вина, что самое ученіе представляло въ себѣ такъ мало положительнаго содержанія, на которое только и можетъ твердо опереться практика. Этотъ недостатокъ ученія, инстинктивно замѣченный италіанскимъ обществомъ, былъ причиною того, что господство физіократіи было чрезвычайно непродолжительно въ немъ, и что она должна была скоро уступить мѣсто другимъ ученіямъ, болѣе отчетливымъ и менѣе фантастическимъ. — Ученія эти по духу своему чрезвычайно близки къ школѣ Адама Смита въ теоріи цѣнностей и ученію Мальтюса въ теоріи благосостоянія.

---

* Первый въ своемъ сочиненіи: *Annona ossia piano economico di pubblica sussistenza* (cust. P. M. XI.), разобравши мнѣнія современниковъ своихъ о дороговизнѣ и средствахъ помочь ей, видитъ всѣ ихъ недостатки, и главное средство противъ нея полагаетъ преимущественно въ свободной торговлѣ хлѣбомъ. Ксаверій Скрофани написалъ *Memoria sulla libertà del commercio dei grani della Sicilia* (Cust. P. M. XL), представленную имъ Королю неаполитанскому въ опроверженіе Караччіоли и защиту неограниченной свободы хлѣбной торговли. Тоже мнѣніе выражено имъ и въ его: *Riflessioni sopra le sustinenze desunte da fatti osservati in Toscana* (ibid)

ПИСАТЕЛИ, ПРИМЫКАЮЩІЕ КЪ ШКОЛѢ ПРОМЫШЛЕННОЙ *.

Тотъ моментъ развитія знанія, когда отъ фантастическихъ плановъ, отъ частныхъ мнѣній и мечтаній перешли къ точному, опредѣленному наблюденію, когда стали изслѣдывать предметъ прежде, нежели произносить надъ нимъ судъ, должно почесть самымъ замѣчательнымъ въ исторіи науки. Это — новая эра ея, плодотворная въ будущемъ и ручающаяся за направленіе, болѣе сообразное съ требованіями ученой критики. Такой моментъ неизбѣженъ въ исторіи каждой науки и обозначается обыкновенно появленіемъ въ немъ высокаго таланта, умѣющаго понять отношеніе научныхъ требованій къ дѣйствительности. Въ исторіи Политической Экономіи такимъ талантомъ безспорно должно почесть Ад. Смита. Заслуга его, какъ мы сказали выше, состоитъ въ приложеніи къ ней строгой аналитической методы. Чрезъ то онъ сдѣлалъ возможнымъ правильную ея обработку и далъ ей твердое, незыблемое основаніе. Ея законы съ тѣхъ поръ нашли опору въ дѣйствительныхъ явленіяхъ и по доступности этихъ явленій для частнаго наблюденія, изученіе ея сдѣлалось легкимъ, а разногласіе мнѣній и выводовъ перестало быть опаснымъ: всякому самостоятельному наблюдателю не только дана возможность повѣрки каждаго положенія изъ ея области, но и указанъ самый способъ такой повѣрки. Оттого наука принимаетъ вдругъ тонъ и достоинство, чуждые ей дотолѣ. Она является безъ говорливости увлеченія, безъ парадоксовъ шарлатанства, не навязываетъ своихъ мнѣній, не вымаливаетъ приложенія своихъ началъ, а, съ неумолимою точностію рисуя картину современнаго общества, только освѣщаетъ различныя стороны его, и холодно описываетъ ихъ достоинства и пороки. На судъ ея являются безъ зова—и частныя лица и государственныя учрежденія и законы; руководствуясь ея изслѣдованіями, по ея же кодексу — общественное мнѣніе обсуживаетъ дѣло и произноситъ приговоръ надъ ними. Наука является высшимъ разумныхъ судилищемъ и

* Замѣтимъ, что это названіе, даваемое нѣкоторыми писателями школѣ Ад. Смита, есть чисто произвольное; мы принимаемъ его только для краткости.

законною совѣтницею въ дѣлѣ общественныхъ явленій. Теорія ея глубоко проникла въ сознаніе образованнаго общества, ея необходимость безспорно признана всѣми правительствами, заботящимися о благѣ своихъ народовъ; ея пользы не отрицаютъ даже самые отсталые, самые закоренѣлые въ предразсудкахъ умы. Правда, еще не всѣ понимаютъ ее одинаково, еще есть много вопросовъ, нерѣшенныхъ окончательно, много сомнѣній, неуничтоженныхъ ею. Но какая же наука не представляетъ намъ того же явленія? въ какой нѣтъ пробѣловъ, нѣтъ неразгаданныхъ вопросовъ? Каждая только стремится къ совершенству, но этотъ идеалъ постоянно уходитъ отъ нея, маня ее въ безконечную даль; и если бы она достигла его, что невозможно, то въ ней прекратился бы прогрессъ, этотъ видимый признакъ жизни, она бы — замерла. — Неполнота и несовершенство ея въ извѣстный моментъ времени—поэтому не должны ни пугать, насъ, ни приводить въ отчаяніе: они необходимы для нашихъ высшихъ наслажденій, и, не смотря на нихъ, — мы не имѣемъ права искать того, что доступно знанію, внѣ предѣловъ науки.

Недостатки науки обыкновенно заключаются или въ ложности воззрѣнія, или неполнотѣ и односторонности содержанія; какой-нибудь изъ этихъ недостатковъ присущъ каждой наукѣ въ каждый изъ моментовъ ея развитія; естественно, что и ученіе Ад. Смита не могло избѣгнуть общей участи: при вѣрномъ изложеніи природы и различныхъ фазовъ развитія частнаго богатства, образованія изъ него народнаго (общественнаго) богатства и взаимодѣйствія составныхъ частей послѣдняго, — оно представляетъ и нѣкоторые недостатки. Мы имѣли случай выше указать на нихъ; они состоятъ а) въ двойственности и разнохарактерности предмета, б) въ принимании дѣйствительнаго за необходимое и в) въ отсутствіи положительнаго элемента въ прикладной части науки, составляющей только повтореніе выводовъ физіократіи. По этимъ самымъ причинамъ теорія благосостоянія въ немъ чрезвычайно неудовлетворительна: Мальтюсъ, потрясши старое зданіе вѣрованій, не съумѣлъ или не могъ подставить вмѣсто его ничего другаго, и наука, — оглушенная его выводами, еще до сихъ поръ не открыла истинныхъ законовъ общественнаго благосостоянія и вѣрно еще долго не откроетъ ихъ; одна только правильная научная обработка вѣрно понимаемой Статистики * можетъ ее привести къ тому.— Все это не мѣшаетъ ея дальнѣйшимъ успѣхамъ: будущность ея упрочена; самая возможность видѣть ея недостатки ручается намъ въ томъ.

---

* Статистика есть систематическое изложеніе законовъ, которымъ слѣдуетъ *общество* въ своемъ развитіи.

Еще прежде Адама Смита мы встрѣчаемъ въ италіанской литературѣ первые признаки новой жизни Политической Экономіи, попытки приложить къ ней методу, болѣе сообразную съ требованіями науки. Я не говорю о протекціонистахъ, у которыхъ (какъ напр. у Верри) мы видѣли много сходства въ отдѣльныхъ чертахъ съ школой промышленной; кромѣ ихъ еще въ половинѣ прошлаго столѣтія мы встрѣчаемъ явленіе, за которымъ мы неможемъ не признать чести новаго направленія, и въ которомъ мы не встрѣчаемъ даже слѣда старыхъ предразсудковъ, такъ сильно пробивающихся еще у позднѣйшихъ писателей. Сочиненіе это принадлежитъ человѣку, котораго Филянджіери почтилъ названіемъ генія, и въ которомъ мы видимъ талантъ дѣйствительно замѣчательный, именно — *Фердинанду Гальяни* (1728—87). Два сочиненія его, раздѣленныя между собою двадцатилѣтнимъ пространствомъ времени, относятся къ области Политической Экономіи; позднѣйшее изъ нихъ написано авторомъ на французскомъ языкѣ, а потому не можетъ войти въ предѣлы настоящаго изложенія нашего; для исторіи науки оно не представляетъ такого интереса, какъ первое, имѣющее предметомъ — деньги: *Della moneta. 1780.* 2-е изд. *1780. 4.* (*Cust* P. M. III. и IV) *. Этотъ интересъ составляютъ не столько мнѣніе о главномъ предметѣ, сколько отступленія касательно другихъ связанныхъ съ нимъ явленій экономическихъ. Глубина и основательность сужденія молодаго автора въ этомъ случаѣ была такъ поразительна для его современниковъ, что они приписывали участіе въ этомъ твореніи двумъ опытнымъ друзьямъ его: Маркизу *Алекс. Іануччи* и Аббату *Варе. Интьери.* Для насъ это — вопросъ совершенно посторонній, такъ какъ мы дорожимъ не столько именемъ сочинителя, сколько мнѣніями его; а что основныя мнѣнія, выраженныя въ сочиненіи, — принадлежали самому Гальяни, доказательствомъ того служитъ его позднѣйшее сочиненіе, о которомъ мы упомянули **.

Отступленія въ Гальяніевомъ сочиненіи о монетѣ касаются понятій о цѣнности, налогахъ, ростѣ, облигаціяхъ, банкахъ, государственныхъ долгахъ и т. п. Онъ первый правильно отличилъ условія цѣнности, признавъ зависимость ея отъ *рѣдкости, пользы* и количества, качества и времени продолженія *труда*. Главными изъ нихъ онъ признавалъ только пользу и рѣдкость. Трудъ онъ ставитъ въ особую категорію. Польза опредѣляется у него свойствомъ вещи доставлять человѣку довольство (felicità),

---

* Его сочиненіе *Estratto del discorso sulla perfetta conservazione del grano* (Cust. P. M. II), написанное по порученію и подъ именемъ Варе. Интьери, — не замѣчательно.

** *Discours sur le commerce des bleds.* P. 1770 8.

а потому полезное въ его глазахъ все то, что производитъ удовольствіе, т. е. удовлетворяетъ выраженію страсти. Изъ этого онъ выводитъ и полезность монеты, сравнительно большую, нежели полезность напр. жизненныхъ припасовъ, — мысль, заслуживающая вниманіе и близкая къ истинному взгляду на природу денегъ.

Рѣдкостію называетъ онъ отношеніе между количествомъ вещи и дѣлаемымъ изъ нея употребленіемъ (38. 2 изд.).—Отъ его вниманія при этомъ не ускользнуло и то важное въ экономическомъ отношеніи свойство вещей, по которому рѣдкость всегда почти является обратно пропорціональною ея непосредственной пользѣ, и что потому, поколику ростетъ первичная польза вещи, потолику самая вещь является обильнѣе, что и препятствуетъ возвышенію ея цѣнности (35). Къ несчастію, это положеніе у него недостаточно развито и онъ не выводитъ изъ него дальнѣйшихъ слѣдствій, которыя могли быть очень важны въ теоретическомъ отношеніи.

Опредѣленіе цѣнности у него также довольно правильно. Она по его мнѣнію »есть идея отношенія между обладаніемъ одною вещію и владѣніемъ другою, мысленно представляемою человѣкомъ,« (27) или какъ въ другомъ мѣстѣ выражается яснѣе: »есть отношеніе, въ которомъ находятся вещи къ нашимъ потребностямъ.« Изъ этого опредѣленія онъ совершенно логически выводитъ и *различіе* въ цѣнности вещей—разнообразіе цѣнностей.

Значеніе *труда* онъ понималъ едва ли не лучше когонибудь изъ предшественниковъ: хотя и у него встрѣчаются довольно грубыя ошибки, такъ наприм. въ дѣлахъ искусства, какъ-то: въ живописи, ваяніи и пр., а также при доставленіи обществу камней, минераловъ, лѣсныхъ дикихъ травъ и т. п., онъ признавалъ дѣйствующій трудъ *единственнымъ* условіемъ цѣнности; количество *матеріи*—полагалъ онъ—входитъ при этомъ въ расчетъ только *на столько*, *на сколько* она *увеличиваетъ трудъ*, не замѣчая, что тогда драгоцѣнный мраморъ и простой гранитъ должны бы имѣть почти одинаковую цѣнность, чего никогда не бываетъ, да и быть не можетъ: потому что запросъ и предложеніе между ними различно.

Оцѣнка труда по его мнѣнію зависитъ отъ количества и цѣны людей работающихъ и времени не только самой работы, но и необходимаго промежутка между ея послѣдовательными моментами. Что касается до цѣны работниковъ, или ихъ *заработка*, то причину различія въ ней онъ приписываетъ *различію дарованій* и въ слѣдствіе его происшедшей разницы въ самомъ *количествѣ работы;* опытность, навыкъ работника, имѣющіе чрезвычайно важное значеніе въ производствѣ и въ распредѣле-

нiи задѣльной платы—упущено имъ изъ виду; оттого его понятiя о трудѣ представляются неполными (39—42.) Важность разложенiя труда также не была имъ сознана, хотя онъ былъ близокъ къ тому, указывая на главное раздѣленiе занятiй въ обществѣ, какъ явленiе высшей логической справедливости (90), о чемъ мы будемъ имѣть случай говорить ниже.

Оцѣнка дарованiй, способностей человѣка, а слѣд. и цѣна заработка, отъ нихъ зависящаго, происходитъ—по его мнѣнiю, совершенно справедливому, изъ тѣхъ же условiй, какъ и оцѣнка вещей. Она также зависитъ отъ ихъ рѣдкости и ихъ полезности, т. е., выражаясь въ болѣе правильныхъ экономическихъ терминахъ, отъ ихъ предложенiя и запроса.

Эти условiя цѣнности онъ признаетъ вѣрными, *постоянными* и *всеобщими* и въ слѣдствiе того полагаетъ, что ничего нѣтъ случайнаго въ обществѣ, и все въ мiрѣ—порядокъ, стройность и необходимость. »Цѣнности различны, но *непроизвольны*:« (45) мысль, дѣлающая честь его уму. Цѣнность единственныхъ вещей онъ признаетъ неопредѣленною, но не безграничною; она по его мнѣнiю ограничивается потребностями и желанiемъ покупщика, слѣд. во всякомъ случаѣ не представляетъ исключенiя изъ правила.

Богатство онъ опредѣляетъ довольно странно: »это есть владѣнiе—говоритъ онъ—такою вещiю, которой другiе желаютъ болѣе, нежели владѣющiй ею.« Слѣд. онъ принимаетъ богатство только въ самомъ тѣсномъ значенiи слова. Разбирая его свойства, онъ отличаетъ въ немъ различныя степени, сообразныя степенямъ полезности владѣемыхъ предметовъ (148), которые онъ располагаетъ въ слѣдующемъ нисходящемъ порядкѣ: элементы, *человѣкъ*, жизненные припасы, вещи, служащiя для одежды и жилища человѣка, и наконецъ предметы другихъ потребностей, менѣе необходимыхъ. Такая классификацiя предметовъ богатства—разумѣется—не можетъ выдержать строгой критики уже потому, что мы встрѣчаемъ въ числѣ обладаемыхъ предметовъ самаго обладателя. Правда, на самомъ дѣлѣ мы видимъ какъ бы противорѣчiе этому въ учрежденiи рабства, но и самый рабъ представляетъ — собственно говоря — не богатство, а *возможность* прiобрѣсти его, такъ точно, какъ и элементы, отличающiеся въ экономическомъ смыслѣ отъ него тѣмъ, что возможность, представляемая ими, обща и доступна для каждаго сообразно средствамъ, находящимся въ распоряженiи его: предметомъ исключительнаго частнаго обладанiя они никогда не могутъ быть; такъ что къ богатству могутъ быть причислены только остальные изъ поименованныхъ имъ предметовъ. Къ этому мнѣнiю онъ самъ склоняется, говоря о богатствѣ государственномъ. Онъ видитъ его въ землѣ, до-

махъ и деньгахъ. Животныхъ сюда не относитъ, почитая ихъ въ нѣкоторомъ родѣ плодами земли. Но скоро онъ снова сбивается съ этого пути и снова вводитъ человѣка: »Всѣ эти богатства производитъ и потребляетъ *человѣкъ, который-то и дѣлаетъ ихъ богатствами«* (123),—и который по этому—и »есть *единственное* и истинное *богатство.«* Здѣсь онъ источникъ богатства, лежащій дѣйствительно въ человѣкѣ — т. е. его трудъ, — смѣшалъ съ самимъ богатствомъ, что противно свойству вещи: богатство въ видѣ капитала *можетъ быть* представлено и независимо отъ человѣка, и въ наукѣ даже *должно* быть разсматриваемо только въ такомъ видѣ.

Изъ такого представленія объ отношеніи человѣка къ богатству выходитъ его оригинальное предложеніе принять мѣриломъ богатства самого человѣка, какъ наиболѣе полезный предметъ послѣ элементовъ. Это предложеніе высказано имъ въ сочиненіи (102, 3.) чрезвычайно темно; въ послѣдствіи времени въ особомъ замѣчаніи онъ развилъ эту мысль (382), но тѣмъ самымъ обнаружилъ всю ея нелогичность и непрактичность. Именно, онъ предлагаетъ найти minimum содержанія человѣка, забывая, что оно бываетъ чрезвычайно различно, смотря по различію обстоятельствъ, въ которыхъ онъ живетъ. Это minimum онъ переводитъ на деньги, имѣющія тоже различную цѣнность въ различное время. Полученную такимъ образомъ идеальную цѣнность онъ и желаетъ имѣть единицей цѣны. Замѣтимъ, что въ такомъ искусственномъ выраженіи—все-таки единицей слѣд. будетъ не человѣкъ, а *деньги,* и на повѣрку выходитъ, что ихъ-то онъ и принимаетъ за мѣрило богатства. Разница между ходячимъ способомъ оцѣнки богатства и предлагаемымъ Гальяни состоитъ только въ томъ, что послѣдній болѣе запутанъ и болѣе труденъ. Всѣ эти недостатки являются съ особенною силою, если допустить по его желанію опредѣлять такимъ путемъ цѣнность *разновременной* монеты. Изъ нѣкоторыхъ выраженій его можно впрочемъ догадываться, что онъ и самъ чувствовалъ въ послѣдствіи времени парадоксальность и нелогичность такого мѣрила *.

Подобные парадоксы не рѣдкость въ его сочиненіи. Къ нимъ принадлежитъ между прочимъ и развитіе современнаго общества изъ идеала коммунистическаго, имъ принимаемаго за самый логическій и раціональный. Взаимное вспоможеніе, работа для другихъ даетъ нѣкоторый видъ правильности его выводамъ, такъ какъ и употребленіе денегъ, представляющихъ у него *право на пользованіе* извѣстною частію общаго капитала, *сообразною* съ

* Знаменитый Тюрго это положеніе Гальяни признаетъ единственнымъ вѣрнымъ въ цѣломъ его сочиненіи. См. *Essai sur les valeurs et la monnaie.* *1777.*

трудомъ. Но онъ упустилъ изъ виду то важное и существенное различіе между современнымъ и коммунистическимъ обществомъ, что во второмъ—берется лице, какъ механически отдѣленная отъ рода особь, а въ обществѣ дѣйствительномъ лице составляетъ органическую часть семьи, рода, съ которыми оно раздѣляетъ плоды своихъ трудовъ и успѣхи частныхъ усилій: различіе, свидѣтельствующее о правильности устройства послѣдняго, и искусственности коммунистическаго построенія (90).

Излишнее объидеализированіе взгляда представляетъ намъ и его опредѣленіе торговли, которая у него есть »взаимное сообщеніе людьми ихъ собственныхъ трудовъ для удовлетворенія общихъ нуждъ« (89). Здѣсь поставлено цѣлію торговли то условіе, которое есть уже ея слѣдствіе. Цѣль торговли и побужденіе къ ней составляетъ частный, личный интересъ торгующихъ сторонъ, а не общія нужды. Ставить послѣднія цѣлію ея, значитъ — требовать болѣе раціональности отъ торговыхъ сдѣлокъ, нежели сколько позволяетъ ихъ природа.

Цѣна товара по его мнѣнію основывается на *общемъ мнѣніи*, объусловливающемъ какъ куплю, такъ и продажу (184), а потому и цѣны бываютъ чрезвычайно различны. Не смотря на это различіе онъ признаетъ постоянное стремленіе цѣнъ предметовъ однородныхъ придти къ одному уровню, - въ слѣдствіе стремленія производительности непосредственно слѣдовать за потребленіемъ, вліяніе котораго на цѣны онъ слѣд. признаетъ вполнѣ (43, 51).

Что касается до главнаго предмета своего сочиненія, т. е. *монеты*, то онъ природу ея разумѣлъ очень ясно, хотя и опредѣляетъ ее неправильно, именно: »*общею* мѣрою для узнанія *цѣны* каждой вещи« (67). Другое опредѣленіе же конкретнаго выраженія монеты у него гораздо вѣрнѣе и полнѣе. Вотъ оно: »монетой называются куски металла, которые правительствомъ раздѣлены на равныя или взаимно - пропорціональныя части, даваемыя и принимаемыя всѣми, какъ знакъ или постоянное ручательство въ томъ, что они получатъ за нихъ, когда бы то ни было — отъ другихъ равное вознагражденіе за то, что дано было ими, чтобы имѣть эти металлическіе куски.« (68). Здѣсь, дѣйствительно не пропущенъ ни одинъ существенный признакъ металлической монеты. Въ ея дѣлимости и въ способности ея выражать въ слѣдствіе того различную цѣнность, видитъ онъ главную пользу, въ *ручательствѣ* за ея чистоту и трудности ея порчи второстепенную пользу ея, хотя это составляетъ едва ли не первую причину ея полезности и ея распространенія. Въ этомъ свойствѣ ея мы видимъ зародышъ экономической вѣры, кредита, основаннаго на ручательствѣ (гарантіи), и

столь богатаго плодами, столь полезнаго для общества, даже и въ настоящій, еще ранній моментъ своего развитія.

Что касается до цѣнности металла, то онъ признаетъ ее совершенно самостоятельною и происходящею отъ самой природы денегъ, въ слѣдствіе которой онѣ способны удовлетворять высшимъ потребностямъ нашимъ, и справедливо замѣчаетъ, что не оттого онѣ имѣютъ цѣнность, что служатъ монетою, а на оборотъ (54, 59, 63). Примѣръ цѣнности многихъ металловъ, напр. платины, даже если они и не употреблются въ видѣ монеты, можетъ представить блистательное доказательство истины его положенія.

Главныя начала монетъ — онъ приводитъ къ 4-мъ, въ которыхъ онъ а) вліяніе измѣненія отношенія между мелкой и драгоцѣнной монетой на экономической ходъ страны считаетъ маловажнымъ, б) указываетъ на взаимодѣйствіе между дурной и хорошей монетой, изъ которыхъ послѣдняя всегда исчезаетъ изъ страны, гдѣ есть первая, в) признаетъ несоразмѣрность отношенія между двумя родами монетъ чрезвычайно вредною, также какъ и г) частное повышеніе курса. (213 сл.) Въ оборотѣ денегъ главнымъ онъ принималъ не количество, но *быстроту* передачи монеты, и справедливо полагалъ, что видимое изобиліе денегъ въ странѣ свидѣтельствуетъ болѣе объ усиленіи послѣдней, нежели объ увеличеніи перваго (37). Правильнаго отношенія между тѣмъ и другою онъ не зналъ, по крайней мѣрѣ нигдѣ въ его сочиненіи мы не встрѣчаемъ этого ясно выраженнымъ.

Отвергая вредъ общаго повышенія или измѣненія курса монетъ (alzamento) въ ряду другихъ экономическихъ явленій въ государствѣ,—онъ впрочемъ понималъ его практическое значеніе, опредѣляя его »выгодою, извлекаемою правительствомъ или государствомъ изъ медленности, съ какою толпа измѣняетъ связь идей касательно цѣнъ товаровъ и монеты« (262). — Законы о *ростѣ* онъ признавалъ законодательною уродливостію.

Денежные представительные знаки онъ строго отличаетъ отъ монеты: ихъ онъ считаетъ только проявленіемъ долга. Ихъ вѣрность (sicurezza) видитъ только въ трудности поддѣлки, а причину пріема ихъ только въ честности должника (319): понятіе совершенно справедливое, но далеко не полное. Исторія указываетъ намъ множество примѣровъ, опровергающихъ его послѣднее положеніе, когда представительные знаки были принимаемы даже и въ тѣхъ случаяхъ, если учрежденіе, выпустившее ихъ, отказывалось отъ уплаты такого долга. Это заставляетъ насъ предполагать, что кромѣ увѣренности въ состоятельности должника — должна лежать въ основаніи явленія и другая, менѣе изслѣдованная и менѣе уловимая причина. Поверхностный его взглядъ виденъ и въ

цѣломъ его изложеніи теоріи и операцій банковъ, дающемъ очень неполное понятіе о предметѣ.

Низкій курсъ онъ считаетъ результатомъ большаго производства въ странѣ,—и высокій курсъ въ противность меркантилистамъ — признавалъ полезнымъ только для банкировъ, умѣвъ такимъ образомъ отличить частную выгоду сословія отъ выгоды большей массы народонаселенія (367).

На эту-то послѣднюю онъ обращаетъ вниманіе свое каждый разъ, когда ему приходится говорить *о благосостояніи.* Считая его впрочемъ предметомъ постороннимъ для ближайшей цѣли своего изслѣдованія, онъ касается его только вскользь, а потому мы можемъ указать только на самыя главныя черты его. Лучшимъ мѣриломъ благосостоянія страны онъ признаетъ переселеніе въ нее изъ другихъ странъ и количество нарожденій, то есть — онъ полагалъ, что ту страну мы должны назвать благоденствующею, въ которую стремятся переселенцы, гдѣ раждается много и раждающіеся—крѣпкаго здоровья. Многоразличныя статистическія данныя, показывая намъ связь этихъ явленій съ другими въ общественной жизни, могутъ насъ убѣдить въ справедливости его положенія. По крайней мѣрѣ лучшаго и вѣрнѣйшаго признака благоденствія мы найти не можемъ. — Изложивши свое мнѣніе объ этомъ предметѣ, онъ касается различныхъ признаковъ, предлагаемыхъ другими, и между прочимъ произноситъ свое мнѣніе о значеніи дороговизны жизненныхъ припасовъ въ отношеніи къ благосостоянію. Многіе ее считали самымъ вѣрнымъ признакомъ послѣдняго, но по его мнѣнію она можетъ быть признакомъ *только изобилія денегъ,* слѣд. большаго производства въ странѣ (117), но еще *не свидѣтельствуетъ* объ истинномъ *благосостояніи* страны, объусловливаемомъ не одною ея производительностію, а также и *распредѣленіемъ* производимаго. Это послѣднее различіе, дѣлаемое имъ между благосостояніемъ и производительностію страны, мы встрѣчаемъ еще въ первый разъ въ нашемъ изложеніи, и хотя оно недостаточно рѣзко проведено, однако имѣетъ большую цѣну въ наукѣ. — Но, сдѣлавъ такое правильное разграниченіе между благосостояніемъ страны и ея богатствомъ, онъ ошибается, полагая, что распредѣленіе произведеній совершается только посредствомъ денегъ, и что потому средства для возможно-лучшаго обращенія ихъ содѣйствуютъ вмѣстѣ увеличенію благосостоянія. Деньги дѣйствительно составляютъ *одинъ* изъ видовъ распредѣленія богатства, но кромѣ ихъ — есть множество другихъ, не менѣе важныхъ: уже одинъ фактъ бóльшаго и бóльшаго замѣненія въ развитомъ обществѣ денегъ кредитомъ — показываетъ, что первыя недостаточны сами по себѣ для правильнаго распредѣленія. Отъ этого

и мѣры дѣйствительныя для облегченія денежныхъ оборотовъ не могутъ быть достаточны для увеличенія благосостоянія страны. Гальяни приводитъ ихъ къ семи пунктамъ, различнымъ по ихъ относительной важности. Они суть: 1) уплата обязательствъ должна совершаться небольшими суммами, и сроки ея должны быть отдѣлены небольшими промежутками времени; другими словами: должно заботиться, чтобъ деньги нигдѣ не задерживались; 2) должно учредить ярмарки и торги, служащіе обыкновенно центрами обращенія денегъ; 3) уплата должна совершаться болѣе товарами и другими произведеніями, нежели наличными деньгами; 4) должно учредить хорошій порядокъ взиманія податей, 5) заботиться о скорости и справедливости суда, 6) о ясности законовъ, 7) и правительствѣ собственномъ и національномъ (283—7).

Если эти условія не выполняются, то государство не можетъ благоденствовать и стремится къ упадку. Граждане его начинаютъ оставлять его и выселяться въ другія страны, народонаселеніе уменьшается. Къ тому же ведетъ жестокость правительства, какъ въ Азіи, излишняя неравномѣрность богатствъ, какъ это въ его время было въ Польшѣ, суевѣріе, какъ въ Африкѣ, и варварство, какъ въ странахъ сералей и евнуховъ (125).

Желая слѣдовательно увеличить народонаселеніе, т. е. благосостояніе народное (такъ какъ первое составляетъ — по его мнѣнію — выраженіе втораго) въ странѣ необходимо слѣдовать противнымъ этому путемъ, такъ что условія для того будутъ: 1) справедливость, соединенная съ гражданскою и религіозною терпимостью, 2) проистекающее оттуда мужество въ защитѣ, мудрость въ распоряженіяхъ противъ заразъ, 3) правильное распредѣленіе податей и 4) богатствъ, 5) собственное правительство и 6) покровительство земледѣлію (155 слѣд.) Впрочемъ не смотря на выполненіе всѣхъ этихъ условій, государство процвѣтать вѣчно не можетъ и рано или поздно наступитъ время его упадка. Первымъ признакомъ такого времени будетъ появленіе *роскоши* въ немъ; она необходима въ извѣстный періодъ развитія государства, какъ появленіе плода въ періодъ зрѣлости растенія. Гальяни выражается объ этомъ такъ: »это признакъ упадка *желанный* и *вожделѣнный*. Для него пролито много пота, поднято много труда, принесено въ жертву много работы; признакъ—появляющійся въ лучшее время и всегда соединенный съ общею радостію. Посреди весеннихъ непогодъ растеніе свѣжо и зелено, но не приноситъ плода, и, обогативши насъ своими плодами, оно непремѣнно усыхаетъ. Такъ точно и царства земныя, эти благородные злаки святаго Божьяго сада.... Стараться не допускать въ нихъ роскоши въ пору благосостоянія—значитъ желать, чтобы взрослое растеніе не приносило плода, или чтобы, принесши плодъ, оно еще продолжало зеленѣть и цвѣсти« (289,

Главный недостатокъ, который мы можемъ замѣтить въ воззрѣніяхъ Гальяни, есть стремленіе къ парадоксамъ. Не смотря на то должно признать за нимъ высокую силу мышленія, точность выраженія, глубину взгляда и естественность выводовъ *; а потому сочиненіе его должно быть признано безпорно однимъ изъ важнѣйшихъ въ италіанской политико-экономической литературѣ. Его вліянію Неаполь обязанъ правильностію и порядкомъ своей монетной системы, находившейся до тѣхъ поръ еще въ довольно жалкомъ положеніи, — и слѣдующіе по времени за нимъ италіанскіе политико-экономы, даже принадлежа къ другимъ школамъ (Беккаріа, Верри, Филянджіери) не были совершенно свободны отъ его вліянія, и частію ему обязаны правильностію нѣкоторыхъ изъ своихъ теоретическихъ взглядовъ. — Но какъ бы въ замѣнъ того писатели, которые по ихъ заключеніямъ относятся къ одной школѣ съ Гальяни, являются внѣ его вліянія. Таковъ *Джаммаріа Ортесъ*, монахъ камальдольскій, одинъ изъ самыхъ самостоятельныхъ экономистовъ Италіи. Его справедливо называютъ предшественникомъ Мальтюса: дѣйствительно, какъ въ способѣ воззрѣнія на народонаселеніе, такъ и въ заключеніяхъ, выводимыхъ ими, мы встрѣчаемъ такъ много сходнаго, что только несомнѣнные факты не позволяютъ намъ думать, что Мальтюсъ не заимствовалъ своихъ положеній у Ортеса.

Теорія народонаселенія играетъ у послѣдняго еще важнѣйшую роль, нежели у Мальтюса потому, что ея положенія у него лежатъ въ основѣ всей теоріи цѣнностей такъ; что система Политической Экономіи у него ничто иное, какъ приложеніе начала народонаселенія къ объясненію разнообразныхъ экономическихъ явленій. Поэтому она является у него болѣе теоріей благосостоянія. Замѣчательно, что такое направленіе, однажды принятое италіанской литературой въ нашей наукѣ, уже болѣе не измѣнялось до конца прошлаго столѣтія. Всѣ послѣдующіе писатели ея въ своихъ изслѣдованіяхъ имѣютъ преимущественно въ виду интересы народонаселенія, т. е. благосостояніе, оставляя въ сторонѣ интересы производства. Въ направленіи промышленномъ они слѣдовательно имѣютъ также свою *особенность*, какъ и въ другихъ направленіяхъ, что подтверждаетъ сначала выраженное нами мнѣніе о самостоятельности экономическаго развитія въ Италіи.

Особенность эта, рѣзко проявившаяся у Ортеса, даетъ чрезвычайно оригинальный видъ его изложенію: наука принимаетъ

---

* Иногда впрочемъ и у него встрѣчаются противорѣчія самому себѣ и нѣкоторая непослѣдовательность. Ср. его сужденія о роскоши стр. 156 съ упомянутымъ нами выше.

тѣмъ характеръ самой безотрадной необходимости, и современная критика безсильна въ ея опроверженіи: всѣ положенія Ортеса логически выведены изъ главной посылки: отношенія народонаселенія къ богатству; законы перваго служатъ — по его мнѣнію — главнымъ условіемъ всѣхъ явленій послѣдняго; но до сихъ поръ наука не въ состояніи произнести послѣдняго слова касательно этихъ законовъ: ихъ окончательное открытіе и объясненіе принадлежитъ будущности; а потому все, что можетъ критика сдѣлать при обсуживаніи научной системы Ортеса, это — *подвергнуть сомнѣнію* его положенія, какъ основанныя на томъ, что еще не вполнѣ доказано: другаго выхода нѣтъ. Частныя обстоятельства, которыя авторъ иногда упускаетъ изъ виду, — не въ состояніи ослабить силы главнаго его положенія: они только по видимому нарушаютъ то равновѣсіе, которое онъ установилъ между отдѣльными частями своей системы.

Такая строгая систематичность и суровая—если можно такъ выразиться—мыслительность автора—не могли пробудить сочувствія къ себѣ у его соотечественниковъ, не привыкшихъ видѣть жизнь съ ея угрюмой стороны. Современные ему рецензенты вооружились съ безпощадною нетерпимостію противъ новаго ученія, — подвергшагося тойже участи, какъ въ послѣдствіи времени родственная ему мальтюсова теорія, и обиженное самолюбіе Ортеса отозвалось на эти возраженія слѣдующими остроумными словами: * »тотъ, ктобы вздумалъ сознать въ день то, что я созналъ только въ четыре съ лишкомъ тысячи дней, долженъ быть навѣрное даровитѣе меня..,. я увѣренъ, что мои дарованія не ставятъ меня выше обыкновенныхъ людей, но мнѣ больно было бы подумать, что я въ четыре тысячи разъ глупѣе даже самаго умнѣйшаго человѣка.«

Взглядъ Ортеса на главные предметы Политической Экономіи мы встрѣчаемъ въ двухъ его сочиненіяхъ: *Della economia nazionale libri sei. 3 vol. in 8* (Cust. P. M. XXI, XXII). *Errori popolari intorno all'economia nazionale considerati sulle presenti controversie tra i laici e i chierici in ordine al possedimento de' beni 8.* (Cust. P. M. XXV) и въ его: *Lettere in proposito del libro della economia nazionale* (C. P. M. XXII). Уразумѣніе ихъ впрочемъ едвали возможно безъ предварительнаго знакомства съ его взглядомъ на народонаселеніе, такъ какъ между нимъ и богатствомъ онъ видитъ самую тѣсную связь; а потому мы постараемся сперва изложить главное содер-

---

* Вѣроятно такой пріемъ перваго сочиненія Ортеса былъ причиной того, что слѣдующія сочиненія онъ печаталъ въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, *только для друзей*. Сочиненія его написаны слогомъ тяжелымъ и отчасти темнымъ.

жаніе послѣдняго его сочиненія: *Riflessioni sulla popolazione delle nazioni per rapporto all'economia nazionale 1794, 9.* (Cust. P. M. XXIV) и *Continuazione* (ibid. XVI.) Оно составляетъ только отрывокъ изъ сочиненія, которое онъ предполагалъ написать подъ заглавіемъ *delle scienze utili e dilettevoli per rapporto alla felicità umana.* Главное содержаніе его есть слѣдующее:

1) Измѣненіе въ количествѣ *народонаселенія* зависитъ отъ измѣненія въ количествѣ *богатства.* Если послѣднее увеличивается, то увеличивается и первое, съ уменьшеніемъ же богатства уменьшается и народонаселеніе.

2) Второе условіе увеличенія народонаселенія — по мнѣнію Ортеса—есть—*свобода.*

3) Народонаселеніе имѣетъ *стремленіе удвоиваться* въ тридцать лѣтъ, слѣдуя въ ходѣ своемъ *геометрической прогрессіи*, но это стремленіе остается всегда только стремленіемъ, и на дѣлѣ никогда не осуществляется, потому что средства пропитанія не могутъ умножаться въ равной мѣрѣ съ народонаселеніемъ. Такая задержка естественнаго развитія народонаселенія тѣмъ полезна, что она не позволяетъ распространяться бѣдности и голоду.

4) Умноженіе животныхъ ограничивается насильственнымъ образомъ—людьми или другими животными, умноженіе же людей ограничивается преимущественно *соображеніемъ, разсудкомъ.*

5) Тяжелыя *подати* и *рабство*— онъ почитаетъ важными препятствіями къ увеличенію народонаселенія (гл. XV). Къ рабскому сословію Ортесъ причисляетъ всѣхъ тѣхъ, которые потребляютъ не трудясь, или трудясь, не пользуются своимъ трудомъ.

6) Несправедливо мнѣніе, что увеличеніе народонаселенія соразмѣрно *бракамъ.* Иногда полезно было бы, что бы браки уменьшались, дабы не увеличивалось народонаселеніе.

7) Для сохраненія и поддержанія народонаселенія также полезна холостая жизнь, какъ и жизнь женатаго. Упрекать холостяка въ томъ, что онъ холостякъ, все равно, что упрекать женатаго въ женитьбѣ.

8) *Добровольное воздержаніе* отъ брака у человѣка есть признакъ возвышенности его ума.

Вотъ главные пункты его ученія о народонаселеніи. Признаніе необходимости общественныхъ явленій—проглядываетъ въ каждомъ изъ нихъ: не смотря на слово: свобода, которое мы встрѣчаемъ у него, все дышетъ у него зависимостію отъ высшихъ, непременныхъ правилъ; тотъ же духъ, тотъ же характеръ носятъ и его политико-экономическія положенія въ двухъ упомянутыхъ нами сочененіяхъ. Въ нихъ, принимая современное ему общество

за нормальное и логическое, Ортесъ, какъ и нѣкоторые послѣдующіе экономисты, смѣшиваетъ дѣйствительное съ необходимымъ и является защитникомъ всѣхъ существующихъ учрежденій. Къ этому онъ приходитъ путемъ слѣдующаго умозаключенія:

Мы видимъ, что никогда никакія мѣры не могли произвести полнаго удовлетворенія желаній нашихъ, и для этого не было достаточно никакой массы богатства: въ народѣ всегда остается множество неудовлетворенныхъ потребностей, и если есть нѣсколько людей, имѣющихъ излишекъ, то въ тоже время есть множество другихъ, лишенныхъ необходимаго. Причина этому лежитъ въ самомъ распредѣленіи богатства, которое производится одними, а потребляется другими, но отвратить этотъ недостатокъ въ распредѣленіи богатства ничто не въ силахъ, потому что *неравенство въ пользованіи* богатствомъ—*пропорціонально народонаселенію* и меньше тамъ, гдѣ меньше народа, а чудовищно велико тамъ, гдѣ народа много. Слѣд. выхода изъ этого ужаснаго положенія—нѣтъ: даже если бы правительство рѣшилось не позволять увеличиваться богатству извѣстныхъ частныхъ лицъ, потому что такое увеличеніе его съ одной стороны есть непогрѣшительный признакъ потери, уменьшенія—съ другой,—то и это не повело бы ни къ чему потому, что нельзя воспрепятствовать измѣненію частнаго богатства при индивидуальномъ стремленіи къ улучшенію своего быта— и скоро явилось бы опять неравенство, которато хотѣли избѣжать. Законъ природы долженъ быть исполненъ.

Завися отъ населенія и его потребностей, богатство неизбѣжно пропорціонально первому: его тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе жителей въ странѣ; поэтому большія государства богаче малыхъ, и колосальныя фортуны въ нихъ возможнѣе; но за то—въ нихъ ужаснѣе и бѣдность; централизація капиталовъ въ однихъ рукахъ или въ одномъ мѣстѣ, каковы на пр. столицы, указываетъ намъ на присутствіе бѣдности между другими лицами или въ другомъ мѣстѣ въ томъ же государствѣ: отъ этого нѣтъ такого дешеваго предложенія труда въ небольшихъ странахъ, какъ это бываетъ въ большихъ. Сравненіе Тосканы, Франціи, Польши, Россіи и Турціи его времени—представляютъ по его мнѣнію ясное доказательство истины высказаннаго имъ положенія.

Признавъ такимъ образомъ какое-то рокомъ опредѣленное неизбѣжное количество богатствъ въ странѣ въ извѣстный моментъ времени, тоже самое воззрѣніе онъ распространяетъ и на самое качество производимыхъ вещей. Чѣмъ изящнѣе произведенія — полагаетъ онъ—выдѣлываются въ странѣ для богатаго класса народа, тѣмъ грубѣе и хуже— тѣ произведенія, которыя въ этой

же странѣ назначаются для потребленія бѣднѣйшихъ классовъ; а потому желать улучшенія какого нибудь производства значитъ въ тоже самое время желать съ другой стороны и его порчи. Къ счастію, это положеніе его не подтверждается экономическимъ опытомъ, который намъ напротивъ показываетъ, что кромѣ случаевъ исключительныхъ—улучшенія въ произведеніяхъ, назначаемыхъ для низшаго класса идутъ параллельно съ улучшеніями въ произведеніяхъ, потребляемыхъ высшимъ сословіемъ.

Видя во всякомъ явленіи дѣйствіе неизбѣжнаго закона природы, Ортесъ естественно считалъ безполезнымъ всякое вмѣшательство въ народныя экономическія отношенія съ какою бы цѣлію и въ какомъ бы духѣ это вмѣшательство ни происходило, для облегченія ли оборота богатства уменьшеніемъ средне-вѣковыхъ учрежденій, или для стѣсненія внѣшней торговли, такъ какъ въ послѣдней — народъ никогда не зависитъ отъ другаго, завися только отъ себя, и мѣна произведеній происходитъ совершенно на равномъ отношеніи.

На основаніи же зависимости богатства отъ населенія — посредствомъ вычисленія времени, нужнаго для произведенія необходимаго въ странѣ, отъ признаетъ въ ней существованіе *нищихъ и праздныхъ*—явленіемъ неизбѣжнымъ, если мы только допустимъ въ ней существованіе богатыхъ и рабочихъ. Лучшіе и трудолюбивѣйшіе работники заѣдаютъ чужую жизнь; усильною работою своею обижаютъ другихъ, и — покровительствовать имъ, покровительствовать вообще увеличенію личнаго богатства—значитъ покровительствовать нищенству и бродяжнительству; для искорененія послѣдняго нужно бы ограничить самую производительность. »Ложно думаютъ обыкновенно что недостаетъ времени для работы; напротивъ — работы недостаетъ для времени.« Таковы по его мнѣнію неизбѣжныя причины несчастія народнаго: счастіе его — есть только несбыточная мечта.

Нельзя не признать той силы и смѣлости, съ какой проведены у него всѣ эти положенія, изъ которыхъ одно вызываетъ другое и пополняется имъ. Нельзя также не видѣть, что хотя ни одно изъ нихъ не можетъ назваться безусловно правильнымъ, однако въ каждомъ заключается большая доля правды: дѣйствительно—при свободной конкурренціи—трудолюбіе одного можетъ вредить другому, и усиленіе производительности, само по себѣ взятое, не составляетъ еще благополучія общества. Погрѣшность Ортеса состоитъ въ томъ, что онъ не хотѣлъ сдѣлать никакихъ уступокъ и свою систему слѣпой необходимости провелъ въ обществѣ, какъ мертвомъ организмѣ, забывая, что оно представляетъ въ себѣ ре-

зультатъ различныхъ вліяній, различныхъ силъ, различныхъ законовъ, и потому — явленіе сложное, въ которомъ всѣ факты, характеризующіе его развитіе, связаны другъ съ другомъ различными путями, и различно видоизмѣняютъ другъ друга. Онъ упустилъ это изъ виду и обратилъ исключительное вниманіе свое на дѣйствіе одного политическаго дѣленія труда, какъ продукта законовъ отношенія между народонаселеніемъ и капиталомъ страны *. Вообще онъ и неспособенъ былъ представить себѣ необходимаго въ иной формѣ, кромѣ формы дѣйствительнаго, существующаго. Этимъ объясняется и его безграничная приверженность къ послѣднему, проявившаяся въ его сочиненіи: *Dei fideicommessi a famiglie e a chiese e luoghi pii in proposito del termine di mani-morte introdotto a questi ultimi tempi nell' economia nazionale, libri due* (Cust P. M. XXVII). Онъ выводитъ необходимость такихъ учрежденій, каковы фидеикоммиссы изъ потребности дать въ государствѣ извѣстную силу дворянству и духовенству и призирать тѣхъ, которые въ слѣдствіе этого неизбѣжно должны страдать болѣе другихъ. При семъ, выходя логически изъ своихъ основаній, онъ не скрываетъ того, что такое призрѣніе нѣкоторыхъ *увеличитъ страданіе* многихъ, (таково напр. дѣйствіе фидеикоммиссъ заработчихъ домовъ); но признаетъ фидеикоммиссы неотъемлемымъ имуществомъ трехъ классовъ народа: духовенства, дворянства и черни — и основой истинной политической свободы.

Для полнаго уразумѣнія духа и направленія Ортеса нелишнимъ будетъ здѣсь замѣтить, что онъ былъ фанатикъ католичества, увлекшаго его до такой степени, что протестантскимъ землямъ, и особенно Англіи, онъ отрицалъ въ возможности благосостоянія и пророчилъ неминуемую гибель **.

Этотъ въ совершенствѣ механическій взглядъ на предметъ народонаселенія, который мы видимъ у Ортеса, не принадлежалъ исключительно ему; напротивъ онъ кажется составлялъ достояніе

---

* Кромѣ того можно замѣтить одинъ недостатокъ въ его системѣ, именно — что онъ не обратилъ вниманія на вліяніе, которое имѣютъ на производство капитала — физическія свойства страны, занимаемой народонаселеніемъ. Это возраженіе устраняется впрочемъ соображеніемъ всѣхъ положеній его цѣльной системы.

** Кромѣ упомянутыхъ сочиненій Ортеса есть еще другія отчасти только касающіяся Политической Экономіи: *Calcolo sopra il valore delle opinioni e sopra i piaceri e dolori della vita umana* (Cust. P. M. XXIV), и множество писемъ различнаго, нѣкоторыя чисто политико-экономическаго, содержанія (*Cust.* P. M. XXIII, XXIV, XXV, XLII).

зараждавшагося тогда новаго духа времени; доказательство этому мы можемъ видѣть у писателя, по *цѣли* сочиненія и по стремленію даже совершенно противоположнаго Ортесу, именно у *Филиппа Бриганти*. Въ своемъ сочиненіи › *Esame economico del sistema civile* (Cust. P. M. XXVIII, XXIX) этотъ писатель оказываетъ чрезвычайное участіе къ дѣлу цивилизаціи и первому проявленію ея — торговлѣ, которыя онъ защищаетъ противъ Мабли и Руссо. Бриганти разсматриваетъ общество съ трехъ сторонъ: со стороны его *существованія*, основаннаго на физическихъ и нравственныхъ (духовныхъ) благахъ (капиталѣ) и вспомогательныхъ силахъ механики; со стороны поддержки его и *благосостоянія*, проистекающаго отъ земледѣлія, скотоводства, торговли и мореплаванія; и наконецъ со стороны его *силы*, тѣсно связанной съ народонаселеніемъ и состояніемъ народнаго образованія въ странѣ. Въ этомъ послѣднемъ отдѣлѣ онъ старается между прочимъ доказать, что *народонаселеніе* на земномъ шарѣ *всегда* остается *въ одной мѣрѣ*, и что увеличеніе или уменьшеніе его можетъ быть только мѣстное. Онъ не вѣритъ ни огромнымъ войскамъ древнихъ, ни лѣтосчисленію Халдеевъ и Китайцевъ, приписывая вину этого несовершенству человѣческихъ знаковъ.—Здѣсь мы видимъ признакъ фаталистическаго взгляда на предметъ: принимая свыше опредѣленное, никогда неизмѣнное количество народонаселенія, онъ осуждаетъ всѣ усилія къ его умноженію или уменьшенію, какъ излишнія. Человѣкъ не въ силахъ измѣнить его произвольно, и его дѣйствія не имѣютъ никакого успѣха; даже физическую природу и ея многоразличныя вліянія онъ устраняетъ отъ дѣйствія на народонаселеніе. Ея разрушительная сила не въ состояніи измѣнить количества послѣдняго на продолжительное время. »Времена завоеваній и опустошеній — говоритъ онъ — безъ сомнѣнія причиняютъ огромныя потери для человѣческаго рода; но въ то время, какъ онъ уменьшается въ какойнибудь странѣ свѣта, природа скоро стремится вознаградить свои потери — въ промежутки спокойствія въ той же странѣ или въ другихъ странахъ, болѣе безопасныхъ. Война, голодъ, язва быстро пожинаютъ людскую жизнь, а между тѣмъ люди чувствуютъ наиболѣе нужды въ ближнихъ именно послѣ такихъ общественныхъ бѣдствій, которыя не только не разрываютъ узъ между ними, а напротивъ еще болѣе соединяютъ ихъ, возбуждая въ нихъ электрическій огонь воспроизведенія.« Эта мысль его въ послѣдствіи времени совершенно съ другою цѣлію, нежели это дѣлалъ Бриганти, была доказана Мальтюсомъ на основаніи статистическихъ данныхъ.

И такъ вотъ уже два предшественника Мальтюса между италіанскими писателями. Оба они имѣли въ виду только общіе за-

коны и общее состояніе народонаселенія. *Людовикъ Риччи*, уроженецъ Кастаньетты (1742—1799)—третій писатель, напоминающій намъ Мальтюса въ своихъ выводахъ касательно значенія и пользы богоугодныхъ заведеній. Сочиненіе его носитъ названіе: *Riforma degl'istituti pii della città di Modena. 1787. 8* (Cust. P. M. XVI). Въ немъ изъ мѣстныхъ данныхъ онъ вывелъ общія положенія, въ настоящее время признанныя справедливыми всею промышленною школою. Главный выводъ, къ которому онъ приходитъ, – тотъ, что богоугодныя заведенія далеко не такъ полезны, какъ объ нихъ думаютъ и что они вообще недостаточны при теперешнемъ ихъ устройствѣ для достиженія цѣли, которую они имѣютъ въ виду. Мы постараемся при разборѣ отдѣльныхъ положеній показать односторонность этого заключенія, неизбѣжную при исключительномъ стремленіи, которому онъ слѣдовалъ.

Разсматривая вліяніе богоугодныхъ заведеній на общество, онъ замѣчаетъ, что они способствуютъ увеличенію нищенства: нищіе увеличиваются по мѣрѣ легкости полученія вспоможенія; страны, гдѣ наиболѣе монастырей, могутъ поэтому похвалиться и наибольшимъ числомъ нищихъ (Италія, Испанія, Португаллія). Нищенство тамъ дѣлается занятіемъ, правомъ, иногда даже почетнымъ титуломъ, передаваемымъ посредствомъ диплома. Въ Моденѣ, благодаря богоугоднымъ заведеніямъ, на 40 тысячь жителей считали 7000 нищихъ во время Риччи. Впрочемъ, при этомъ нужно замѣтить, что не столько самыя заведенія такого рода, сколько ложно понимаемый духъ милосердія причиною тому. Милостыня, подаваемая внѣ заведенія, гораздо вреднѣе.—Съ послѣднимъ мнѣніемъ его нельзя не согласиться: дѣйствительно, милостыня, даваемая обыкновенно безъ разбора и безъ предварительнаго убѣжденія въ дѣйствительности безпомощнаго состоянія бѣднаго, не можетъ заслуживать нашей похвалы; но изъ этого еще не слѣдуетъ логически—вредъ богоугодныхъ заведеній, гдѣ помощь оказывается и иными способами и при иныхъ условіяхъ. Монастыри, на которые онъ указываетъ, какъ на одну изъ причинъ распространенія нищенства, еще не составляютъ богоугодныхъ заведеній и руководствуются при вспоможеніи болѣе правилами частной благотворительности, нежели общественной. Что же касается до факта увеличенія нищенства въ городѣ Моденѣ, то пропорціональное увеличеніе его съ увеличеніемъ богоугодныхъ заведеній еще не даетъ намъ права признавать зависимость его отъ нихъ; напротивъ гораздо съ большею логичностію мы можемъ сказать, что основаніе богоугодныхъ заведеній вызвано было распространеніемъ нищенства, происшедшаго отъ другихъ мѣстныхъ и временныхъ причинъ: по крайней мѣрѣ — таковъ общій законъ отношенія богоугодныхъ заведеній къ нищенству. Подобнаго рода ошибки мы встрѣчаемъ

у Риччи въ его приговорахъ о значеніи различныхъ родовъ богоугодныхъ заведеній. Для того, чтобы имѣть возможность правильнѣе обсудить ихъ, мы представимъ главные изъ нихъ:

1) Онъ нападаетъ на всѣ *богоугодныя заведенія*, основанныя и содержимыя правительствомъ, указывая, что четверть издержекъ идетъ на одно управленіе ими, и притомъ въ нихъ невозможно избѣжать безпорядковъ.—Эти нападки входятъ въ категорію тѣхъ, которыя дѣлаются вообще противъ такихъ предпріятій власти, какія и безъ того могутъ быть совершены усиліями частныхъ лицъ. Должно замѣтить противъ этого, что общественная власть, имѣя своею обязанностію пещись о благѣ всѣхъ лицъ, находящихся въ ея распоряженіи, не можетъ логически оставить на произволъ судьбы бѣднаго страдальца; а если ему оказывать вспомоществованіе, то по экономическимъ соображеніямъ — это вспомоществованіе наименѣе обременительно въ видѣ общественныхъ богоугодныхъ заведеній. Что касается до издержекъ на нихъ, то, неотрицая возможности факта, представленнаго Риччи, мы — должны отвергнуть его всеобщность и доказательство этому можемъ найти во множествѣ статистическихъ данныхъ, показывающихъ намъ, что правительственныя учрежденія при благоразумномъ распоряженіи и строгомъ выборѣ управляющихъ лицъ могутъ быть соединены съ бережливостію, и тогда они имѣютъ преимущество предъ частными, если мы примемъ во вниманіе ту пользу, которую они приносятъ для *цѣлаго* общества, ставя въ *непосредственное* соприкосновеніе каждаго члена его съ общественною властію, которая такимъ образомъ легко можетъ знать и его потребности и слабыя стороны его положенія. Забота правительства въ такомъ случаѣ перестаетъ быть унижающею милостынею, а только проявленіемъ его отеческаго долга. Совершенно иное происходитъ при частной благотворительности, гдѣ одинъ членъ общества ставится къ другому въ отношеніе обязаннаго къ благотворителю: узы такимъ образомъ скрѣпленные, могутъ произвести явленія, несогласныя съ понятіемъ о благоустроенномъ обществѣ.

2. *Богадѣльни* или рабочіе дома управляются съ трудностію, много стоятъ и часто вредны для страны, соперничая въ трудѣ съ частными работниками, и разоряя ихъ безъ облегченія истинно бѣдныхъ.—Множество современныхъ данныхъ подтверждаютъ вполнѣ это положеніе его, они даже заставили въ нѣкоторыхъ странахъ правительство совершенно прекратить продажу произведеній, выдѣлываемыхъ въ такихъ заведеніяхъ, хотя въ этомъ есть экономическое основаніе — желаніе покрыть по возможности издержки на ихъ содержаніе, всегда тягостныя для общества.

3) Безденежная *выдача лѣкарствъ* бѣднымъ стоитъ много, причиняетъ безпорядки, ведетъ къ обманамъ и безконечнымъ спорамъ. — Неужели поэтому оставить безъ призрѣнія больныхъ бѣдняковъ даже тогда, когда здравый экономическій расчетъ можетъ завѣрить насъ въ томъ, что невыгоды мѣры будутъ выкуплены трудомъ выздоровѣвшаго? даже и тогда, когда его бѣдность — только временная и произошла отъ случая?

4) *Воспитательные дома* содѣйствуютъ увеличенію порока и безчеловѣчія родителей. Они наполняются и законорожденными дѣтьми, которые подвергаются одной участи съ другими, именно — смертности 90 или 88 на 100. — Что касается впрочемъ до послѣдняго пункта, то опытъ показалъ, что стараніе и усердіе, соединенное съ бдительнымъ надзоромъ, въ теченіе послѣдняго времени далеко уменьшили это ужасающее отношеніе: можно надѣяться, что дальнѣйшее время представитъ намъ еще болѣе примѣровъ противъ положенія, высказаннаго Риччи слишкомъ безусловно. Соображенія высшей *справедливости*, если бы даже не находили подкрѣпленія въ теоріи экономической, всегда будутъ говорить въ пользу воспитательныхъ домовъ; но замѣтимъ, что и здравая *теорія благосостоянія* не только не отвергаетъ ихъ, а напротивъ прямо требуетъ ихъ. Брошенныя судьбою — несчастныя дѣти — во всякомъ случаѣ, если не будутъ преданы смерти, что составляетъ исключеніе, должны существовать, должны быть воспитаны — и дѣйствительно — *воспитываются* своими родителями или чужими, принимающими въ нихъ участіе. Издержки притомъ необходимо бываютъ относительно велики: для сокращенія ихъ, для уменьшенія тяжести, падающей оттого на общество, если бы не было воспитательныхъ домовъ, должно бы изобрѣсти ихъ. Издержки, употребляемыя *въ нихъ* на воспитаніе, бываютъ необходимо относительно меньшія, нежели при воспитаніи домашнемъ, и могутъ быть выкуплены съ лихвою позднѣйшими услугами обществу самыхъ воспитанниковъ. Замѣтимъ еще одинъ пунктъ: Риччи, а за нимъ и другіе, вопіютъ противъ безчеловѣчія родителей, отдающихъ даже законнорожденныхъ дѣтей въ воспитательные дома; но можно ли ихъ укорять въ томъ? Къ такому поступку побуждаетъ ихъ или бѣдность, или холодность къ дитяти. Въ первомъ случаѣ ясно, что здѣсь дѣйствуетъ *любовь* къ дитяти, а не безчеловѣчіе: родители отдаютъ дитя, потому что увѣрены, что ему тамъ будетъ *лучше;* во второмъ — но неужели можно предполагать, что участь дитяти нелюбимаго будетъ сноснѣе въ родительскомъ домѣ, нежели въ воспитательномъ? Развѣ нѣтъ достовѣрныхъ примѣровъ безчеловѣчныхъ поступковъ родителей съ дѣтьми въ собственномъ домѣ?

5) *Родильные дома* не удовлетворяютъ филантропической цѣли, а) не уменьшая разврата, б) не сохраняя жизни дѣтей

(изъ 110 — умираетъ 100 въ Моденѣ), в) не могутъ доставлять нужнаго числа кормилицъ.—Послѣднее возраженіе есть болѣе случайное, нежели общее. Искусство и перемѣна системы воспитанія могутъ легко пособить этому; второе — также не обще, какъ мы уже сказали выше; первое не имѣетъ силы потому, что при учрежденіи такихъ домовъ не входитъ въ расчетъ — уменьшить развратъ, а только уменьшить гибельныя *слѣдствія* его для несчастныхъ плодовъ его и для родильницъ.

6) Онъ вооружается также противъ *большихъ больницъ*, доказывая, что въ нихъ смертность гораздо болѣе, нежели въ малыхъ (1: 6 и 1: 12), издержки въ нихъ очень велики, поступленіе очень легко.—Замѣтимъ противъ этого, что большая смертность въ нихъ еще не доказываетъ меньшей ихъ пользы: эта смертность происходитъ преимущественно отъ безнадежнаго состоянія, въ которомъ приходитъ туда больной, всегда почти чувствующій отвращеніе отъ такого рода больницъ. Но если бы даже мы допустили, что дѣйствительно санитарные результаты въ нихъ не такъ удовлетворительны, какъ въ малыхъ, то въ оправданіе того можемъ представить простое экономическое замѣчаніе, что они за то достигаются *меньшими* матеріальными *пожертвованіями*, нежели въ малыхъ больницахъ. Притомъ статистическія данныя представляютъ намъ часто и въ большихъ больницахъ — самые удовлетворительные результаты. Примѣръ лондонскихъ больницъ можетъ служить подтвержденіемъ тому.

Высказавши всѣ недостатки богоугодныхъ заведеній вообще, Риччи указываетъ на средства помочь имъ. Для этого онъ совѣтуетъ: а) предоставить введеніе и поддержку такихъ заведеній частнымъ лицамъ, какъ болѣе расчетливымъ и менѣе богатымъ; б) употреблять нищихъ и бродягъ на общественныя работы, и наконецъ в) для доставленія занятія бѣдному сословію поднять торговлю. Всѣ эти мѣры недостаточны для цѣли, предположенной Риччи, и практическою можно назвать только вторую. Первая — лишила бы общественную благотворительность единства и общности, а чрезъ то и силы; послѣдняя же — не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ она требуетъ того, что лежитъ внѣ произвола власти.

Нельзя не видѣть, что совѣтуя такія мѣры, Риччи имѣлъ въ виду не уничтоженіе, а только уменьшеніе нищества. Дѣйствительно, перваго онъ даже не полагалъ возможнымъ, думая, что нищенство составляетъ прирожденный недостатокъ человѣческаго общества; слѣд. въ этомъ мнѣніи онъ совершенно согласенъ съ Ортесомъ.

Такъ какъ мы въ послѣдній разъ говоримъ здѣсь о богоугодныхъ заведеніяхъ, то я позволяю себѣ высказать основанное на

экономическихъ соображеніяхъ мнѣніе свое объ общественной и частной благотворительности.

Бѣдность существуетъ во всѣхъ странахъ, это фактъ къ несчастію неопровержимый; и какъ ни скудна жизнь бѣдняка, она все таки необходимо предполагаетъ извѣстныя издержки для ея продолженія. Здѣсь вспомнимъ простой экономическій законъ: *дѣлать* все *съ возможно-меньшими издержками*, и *возможно-большею выгодою*. Первыхъ — наименьше при равномъ содержаніи естественно въ *общественныхъ* благотворительныхъ заведеніяхъ; вторая можетъ быть только при возможности примѣнить къ производству въ широкихъ размѣрахъ начало разложенія труда, слѣд. наиудобнѣе снова можетъ быть только въ *общественномъ* заведеніи. И такъ единственный раціональный способъ содержанія бѣдныхъ — суть общественныя богоугодныя заведенія; не должно однако упускать изъ виду при этомъ — способность бѣдныхъ увеличиваться, которой и нужно противодѣйствовать по силамъ. Система workhouse'овъ англійскихъ наиболѣе въ этомъ отношеніи сообразна съ цѣлію. — Что касается до работъ, производимыхъ въ этихъ заведеніяхъ, то онѣ должны имѣть въ виду только внутреннее домашнее потребленіе, и потому всего лучше, если устремлены на земледѣліе (colonies agricoles). Въ такомъ видѣ общественная благотворительность совершенно оправдывается наукой, — но иное дѣло — частная благотворительность: польза ея соразмѣрна сходству мѣръ ея съ мѣрами общественной благотворительности, въ обыкновенной же формѣ своей она не способна всегда руководиться здравыми экономическими соображеніями, требующими внимательности и предусмотрительности. Поэтому власть должна споспѣшествовать распространенію благотворительныхъ *обществъ*, въ которыхъ частная благотворительность принимаетъ болѣе отчетливый характеръ и опредѣленную цѣль. Но не станемъ льстить себя надеждой, чтобы даже соединенными усиліями общественной и здравой частной благотворительности нищенство могло быть совершенно уничтожено: при самой разсудительной распорядительности первой, оно неизбѣжно будетъ существовать при настоящемъ экономическомъ устройствѣ общества, и избѣжать его до сихъ поръ могли только небольшія общины, въ которыхъ интересы лицъ взаимно проникли другъ друга до того, что представляются какъ бы однимъ, направляемымъ и сознаваемымъ центральною представительною властію, — но въ замѣнъ того въ этихъ общинахъ такая связь подавила совершенно духъ особенности и семейности.

Современникъ Риччи — *Джямбатиста Васко* (1733—96.) упустилъ изъ виду такое значеніе нищенства въ современномъ обществѣ и въ своемъ стремленіи искоренить его вполнѣ, требовалъ

возможно-широкаго распространенія мѣръ общественной благотворительности *. Вспомоществованіе и убѣжища для бѣдныхъ и стыдливыхъ бѣдняковъ съ одной стороны, насильное доставленіе труда лѣнивымъ и бродягамъ съ другой: вотъ главныя средства, которыя онъ предлагаетъ. Пріемъ въ больницы и воспитательные дома по его мнѣнію долженъ быть возможно менѣе стѣсненъ. Различіе цѣли его и цѣли Риччи—объясняетъ намъ и различіе мѣръ, предлагаемыхъ тѣмъ и другимъ. Нельзя не замѣтить, что цѣль Васко гораздо радикальнѣе, но потому-то самому одни имъ предлаемыя средства не въ состояніи произвести той перемѣны въ обществѣ, къ которой онъ стремился. Для этого нужно бы было современному ему обществу отказаться отъ *всѣхъ началъ*, руководившихъ имъ въ теченіи вѣковъ, что — разумѣется—не возможно и по свойству этихъ началъ, и по свойству самаго общества. Во всякомъ случаѣ нельзя не уважать стремленія Васко истинно-благороднаго.

Во всѣхъ остальныхъ политико-экономическихъ вопросахъ онъ чрезвычайно близко подходитъ къ позднѣйшей школѣ Смита. Сочиненія, въ которыхъ онъ изложилъ эти взгляды свои, какъ и предъидущее, написаны были на конкурсъ. Такъ 1767 г. онъ написалъ: *La felicità pubblica considerata nei coltivatori di terre proprie* въ отвѣтъ на вопросъ Россійскаго Вольнаго Экономическаго Общества. Въ немъ онъ старается удалить возможность излишняго накопленія поземельной собственности въ однихъ рукахъ, предлагая уничтожить право завѣщанія съ тѣмъ, чтобы законъ опредѣлялъ *maximum* и *minimum* частной поземельной собственности, — мнѣніе чрезвычайно оригинальное.

Пользу свободнаго земледѣльческаго сословія онъ понимаетъ вполнѣ, и признавалъ, что только при такомъ положеніи его въ

* Сочиненіе, въ которымъ выраженъ его взглядъ на благотворительность, составляетъ отвѣтъ валянской (въ Дофинэ) Академіи — подъ названіемъ: Mémoire sur les causes de la mendicité et sur les moyens de la supprimer. 1788 (Cust. P. M. XXXIII).— Сюда же должно отнести тогда же (1788) написанный имъ отвѣтъ Туринской Академіи не вопросъ: quali siano i mezzi di providere al sostentamento degli operai soliti impiegarsi nel torcimento delle sete ne' filatoj, qualora questa classe d'uomini cosi utile nel Piemonte viene ridotta agli estremi dell'indigenza per mancanza di lavoro cagionata dalla scarsezza di seta. (Какія средства помощи должно употреблять для работниковъ, употребляемыхъ обыкновенно для пряденія шелку въ случаѣ, если они дойдутъ до крайности по недостатку труда въ слѣдствіе слишкомъ малаго количества шелку? Cust. P. M. XXXV). Онъ предлагаетъ для этого два средства: переселеніе и публичныя работы.

государствѣ, оно можетъ принести для него желаемыя выгоды матеріальныя и политическія, тогда только оно доставитъ хорошихъ гражданъ: безъ поземельной же собственности и проистекающаго отсюда матеріальнаго благосостоянія, это сословіе составляетъ болѣе тягость, нежели облегченіе странѣ. Въ этомъ положеніи его, справедливомъ въ общемъ выраженіи своемъ, представляется одинъ только недостатокъ, именно: онъ не показалъ причинъ связи, существующей между поземельной собственностію и благосостояніемъ поселянина и не объяснилъ природы благосостоянія.

Сочувствіе къ экономической свободѣ является и въ запискѣ Васко: *Delle università delle arti e mestieri* (Cust. P. M. XXXIII), представленной веронской Академіи и доставившей ему честь быть ея членомъ. Онъ въ ней признаетъ цехи вредными для народа потому, что они ограничиваютъ въ странѣ производство, а съ тѣмъ вмѣстѣ и ея населеніе. Такое же вредное дѣйствіе онъ приписываетъ и таксѣ на хлѣбъ, и — наставительно-ограничительнымъ законамъ для шелководства, имѣющимъ еще и теперь силу въ Піемонтѣ. Надъ первыми вопросами мы не станемъ останавливаться, такъ какъ имѣли случай произнести надъ этимъ наше мнѣніе выше; для того же, чтобы судить о правильности послѣдняго, нужно имѣть подъ рукою статистическія данныя, которыхъ къ несчастію мы неимѣемъ.

Въ другой запискѣ *l' usura libera* (C. P. M. XXIV), представленной имъ Іосифу II, онъ признаетъ процентъ выраженіемъ цѣнности денегъ, ихъ цѣною, а потому отрицаетъ правительству и право, и возможность его ограничивать. Предложеніе и запросъ на деньги по его мнѣнію находятся въ прямомъ отношеніи съ легкостію и свободою сдѣлокъ, слѣд. и самые проценты измѣняются только при измѣненіи этихъ условій. — Здѣсь онъ упустилъ изъ виду одно изъ главныхъ условій запроса и предложенія денежныхъ капиталовъ, именно степень *развитія* промышленности въ странѣ, объусловливающей съ одной стороны—количество подвижныхъ капиталовъ, съ другой — потребность въ нихъ, проявляющуюся въ запросѣ.

Кромѣ этихъ сочиненій Васко, къ области нашей науки относится и его *Saggio politico della moneta. 1772. 8.* (C. P. M. XXXIII) Въ немъ онъ является, какъ и многіе другіе Италіанцы, защитникомъ десятичной системы, указываетъ ея превосходство при счетѣ, и предлагаетъ ввести единицею монеты вмѣсто общепринятыхъ металловъ (золота и серебра)—мѣдь, такъ какъ цѣна мѣди наименѣе подвержена перемѣнамъ. И здѣсь, какъ и во всемъ —

принудительный тарифъ онъ признаетъ совершенно излишнимъ и вреднымъ *.

У современника Васко *И. Скоттони* мы встрѣчаемъ также главныя мысли промышленной школы. Онъ конкуррировалъ съ д'Арко въ 1779 г. на вопросъ, предложенный Мантуанскою Академіею: *»выгоднѣе ли въ плодородной странѣ содѣйствовать вывозу суровья или фабрикатовъ?* (С. Р. М. XXXI) (ср. д'Арко). Сочиненіе его признано лучшимъ и дѣйствительно заслуживаетъ полной похвалы со стороны критики. Мы встрѣчаемъ въ немъ много положеній, которыя дѣлаютъ честь его вникающему разсудку. Такъ онъ понялъ важность труда при произведеніи вещи говоря, что въ десятилѣтней сложности произведенія земли зависятъ болѣе отъ труда, нежели отъ климата и погоды. — Земледѣліе называетъ питателемъ ремеслъ, но нигдѣ мы не встрѣчаемъ, чтобы онъ называлъ его единственнымъ источникомъ богатства. Въ требованіи свободы торговли и нападкахъ на воздѣлываніе земли въ большихъ участкахъ мы видимъ вліяніе на него физіократіи. (Ср. Беккарія). Заботу о пропитаніи и снабженіи государства всѣмъ нужнымъ со стороны правительства онъ признаётъ совершенно излишнею, полагая, что для этого совершенно достаточны и рѣдко ошибочны дѣйствія купцевъ, старающихся о томъ изъ личныхъ выгодъ. Внутреннюю торговлю онъ предпочитаетъ внѣшней въ томъ отношеніи, что большая часть народнаго труда имѣетъ въ виду именно ее. Что касается до запретительной системы, то онъ считаетъ ее совершенно нелѣпою потому, что для поднятія мануфактуръ необходимо предварительное развитіе извѣстныхъ наукъ и искусствъ, какъ то: физики, механики, живописи и др., которое можетъ быть только при изобиліи, а изобиліе можетъ быть только слѣдствіемъ свободы торговли по крайней мѣрѣ хлѣбной. Что же касается до запрещеній въ то время, когда эти науки и искусства процвѣтаютъ, то оно тогда совершенно безполезно. Мы видимъ изъ этого, какъ высоко онъ цѣнилъ науки, и какъ правильно обсудилъ ихъ вліяніе на ходъ промышленности. Дѣйствительно — вредъ, причиняемый запрещеніями развитію страны умственному и художественному, этому необходимому условію развитія промышленности, гораздо болѣе и гораздо важнѣе, нежели сколько можно найти замѣну его въ мнимой самостоятельности страны: отсутствіе предметовъ, могущихъ пробудить духовную дѣятельность, отражается въ промышленномъ мірѣ застоемъ и огрубѣніемъ. Страна, наистроже слѣдующая запретительной системѣ, именно — Китай, представляетъ разительное доказательство тому.

* Различныя мнѣнія Васко собраны въ XXV т. Р. М. Cust. подъ названіемъ: *annunzi ed estratti sopra diversi oggetti di economia politica.*

Въ своемъ мнѣніи о свободѣ торговли Скоттони однако не составляетъ рѣдкаго явленія въ тогдашней экономической литературѣ Италіи. Большая часть современныхъ ему писателей ея требовала того же самаго. Мы видѣли въ этомъ духѣ сочиненія физіократовъ; здѣсь можемъ упомянуть о тѣхъ писателяхъ, въ которыхъ мы не замѣчаемъ ошибокъ физіократіи, хотя они и являются защитниками тойже главной мысли. Таковы *Менготти* * и *Корніани*.

Сочиненіе Менготти подъ заглавіемъ: *Il colbertismo, ossia della libertà di commercio de' prodotti della terra. Milano. 1802. in 12* (Cust. ibid.), не смотря на нѣкоторые недостатки, безъ сомнѣнія принадлежитъ къ лучшимъ въ области италіанской политико-экономической литературы. Въ немъ онъ жестоко нападаетъ на меркантильное ученіе, названное имъ кольбертизмомъ, и является защитникомъ полной свободы торговли.

Такое же мнѣніе имѣлъ и *Джіамбатиста Корніани*. Онъ выразилъ его въ своихъ: *Della legislazione relativamente all'agricoltura, discorsi due recitati nella pubblica Academia agraria di Brescia li 1 Maggio e 11 Settembre 1777* (Cust. P. M. XXXIX) **.

Такимъ же страстнымъ защитникомъ свободы торговли является другой италіанскій писатель *Мельхіоръ Дельфико*. Замѣчательно по силѣ выраженія одно мѣсто его *Memoria sulla libertà dello commercio diretta a risolvere il problema proposto dall' Academia di Padova sullo stesso argomento* (Cust. P. M. XXXIX), гдѣ онъ говоритъ, что тотъ, кто уничтожитъ вредныя для общества стѣсненія въ торговлѣ,« прославится какъ человѣкъ, доставившій человѣчеству основную истину и прочное благосостояніе.« ***

---

* *Франциско Менготти* родомъ изъ Фельтре, извѣстный въ ученомъ мірѣ своимъ сочиненіемъ *del commercio de' Romani, dalla prima guerra punica a Constantino* (о торговлѣ Римлянъ)( ) увѣнчаннымъ 1787 парижскою Академіею надписей и изящныхъ искусствъ (Cust. P. M. XXXVI) написалъ свое »*il colbertismo*« 1791 на предложенный флорентинскою Академіею георгофиловъ вопросъ : »что выгоднѣе въ государствѣ, способномъ къ увеличенію народонаселенія и умноженію произведеній земли, покровительствовать ли мануфактурамъ посредствомъ нѣкотораго стѣсненія торговли суровьемъ, или предоставить этой торговлѣ неограниченную свободу ?»

** Другое сочиненіе его *Riflessioni sulle monete* (ibid.) не имѣетъ никакого значенія въ наукѣ.

*** Дельфико сказалъ кромѣ того нѣсколько дѣльныхъ мыслей о благотворительныхъ заведеніяхъ, о которыхъ онъ оставилъ особое сочиненіе.

Имъ замыкается рядъ политико-экономовъ Италіи до начала настоящаго столѣтія. Развитыя и объясненныя ими экономическія истины дѣлались, благодаря ихъ усиліямъ, болѣе и болѣе достояніемъ народа. Чаще и чаще въ сочиненіяхъ, даже не политико-экономическаго содержанія, мы встрѣчаемъ здравыя сужденія о предметѣ нашей науки *. Въ новѣйшее время въ трудахъ оригинальнаго *Мельхіора Джьойи*, *Шіалойя* и др. ** Политическая Экономія нашла себѣ достойныхъ представителей въ Италіи. Сочиненія эти не входятъ болѣе въ объемъ настоящаго разсужденія, которое мы ограничили опредѣленнымъ пространствомъ времени.

Намъ остается теперь показать тѣ заключенія, до которыхъ мы можемъ дойти изъ отчетливаго разсмотрѣнія упомянутыхъ нами сочиненій. Заключенія эти будутъ отчасти повтореніемъ того, что мы имѣли уже случай высказать при частномъ разборѣ сочиненій. Во 1-хъ мы видимъ, что Италіанцы были *самостоятельны* въ своихъ изслѣдованіяхъ. Эта самостоятельность проявляется въ особенностяхъ, которыя принимало у нихъ каждое экономическое направленіе; такъ въ меркантилизмѣ они болѣе заботятся о деньгахъ, нежели о балансѣ, какъ мы это замѣчаемъ въ другихъ литературахъ, – въ физіократіи у нихъ преобладаетъ идея права, которая была мало замѣтна у современныхъ писателей того же направленія въ другихъ странахъ.— въ направленіи промышленномъ они обращаютъ преимущественное вниманіе не на теорію цѣнностей, какъ Ад. Смитъ и его послѣдователи, а на благосостояніе и населеніе страны.

2. Еще важнѣе то отличительное свойство италіанской литературы, котораго мы не могли не замѣтить и которое бросается въ глаза каждому наблюдателю, именно, что зародыши всѣхъ экономическихъ школъ мы видимъ у нихъ. Бандини начинаетъ физіократію, Дженовези—производитъ протекціонизмъ, Серра—систематизируетъ меркантилизмъ, Гальяни напоминаетъ Смита, Ортесъ—Мальтюса и т. д. Такое явленіе представляетъ высокое значеніе: его изслѣдованіемъ мы можемъ сознать ту неоспоримую истину, что наука въ исторіи развитія своего не допускаетъ ничего случайнаго, что извѣстныя новыя идеи въ ней составляютъ достояніе *общечеловѣческое*, и появляются на разныхъ пунктахъ цивилизаціи, когда только приспѣетъ къ тому время, – на перекоръ всѣмъ обстоятельствамъ и усиліямъ, стѣсняющимъ ихъ.

---

* Въ этомъ родѣ мы можемъ назвать преимущественно послѣднее сочиненіе А. *Ант. Муратори*: *Della pubblica felicità*.

** Ср. статью Фаллати о новѣйшей политико-экономической литтературѣ въ Италіи въ Zeitschr. für die gesammte Staatswiss. 1843. 8.

3) Что касается до *отдѣльныхъ вопросовъ* Политической Экономіи, то должно признаться, что почти ни одинъ изъ нихъ, кромѣ денегъ (Скаруфи, Монтанари, Нери, Турболо, Паньини, Дженовези, Гальяни) не рѣшенъ ими окончательно; но они при каждомъ почти указали главное отличительное свойство его и истинную природу, и открыли вѣрный путь къ рѣшенію ихъ. Многихъ изъ нихъ они коснулись первые. Такъ — *трудъ* и его оцѣнка справедливо представлены Дженовези, Беккаріей и Гальяни; они же вѣрно опредѣлили природу *цѣнности*. Важность *земледѣлія* указана Дженовези, Бандини и физіократами. Природа *капиталовъ* постигнута Беккаріей; вліяніе *торговли* высказано Броджіей и Дженовези; необходимость ея свободы отчасти Карли, Дженовези и Верри, еще болѣе физіократами (Бандини, Беккаріей, Филянджіери), Ортесомъ, Корніани и др. Противъ законовъ о *ростѣ* вооружались Гальяни, Дженовези, Васко. Отношеніе *населенія* къ богатству народному выражено Филянджьери и Ортесомъ; истинное значеніе различныхъ средневѣковыхъ формъ *владѣнія* вѣрно оцѣнено Беккаріей и Васко; вредъ *монополій* — представленъ еще Броджіей; недостатокъ *цеховаго устройства* и значеніе крестьянства опредѣлены Васко, Дженовези, Бандини и Верри. Отношеніе богоугодныхъ заведеній къ *благосостоянію*, а равно и значеніе публичныхъ работъ показаны отчасти Бандини, Филянджіери, а преимущественно Риччи и Васко. *Воспитаніе* оцѣнено было вполнѣ Дженовези и др. Природа *податей* описана Броджіей. И такъ всѣ почти главные пункты Политической Экономіи нашли себѣ толкователей въ Италіи; заслугъ ихъ въ этомъ отношеніи мы отвергать поэтому не въ правѣ и изученіе ихъ не можетъ остаться безплоднымъ для ученаго.